

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

**СПЕЦНАЗ
ВЕЛИКОГО
КНЯЗЯ**

Annotation

Знаменитое сражение на реке Угре в 1480 году, позже прозванное «Стоянием», положило конец монголо-татарскому игу и послужило первой вехой в становлении независимого Русского государства. Боевые действия продолжались несколько месяцев на широчайшем для тех времен фронте – более 60 верст. До решающей битвы дело так и не дошло – конец противостоянию положила отправка в глубокий тыл ордынцев отряда отборных воинов Великого князя Ивана.

Сейчас бы такой отряд назвали разведывательно-диверсионной группой специального назначения... Спецназом!

Расширялось и крепло Московское государство, прирастало землями, непрерывно воевало. И молодой дружинник Федор Сухарев прошел вместе с ним славный путь от новика до десятника и сотника, сражаясь, побеждая и познавая горечь поражений.

- [Юрий Корчевский](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Юрий Корчевский

Спецназ Великого князя

© Корчевский Ю.Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Боевой холоп

Отца своего Федька не помнил, мать воспитывала его и младшего брата. Впроголодь жили в полуземлянке-полуизбушке. Мальчишка трудолюбивым рос, сметливым, сообразительным, но с характером. За что не раз бит был сельским старостой. Евграф Ильич, верный слуга боярина, вечно злой, всем недовольный. После работ в поле да скудного ужина Федька к дьячку бегал, в церковь. В небольшой церкви спокойно, ладаном пахнет и восковыми свечами. А главное – дьячок не обижал никогда, разговаривал ласково. Как подросток Федька, грамоте учить стал. Подросток к учению жаден, знания впитывал как губка. За две седмицы весь алфавит выучил. Дьячок рукописную книгу давал читать – «Жития святых». Читал Федька при свете свечи, в небольшом приделе храма. Со временем ладно получаться стало. Дьячок Афанасий учеником доволен. Счёту обучать стал, хвалил.

– Есть у тебя способности, Фёдор. Учись писать, со временем писарем станешь, уважаемым человеком. Всё лучше, чем спину в поле гнуть.

На бумагу и чернила денег не было, да Афанасий совет дельный дал.

– Сделай табличку. Коли бортники знакомые есть, так из воска. Либо сам, из глины. Палочку заостри, ею пиши.

О, как не просто поначалу писать получалось! Буквицы кривые получались, как пьяные. И строка то вниз сползала, то вверх. Но премудрость со временем освоил, поскольку каждый день упражнялся, не отлынивал. Зимой, когда работы мало было, писал, читал при лучине. Мать тягу к учёбе одобряла.

– Правильно делаешь, сынок. Ты Афанасия не забывай, он худому не научит. Глядишь, со временем писарем станешь.

Писарь в деревне второй человек после старосты. Подати за каждым холопом записывал, челобитные и прошения писал, письма.

Жизнь Федьки изменилась в один день. Репу с барского огорода убирал, к полудню чёрные тучи нашли, дождь начался, перешедший в ливень. Фёдор работу бросил. Вымок весь, да из земли, превратившуюся в месиво, репу не вытащишь. Только за ивовую большую корзину взялся, почти полную, в амбар отнести, староста появился на подводе, с объездом.

– Ты что, лентяй, работу бросил?

Сам на подводе сидит, рогожей прикрылся.

– Так дождь же.

Староста слез с подводы, взял кнут, которым лошадь погонял, да принялся Фёдора стегать.

– Вот тебе, лентяй, вот!

Удары сильные, Фёдор уворачивался, лицо руками прикрывал, чтобы кнутом в глаз не попал староста. Как с одним глазом жить? Как всадники подъехали, за шумом дождя оба не слышали. Удары кнутом вдруг прекратились, староста вскрикнул. Это его один из всадников сапогом в бочину пнул.

– За что парня мордуешь?

Всадников трое. Двое ратников, судя по доспехам – в кольчугах, на головах шлемы-шишаки, при мечях. А один в плаще, а на голове шлем. Из-под плаща края шёлковых штанов видны, заправленные в короткие мягкие сапожки. Видно – не простой витязь.

Староста сначала вскинулся. Кто это ударить его посмел? А как разглядел всадников, шапку скинул, в пояс поклонился.

– Прости, князь!

Князь усмехается презрительно, а ратник рядом снова спрашивает:

– В чём вина парня?

– Репу убирать не хочет.

– Так ведь дождь идёт, мокрая репа в амбаре погниёт. Так-то ты за урожай радеешь?

И ещё раз старосту пнул. Не столько от боли, сколько от унижения, да на глазах парня, завопил староста. Ратник, вроде и не вопил истошно староста, с коня склонился:

– Ты чей холоп будешь?

– Охлопкова.

– А вёсен тебе сколько?

На Руси новый год исчисляли с первого марта.

– Пятнадцать.

– А на вид больше, стало быть, не хворый. В младшую дружину пойдёшь?

В младшую дружину при князе брали юношей, оружному бою учили. Как овладевал новик вверенным оружием, в боевые походы брали, но не в первую линию, а в последних шеренгах. Постепенно до опытного вояки растили. В дружинах постоянно убыль была. Кто по смерти в бою выбывал, кто по ранению, а были, хоть и редко, по возрасту. Такие при воинской избе оставались шорниками, конюхами.

Стать княжеским дружинником – мечта молодого юноши. На всём готовом – крыша над головой, еда, одежда добротная. И подчиняются только воеводе и князю. Конечно, дело рискованное, можно живот потерять. Но это дело случая. При татарских набегах, которые случались, и в полон брали, из которого никто ещё не вернулся, и убивали. Когда на потеху, а сопротивлявшихся – всегда. Аркан волосяной на шею и ну за лошадью таскать, пока кожа и мясо до кости не сотрутся.

– Пойду, – сразу согласился Федька, поклон отбил.

– К отцу-матери беги, проси благословения, – усмехнулся князь.

В согласии родителей князь не сомневался, но положено так по традициям.

– Власий, заберёшь парня. К вечеру чтобы в воинской избе были.

– Повинуюсь, княже.

Князь с воином с места сорвались. Остался Власий.

– Беги домой. Звать-то тебя как?

– Федькой.

Фёдор растерялся. Брать корзину с репой или оставить? В нерешительности взялся за ручку, а Власий головой мотает:

– Это уже не твоя забота.

Помчался Фёдор к избе, Власий не спеша за ним едет. Ворвался Фёдор в избу, запыхавшись, мать испугалась.

– Случилось что?

– Меня в младшую дружину сам князь позвал. Благословишь ли?

И на колени перед матерью рухнул. Что женщине оставалось? С уходом Фёдора в дружину на всё готовое одним ртом в семье меньше. А ещё надежда. Вырастет Фёдор, станет гриднем, поможет копейкой.

Сняла мать икону с красного угла, благословила.

– Когда отбываешь?

– Гридь Власий ждёт уже.

– Да что же ты человека в избу не пригласил, мокнуть под дождём оставил?

Собираться не надо, даже смены белья нет. Поднялся с колен Фёдор, мать крепко обнял, брата меньшого.

– Будет возможность, навещу.

– Не забывай своих корней, сынок! – напутствовала мать.

Фёдор на улицу выскочил. Гридь удивился.

– А узелок с барахлом где же?

– Всё на мне.

– Понятно. За мной на лошадь садись, едем.

Коней Фёдор любил, особенно когда в ночное гонял с парнями. Конь – животное умная. Ты к нему с добром, угостишь морковкой, и он не подведёт. Ратник коня шагом пустил. Грязь непролазная, на рыси или галопе коню не можно идти, оскользнётся, да и тяжесть двоих нести. Фёдор по сторонам поглядывал. Видит ли кто из селян, что с дружинником он едет? Как назло, никого нет, всех дождь в избы загнал.

Через время в большое село въехали, Борисово, недалеко от Серпухова, что на Оке стояло. Гридь Власий сразу к дружинной избе. Коня в конюшню завёл, расседлал.

– Сеном-то коня оботри, – указал гридь.

Это верно, негоже коню сырым стоять. У лошадей лёгкие слабые, простудиться может. Гридь рукой махнул, за собой приглашая. Воинская изба длинная, дружинников в ней много. Кто меч точит, кто в кости играет. Власий провёл его в дальний конец, представил седовласому воину. Видимо, не в одной сече дружинник участвовал, на лице шрамы, на правой руке мизинца не хватает.

– Прохор, принимай новика, князь присмотрел. Обуй, одень, учить будешь.

– Исполню. Как звать-то тебя, отрок?

– Фёдор.

– Твоё место будет, – показал на топчан Прохор. – Пока ужин не поспел, одежду подберём. Пошли.

В избе закуток небольшой. Быстро подобрали подростку рубаху льняную, портки. Да всё новое, сухое. А уж как сапоги примерили да с подошвой из толстой свиной кожи, радости Фёдора конца не было. Всю свою недолгую жизнь босиком ходил или в лаптях. Из деревенских только у старосты сапоги были.

Напоследок пояс Прохор вручил.

– Можешь меня дядькой звать. Я над младшей дружиной наставник.

Некоторые топчаны уже заняты были такими же подростками. Князь пестовал смену и пополнение для старшей дружины. За мелкими хлопотами время ужина пришло. Все в трапезную направились. Сухо, чисто, пахнет вкусно. Длинные столы и лавки обочь. Помолившись на иконы, уселись. Еда вкусной оказалась и сытной – каша с убоиной, хлеба бери сколько хочешь, а потом сладкое сыто. Дома у мамки мясо ели редко, на праздники. После ужина у дружинников свободное время. Федька за день продрог под дождём, устал. Сколько впечатлений новых! На топчан улёгся. Здорово-то как! Топчан широкий, под крепкого мужика сделан. А в избе материнной на узких полатах спал. Поневоле сравнение в голову шло.

Незаметно уснул. Утром проснулся рано, как привык. За маленькими оконцами, затянутыми слюдяными пластинами, ещё темно, в воинской избе храп густой. Ещё бы – полторы сотни дюжих мужиков и два десятка новиков, у всех сон крепкий.

После подъёма молебен в домово́й церкви, потом занятия начались. Новикам войлочные поддоспешники дали, на головы – бумажные шапки, из ваты, похожие на толстые тафьи. Для Фёдора непонятно. Осознал, для чего, когда во дворе раздали новикам крепкие прямые палки вместо мечей. Прохор-наставник учить стал, как оружие в руках держать, как наносить удары, как защищаться. А потом наставник новиков на пары разбил.

– Сражайтесь!

Никому неохота побеждённым быть, бились всерьёз. Стук палок во дворе стоит, вскрики. Со стороны посмотреть – потеха, парни палками дерутся. Но ни один из гридей старшей дружины не улыбнулся, все через учение прошли. Войлочный поддоспешник от ударов защищал, но всё же рёбрам доставалось, а больше всего – пальцам, кистям рук. Кожа на пальцах уже ободрана, подкравливают ссадины, болят. Федька зубы стиснул. Ни за что противнику не уступает. Периодически Прохор к каждой паре подходит, на ошибки указывает, иной раз сам палку в руку берёт, медленно движения показывает.

– Понял ли?

Упражнения до полудня продолжались. Все вспотели, подустали. Для Федьки физические нагрузки привычные, сельский труд тяжёл, на поле неженкам не место. В полдень на обед пошли. Лапша куриная, пареная репа, хлеба вдосталь, узвар из груши-дички. О! Каждый бы день так!

После обеда небольшой передых. Один из новиков Прохора спросил:

– А когда нам шлемы и броню выдадут?

Улыбнулся Прохор:

– Не торопись, всему своё время.

Молодые, они нетерпеливые. За первые полгода службы в младшей дружине отсев был. Кого-то из-за неспособности к обучению и нагрузкам отчисляли, несколько сами ушли. Учёба, она лёгкой никогда не бывает. Только когда полгода учения пролетело, новикам дали куяки. Вроде безрукавки из плотной ткани, на которую приклёпаны железные пластины.

Фёдор спросил у Прохора, а почему не кольчуги или байданы? Куяк – броневая защита воинов небогатых.

– Э, неужели сам не догадался?

К разговору все новики прислушивались, всем интересно.

– Вы ещё отроки, растёте. Кольчуга по меркам каждого ратника

делается, поскольку не рубаха, не растягивается. Стоит дорого, куётся долго, месяца три. Потому куяк. А вот шлемы вскорости получите, как и щиты.

Щиты получили, но лёгкие. У старшей дружины они деревянные, круглые, кожей обтянуты, а по краям железной полосой окованы, дабы от ударов клинков не раскололись. Шлемы подобрали по размерам, под шлемы войлочные подшлемники. Шлемы стальные, русские, шишаки, с бармицами сзади. Прикреплённая сзади к шлему кольчужка защищала шею. Вот теперь новики стали похожи на воинов из старшей дружины. Фёдору, часто вспоминавшему мать и младшего брата Ивана, захотелось покрасоваться перед роднёй, давно он их не видел, соскучился. Однако без разрешения Прохора уходить к семье побаивался. Новики меж собой говорили, что отпустят их на побывку не скоро.

После обучения мечному бою пришла пора учиться конному, владению копьём. Начинали с улицы, короткого, в рост человека, метательного копья. Когда освоили, пришёл черёд настоящего копья. Только получили учебные, без рожна, с тупым концом. Новикам коней молодых дали, двухлеток, к седлу и всаднику уже приучены. А вот держаться в строю, в колонне, разворачиваться в боевой порядок уже учились и новики, и кони. Сложно, коням и людям друг к другу привыкнуть надо, а ещё слаженность в десятке отрабатывать. В учебных боях десятков новиков с другим десятком сражался. Уже сколько синяков, шишек, ссадин в таких стычках получено – не сосчитать. Однако не роптал никто, понимали – для дела. Прохор, по вечерам делая примочки из лечебных трав на травмы, приговаривал:

– Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Постепенно сдружились, чувство товарищества появилось, выручали друг друга. Прохор ухмылялся в усы. Из деревенских парней выковывались ратники. Боевого опыта не было, так это дело наживное. Старшая дружина в боевых походах участвовала, стычки постоянно с порубежниками были. Да и как им не быть, ежели все соседи на земли Великого княжества Московского посягали. С юго-востока жадная и жестокая Большая Орда, с востока Казанское ханство, с запада поляки и Литва, да и в псковских землях разбойничал Ливонский орден.

Магистр фон дер Борх уже многие земли под себя подмял. Мало того, в Великом Новгороде заговор зрел, под Литву и Польшу откачнуться хотели. Во главе заговора новгородский Архи-епископ Феофил. И в самом Великом княжестве не всё спокойно. С приходом на престол Ивана III Васильевича братья его, удельные князья Андрей Большой и Борис

Волоцкий, требуют увеличения наделов, де несправедливо старший брат земли наделил. Великий князь Иван земли собирать хотел, а не дробить. В 1464 году к Москве присоединилось Ярославское княжество, в 1474 – Ростовское. В 1472-м Иван III отправил войска на Пермь, и повод был, обидели пермяки московских торговых гостей. Рать пермская разбита была, и пермские земли подпали под великокняжескую руку.

На южных границах Московского государства была создана засечная черта, именованная «Окским береговым разрядом», тянувшаяся по реке Оке, её левому берегу. Южнее черты земли Рязанского княжества, подчинившиеся Москве в 1456 году. На границе Рязанского княжества и Дикого поля своя засечная черта есть, с заставами.

Золотая Орда после большой «замятни» развалилась на части – Астраханскую, Казанскую, Крымскую, Ногайскую, Сибирскую и Большую. Во главе Большой ярый враг москвитян, хан Ахмат. А у Ивана, Великого князя Московского, союзник только один, да и тот слабый, – крымский хан Менгли-Гирей. После развала Золотой Орды ханы Большой Орды неоднократно пытались ходить походами на Крым, подмять его под себя. Войско у Менгли-Гирея невелико, и он тоже стал искать для себя союзников, действуя по принципу: враг моего врага – мой друг.

Только через год обучения многим ратным премудростям новики влились в большую дружину. Клялись в верности на Библии князю Даниле Патрикееву, а в его лице и Великому князю Московскому Ивану III Васильевичу. После присяги торжественный молебен и обед. А уж затем Прохор распустил всех бывших новиков на свидание с семьями, дав сроку три дня. О, как ждал этого момента Фёдор! О конь, да в куяке и шлеме, оружно заявился домой. Хоть плохонько жили, голодно, да семья – это опора для любого человека, а дом – самое желанное место, как бы хорошо в других землях ни было.

Застоявшийся конь легко нёс свежеиспечённого гридя к деревне. Родная изба показалась маленькой, покосившейся. На стук копыт выскочил на крылечко брат Иван. Тоже вырос, в плечах раздался, ещё годик и тоже можно в новики определять. Обнялись братья, да так и стояли несколько минут недвижно.

– Мамка где?

– Где ей быть, у печи. Немного ржаной муки удалось купить, хлеб печёт, слышишь, как духовито пахнет?

Из приоткрытой двери в самом деле пахло хлебным духом. Посожалел Фёдор, что не удалось никаких подарков привезти, да на что? По паре медяков выдали, их и вручить хотел. Ворвался в дом, мать с испуга едва

деревянную лопату не выронила, которой тесто в печь сажала. Обхватил её крепко Фёдор, мать заплакала.

– Уехал и как пропал. Ни весточки не послал с оказией – жив ли? Дай на тебя погляжу.

Отстранилась, оглядела.

– Вырос-то как! И одежда справная! Здоров ли?

– Здоров, матушка! А оказии, весточку передать не случилось. Ноне не новик я, гридь в старшей дружине князя.

– Дай-то Бог, служи верно.

– А ты здорова ли? Не обижают староста?

– Бить не бьёт ни меня, ни брата твоего, видимо, опасается. А по мелочи пакостит. То недоимку запишет, то на дальний огород пошлёт, куда идти полдня.

– Я поговорю с ним.

– Ох, не надо! Пожалуется Охлопкову, быть беде.

Но староста сам напросился. К вечеру Фёдор прогуляться по деревне пошёл. Пусть девки посмотрят, позавидуют. А никого и не видно. На околице староста встретился. Хихикнул мерзко:

– Ишь, вырядился, ровно скоморох! Голь перекатная!

Вскипел Фёдор, старые обиды вспомнил. Кулачному бою уже обучен. Ударил кулаком под дых, согнулся староста от боли, дыхание перехватило. Фёдор его за воротник схватил, потащил от деревни. Неподалёку овраг был, селяне мусор туда выбрасывали, натуральная помойка. По дороге оглянулся, не видит ли кто? Староста в себя пришёл, понял – не совладать с Фёдором, окреп в гриднях, мышцы силой налились, испугался за жизнь свою.

– Феденька, ты что делать со мной хочешь?

– В мусоре али в навозе утоплю. Воздух в деревне чище будет.

– Ох, не бери грех на душу!

– А сам-то, когда селян обижаешь, о грехе думаешь?

Вот уже и край оврага, глубокий он, внизу ручей течёт. По крутым склонам выбраться не просто, да ещё как бы и шею не свернуть при падении.

– Читай молитву, паскудник! – сказал Фёдор.

В глазах старосты отчаяние, страх. Гридь под княжеской рукой. Если побьёт, а видаков нет, жаловаться бесполезно.

– Помилуй, Феденька! – взмолился староста.

Хотел Фёдор удавить старосту, даже писка никто не услышал бы. Да опасался. Составит боярский сын Охлопков два события – приезд Фёдора и

убийство старосты, поймёт, чьих рук дело. Доказать сложно будет, но разбирательство последует. И не за себя боялся, за мать и меньшого брата. Староста на колени рухнул.

– Пощади!

– Пёс шелудивый, – пнул его Фёдор. – Коли мать или брата обидишь ещё, жить тебе останется ровно до моего приезда в деревню.

Грозный прежде староста сломался, стал сапоги Фёдору целовать.

– Живи, жук навозный, но слова мои помни, слово своё сдержу!

Фёдор повернулся и к избе направился. Настроение после встречи испортилось. Как стемнело, спать улёгся. Следующий день воскресенье, нерабочий. Кто-то из деревенских в соседнее село пошёл, в церковь и на торг, другие домашними делами заняты. Летом у селян свободного времени мало. На барских огородах работать надо, с личным хозяйством управляться – куры, свиньи, у некоторых и коровы. Эти уж богатеями местными считались.

Фёдор знакомых обошёл, девкам показался, ноне он жених завидный, перед парнями одеждой да бронёй похвастался. Не всех в gridsни берут, даже если желание есть. А вот глянулся он князю.

А на следующий день в полдень обнял маманю и брательника, кончилась побывка. Коня погнал, дорога сухая, тепло, ветер в лицо бьёт, хорошо!

В воинской избе суета. Фёдор уже в большой дружине, не под Прохором. Но первым встретил его.

– День добрый, дядька Прохор. Чего случилось-то? Почему сумятица?

– Хан Ахмат с ратью по рязанским землям идёт. Князь приказал дружине в поход собираться.

О, как вовремя Фёдор подросел. Перемётная сума уже готова. Копьё взял, щит к задней луке седла приторочил, мечом опоясался. А уже труба ревёт, объявляя построение. Коня вывел, потолкался немного, пока своё место в десятке нашёл. Десятник Тимофей Бармин вдоль строя ратников прошёлся. Все ли на месте, в порядке ли оружие, да кованы ли лошади?

После осмотра к сотнику побежал на доклад. Войско уходило не всё, только сотня. Ещё полсотни оставалось вместе с младшей дружиной, куда новиков набрали. Молодые парни на ратников с завистью смотрели.

– На конь! – раздалась команда.

Выдвигались десятками, выстраивались в колонну. Впереди сотник Евграф Пыльцын. Его дело сотню к Коломне привести, к месту сбора главного войска.

Наущаемый и подстрекаемый Литвой, хан Ахмат, собрав большое

войско, двинулся из Дикого поля на Русь. Заняв правый берег Оки, стал дожидаться подхода союзников – злокозненной Литвы. От места бивака во все стороны разъезжались небольшие отряды поганных, совершали налёты на сёла, грабили и жгли, занимались привычным делом. Ну не работать же воину? Нашествие началось в июле.

Подчиняясь приказу Ивана III, который прибыл в Коломну, воевода Алексина Семён Беклемишев вывел рать из города и переправил на левый берег реки, фактически бросив город. Татарские разъезды тут же донесли хану, что город без защиты. Окружённый деревянным тыном, оставшись без ратников и пушек, город сумел продержаться в осаде три дня, с 29 по 31 июля. Горожане бросали со стен камни, лили кипящую смолу и кипятки. Теряя воинов, хан обозлился, приказал сжечь город. Обычно это было не в правиле ордынцев. Сначала надо захватить город, взять трофеи, пленных, а потом жечь можно. Приказ исполнили в точности. Сотни лучников стали пускать на город стрелы с горящей паклей. Деревянный город вспыхнул сразу во многих местах. Когда прогорела и обвалилась часть деревянного тына, окружавшего город, горожане предприняли попытку спастись. Выбегали из огненного пекла, где от дыма и жара дышать уже было нечем. Татары их секли саблями нещадно. Дым от пожара был виден за много вёрст в округе.

Для Фёдора, неискушённого в битвах, было удивительно, почему великий князь собирает рати не в Серпухове, от которого Алексин близко, а в Коломне, от которой до татар почти сотня вёрст. Ратники на привале баяли, что Иван Сутулый, как прозвали в народе Ивана Васильевича, перекрывает татарам дорогу на Москву. В Коломне в большом лагере на лугу, под стенами городской крепости, несколько дней простояли. Задержка была вызвана тем, что ждали подхода Юрия Васильевича, брата Великого князя, с ратью и пищалями. В лагере Фёдор в первый раз увидел Великого князя.

Иван III был старшим сыном Великого князя Московского Василия II Тёмного и дочери серпуховского князя Марии Ярославны. Отличался Иван осторожностью, был скрытен, властолюбив, обладал железной волей, крутым нравом и холодным умом. Внешне худощав, высок, красив лицом, был сутул, за что в народе его прозвали Сутулым, а иные Горбатым.

Великий князь был окружён воеводами, располагался в большом походном шатре. Фёдор видел его мельком. Хотелось рассмотреть, да князь проехал быстро. Наутро после подкрепления ратью Юрия Васильевича войско выступило в поход. До ратников уже доносились слухи, что татары подступили к Тарусе, от которой до Серпухова один дневной переход.

Коней гнали быстро. Фёдор со своим десятком в конце большой колонны, где из-за пыли, поднятой множеством копыт, не видно ничего и чихать хочется.

Пока добрались до Серпухова, пропылились изрядно. И здесь, на въезде к лагерю, Фёдор увидел татар, довольно близко. Запаниковал, за меч схватился. Но тревога оказалась ложной. Вместе с князем Андреем в поход против ордынцев отправился казанский царевич Муртаза во главе нескольких сотен своих воинов. Глаза раскосые, лица скуластые, вислые усы, у всех воинов луки с колчанами за плечами, сабли на поясе, на головах шлемы – мисюрки. Поди отличи казанского татарина от ордынца. Позже уже различал, у ордынцев лица смуглей, степной загар жёсткий, медью отливает.

После ночёвки Великий князь распорядился войско вдоль Оки распределить. У Ахмата сто путей, поди узнай, какой дорогой он отправится. Главная задача русских ратей – не дать татарам переправиться. Ока широка, судоходна. Татары по своему обычаю пользуются на переправах надутыми бурдюками. Ширина реки ещё одно преимущество даёт, татары по своему обыкновению перед боестолкновением врага градом стрел осыпают. Боя ещё нет, а противник уже потери несёт в людях и конях, морально подавлен.

Пушкари пушечных нарядов пушки и пищали у возможных переправ установили за бревенчатыми засеками. Переправа не в каждом месте возможна. Наиболее удобные места там, где оба берега пологие, конь не может с воды на кручу влезть. А бродов в этих местах Ока не имела.

Великий князь распорядился на правый берег переправиться с ратями воеводам Семёну Беклемишеву и Петру Фёдоровичу. Разведку боем провести, татар побеспокоить, силу явить. На Оку явились почти все, которые собрать удалось, силы. Полтора-два тысяч ратников – конных и пеших, пушкарей и стрельцов. Одна незадача, по фронту, по левому берегу, растянуты.

Татары Ахмата, ожидая подхода войска литовского, от открытого боя до поры до времени уклонялись. Разъезды басурман всё время в отдалении маячили, следили за русскими, но не приближались. Хан выжидал, но спустя пару недель понял, что союзники не придут. Располагая силами значительными, до восьмидесяти тысяч сабель, решил начать активные действия. Его дозоры начали обследовать берега в поисках удобного места для переправы.

Сотню, где служил Фёдор, отправили к месту, где переправа возможна. Оба берега низкие, поросшие камышом. На берегу укрыться негде, ровный

луг, только вдали лес виден. Хоть и устали после перехода, а служба первым делом. Сотник Пыльцын распорядился валить деревья, перетаскивать хлысты лошадьми, делать засеку из брёвен. Засака и укрытие даст, и сделает невозможным лобовую конную атаку, если татарам переправиться удастся. Степной конь размером меньше русского, засеку перепрыгнуть не сможет. Татары – народ степной, плавать не умеют. Водные преграды преодолевали, одной рукой держась за хвост коня, другой за надутый бурдюк. Плохо, что в сотне Пыльцына только пяток гридей имели луки, остальные – мечники. Лук – оружие дорогое, к тому же владеть им не просто, нужна долгая практика. Татар сажали на коня сызмальства, давали маленький лук. Когда мальчишка вырастал до воина, он уже был лихим наездником и луком владел мастерски.

Но на следующий день к сотне Пыльцына прибыл отряд пушкарей с тюфяками. Целый обоз, поскольку пушки перевозились на телегах, так же как и порох в бочонках и принадлежности. Тюфяки – короткоствольные, крупного калибра, стрелявшие камнями или свинцовым дробом на небольшие, до двухсот шагов, дистанции, вселили в сотню уверенность. Пушкари поставили тюфяки за брёвнами, проделав небольшие амбразуры для стрельбы. Старший из пушечного наряда к урезу воды отошёл, засеку осмотрел, кивнул удовлетворительно. Пушек не видно, для татар «сюрприз» будет.

Через два дня на правом берегу реки показался ордынский разъезд. Выехали, постояли, пустили в сторону засеки несколько стрел. Долетела только одна, на излёте ударила в бревно, даже не воткнулась, упала. Ратники осмелели, выскочили, стали неприличные жесты показывать. Татары злобно щерились, проводили ладонью по шее, дескать – резать будем, когда время придёт.

Уехали и через какое-то время вернулись, но уже числом поболее. И похоже – с начальником, мурзой, поскольку один из воинов держал на конце копья, поднятого вверх, бунчук. У каждой татарской сотни или тысячи бунчук имел свой цвет, бунчуком отдавали команды, а ещё по бунчукам на поле боя хан мог видеть расстановку сил. У русских ратников вместо бунчуков был прапор, знамя. У сотни небольшой, а у всего войска великокняжеский, чёрный, с вышитым золотыми или серебряными нитями ликом Иисуса Навина.

Абсолютно не остерегаясь, мурза заехал в воду, коню по брюхо, осмотрелся. Такой бесцеремонности русские стерпеть не смогли. Пыльцын к старшему пушкарю подбежал.

– Чего смотришь? Стрельни по мурзе!

– Это мы мигом, лишь бы команда была.

Тюфяки уже заряжены, жаровня с углями рдеет, в ней запальники калятся. Пушкар подправили прицел на тюфяке, поднесли запальник к затравочному отверстию с порохом. Выстрел! Засака пороховым дымом окуталась. Когда чёрное облако в сторону сместилось, стало видно, как по течению убитая лошадь плывёт, а татары из воды труп мурзы вытаскивают. В злобе стрелы в сторону засеки пускать стали, но дальность велика, стрелы на излёте падали, вреда не причинив. Погрозив кулаками, ордынцы уехали. Старший пушкарь Трофим посожалел.

– Зря пальнули.

– Это почему же? – вскинулся Пыльцын. Мурзу убили!

– Теперь татары знают, что пушки у нас есть.

– И хорошо, в другом месте переправу искать будут. А то и вовсе не полезут, побоятся.

Слова Пыльцына не оправдались. За потерю мурзы татары решили поквитаться. С ведома хана или самовольничали – неведомо. А только далеко за полдень прискакала сотня. С ходу лошадей в воду погнали, сами рядом плыли. Пушкар засуетились. Тюфяки начали палить по целям в воде. Татарам не укрыться, свинцовый дроб хлестал смертоносным дождём по головам людским и конским. Вода в реке покраснела от крови. До левого берега никто не добрался, лишь несколько всадников, видя бесславную гибель сотни, кто не успел войти в реку, коней повернули. Нахлёстывали их под улюлюканье русских ратников. Трупы лошадей и ордынцев поплыли по течению. Даже когда пальба стихла, пушкар орудовали у тюфяков – чистили банниками стволы, заряжали, дабы готовыми быть к отражению новой атаки, доведись татарам сунуться. Через время прискакал посыльный.

– Князь Верейский интересуется, что за пальба была, не нужна ли помощь?

– Не нужна! – солидно ответил Пыльцын. Князь вскоре сам увидит окаянных.

Войска князя располагались немного ниже по течению Оки и должны были увидеть проплывающие трупы. Посыльный, успокоенный словами сотника, тут же умчался. Пушкар довольны, хорошо свою ратную работу сделали. А ратники досадают, не пришлось с погаными биться. Фёдор, как и многие молодые гриди, жаждал схватиться с ордынцами. За ужином сотник сказал:

– Достанется ещё на вашу долю, мало не покажется.

Слова сотника оказались пророческими. На следующее утро на другом

берегу показался ордынский разъезд. К урезу воды подъехали, наблюдали за засекой на другом берегу.

– Парни, не показывайтесь. Окаянные счесть вас хотят, так пусть в неведении будут.

Неожиданно на правом берегу со стороны деревни Юдинки показался небольшой отряд русских ратников. Как позже выяснилось, из рати воеводы Петра Фёдоровича, посланного на правый берег. Разъезд татарский сразу на них поскакал, только сабли засверкали. Сеча началась, да в виду гридей за засекой. Десятники к Пыльцыну кинулись.

– Евграф, дозвожь помочь?

Медлил сотник. Засеку оставлять основным силам нельзя. Но и своих бросать в беде негоже, не зря у ратников клич есть – «за други своя»!

– Дозволяю десятку переправиться.

Евграф десятников обвёл глазами. Ткнул пальцем:

– Тебе. Бог в помощь.

Перст сотника указал на Тимофея Бармина, в чьём десятке Фёдор служил после младшей дружины. В десятке трое из новиков, остальные с опытом боевым, зрелые мужи. Мигом на коней взлетели – и в воду. Вода уже коням по грудь, Фёдор с лошади слез, плыл рядом, держась за луку седла. Самому бы, без поддержки, не выплыть. Оружие, шлем, броня – боевое железо тянуло вниз. Наконец кони выбрались на берег. С коней, с ратников вода ручьём текла. Не мешкая, вскочили на коней, и вперёд. Разъезд ордынский в клещах оказался. Русские впереди и сзади. Часть татар коней стала разворачивать, чтобы лицом встретить гридей. Рубка пошла яростная. Татарам отступать уже невозможно, за жизни свои дерутся. С прибытием подкрепления силы противников уравнились. Первого своего противника Фёдор одолел быстро, ажно сам удивился. Вначале мечом расколол щит татарский – лёгкий, дерево кожей обтянуто, а окантовки нет. Меч не только щит расколол, но и пальцы на кисти татарину отсёк. Ордынец под второй удар саблю подставил. Удобна сабля в маневренном бою и когда щит есть. А против тяжёлого русского меча слаба. Каждый удар меча саблю в сторону отшвыривал, так что татарин едва в руке её удерживал. Слабеть ордынец стал, кровушка из обрубков пальцев хлещет. Изловчился Фёдор, привстал на стременах, сверху мечом ударил ордынца по плечу, располовинив врага до пояса. Остёр и тяжёл меч, жаль только – конец скруглён, колоть им нельзя, в отличие от иноземных.

А рядом другой поганый зубы скалит, в схватке бывшего новика, молодого гридя из десятка Тимофея сразил. С ним зачал сражаться Фёдор. Изворотлив татарин, опытен. Стоит Фёдору удар нанести, как сам ордынец

сабелькой в ответ бьёт. И колющие, и режущие удары наносит. Щит выручал да куяк. Кольчугу так сковать кузнец не успел, только мерки снял. Фёдор удар нанёс, мощный, сверху. Татарин удар на щит принял, трещину щит дал. Ордынец из-под щита саблей кольнул. Клинок по пластинчатому железу скользнул, бок слева болью обожгло. Фёдор меч не вскинул, а вперёд клинком выпад сделал. Конец клинка скруглён, однако в лицо татарину попал, кровь хлынула из носа и глазниц. Взвизгнул по-бабьи татарин, в седле назад откатнулся, а Фёдор уже рубящий удар по бедру нанёс. Меч кость легко перерубил, как хворостину на тренировке.

Татарин от болевого шока замер в седле, единственный правый глаз прикрыл. Фёдор ещё удар нанёс, уже по шее, голову срубил. Обернулся в поисках противника, а бой почти закончен. Ратники добивают несколько ордынцев. Тимофей десятник кровью забрызган, вид страшный, глаза бешеные.

- Ты как, Фёдор, не ранен?
- Левый бок поранен, но крови мало.
- Сымай куяк, посмотреть надо.

Стянул Фёдор куяк. Защита не самая хорошая, пластины к ткани прикреплены, а всё же от смерти уберёг. Между пластинами на ткани разрез длиной в ладонь, на коже слева, на уровне последнего ребра рана, но не глубокая.

– Повезло тебе, парень. Из боевого крещения с царапиной вышел. На засеку вернёмся, мхом толчёным присыпем да перевяжем. Заживёт как на собаке.

Бой закончился полной победой. Татары же порублены, но потери и с нашей стороны есть. В десятке Тимофея двое убитых и оба из молодых. В отряде воеводы Петра Фёдоровича потери серьёзней, они приняли на себя превосходящие силы ордынцев, пока на помощь десяток Тимофея не подоспел. Обнялись в знак признательности и боевого братства.

– За помощь в трудную минуту благодарствуем, – благодарили ратники.

Своих убитых гриди на коней погрузили, поперёк седел. С превеликим трудом через реку переправили. Лопатами, что у пушкарей взяли, одну могилу на двоих вырыли. Тимофей сказал:

– Ещё повезло парням, упокоены по христианскому обычаю. Бывает, что и на поле бранном оставлять приходится, когда противник ломит и отходим.

Сотник, как старший, молитву счёл. Фёдору не верилось в смерть парней. Год с ними в младшей дружине был, сегодня утром из одного котла

по очереди ложкой кулеш хлебал. И вот их нет, а он жив. Пока могилу рыли, Фёдору рану мхом присыпали, чтобы воспаления не было, да перевязали чистой тряпицей. Каждый ратник в перемётной суме возил полоски чистых тряпиц, маленький узелок с толчёным мхом, а ещё кривую иглу и суровые нитки – рану шить, если глубокая. И шили не хуже лечцов, не одну жизнь тем спасая.

Фёдор в реке обмылся, мокрой тряпицей куяк обтёр, привёл себя в относительно приличное состояние.

За следующие два дня ордынские разъез-ды показывались, но не приближались. Видимо, проверяли, стоят ли ещё русские ратники. А потом пропали. Через несколько дней сотник Пыльцын обеспокоился:

– Не в другом ли месте переправу готовят? Или затишье перед бурей?

А через несколько дней на заставу прискакал посыльный.

– Великий князь повелел войскам к Серпухову отходить.

– Как так?

– Уходят татары. Вчерашним днём снялись с лагерей, через рязанские земли в полуденную сторону направились.

Скорее всего Иван Васильевич сомнения имел. Не обманной ли ход ордынский. Сделают вид, что возвращаются в Дикое поле, а сами в другом месте удар нанесут. За татарами в отдалении следовали русские дозоры. Великий князь войско не распускал, а передвинул к Серпухову. Изменят ордынцы маршрут, повернут к Коломне или с востока зайдут, от Серпухова рати перебросить быстрее.

Рати встали под Серпуховом. В городе разместились только Великий князь и воеводы. Город невелик и войско разместить не в состоянии. Да люди-то ещё ладно, лошади проблему создавали. Лагерь ратников раскинулся на несколько вёрст на лугу. Держать огромное войско со многих земель удельных княжеств затратно и хлопотно. Через неделю, когда русские разъезды подтвердили, что ордынцы уже далеко, Великий князь объявил о роспуске войска. Поблагодарил воевод, пир устроил. Всё же без сечи обошлось и почти без потерь. Собрать сто пятьдесят тысяч воинов, причём очень быстро, стоило больших трудов. Ведь всё население Московии составляло три миллиона. Правда, не учитывалось монашество, женщины и дети.

Рати разъезжаться стали. Кому далеко, во Владимир, кому поближе – в Ярославль, а кто и от воинской избы недалеко, как сотня Пыльцына. Без трофеев и победы возвращались, но настроение хорошее, песни пели, всего двое в потерях числятся. А случись большая сеча, расклад иной был бы. Застоявшиеся кони бежали легко и уже в полдень прибыли к воинской избе.

Пару дней сотня себя в порядок приводила. Чистили лошадей, чинили сбрую, сами баню приняли, одежку постирали. После ночёвок в чистом поле, когда вместо подушки перемётная сума, а вместо матраца голая земля, в воинской избе хорошо.

Через несколько дней радостное известие. Из победного похода на Великую Пермь вернулось войско Стародубского князя, воеводы Фёдора Давыдовича Пёстрога. Посланный Иваном Васильевичем на Пермь в сече разгромил дружину и ополчение Великого князя Пермского Михаила Ермолаевича. На притоке Пакчи поставил крепость русскую с гарнизоном. Снова приросло государство Московское землёй и подданными.

А через месяц в дружину приехал подьячий Иноземного приказа. Сроду в дружине таких гостей не было. Сотник дружину построил, не только ратников, но и коней. Ратники шушукались меж собой.

– По какому поводу смотр?

Ответа не знал никто. Обычно смотры устраивались перед большими походами, выявить недостатки.

К ратникам вышли сотник и подьячий. Гость внимательно смотрел на статью ратников, на лица. Гридям странно. Обычно проверяли оружие, броню, подкованы ли кони? Подьячий ткнул пальцем в Фёдора и его соседа.

– Ты и ты, выходи. Остальные свободны.

Фёдор почувствовал себя неуютно. Вроде вины за собой не чувствовал, а подьячего допрежь не видел никогда и случайно обидеть не мог.

Сотник распорядился:

– Утром с подьячим в Москву выезжаете, не посрамите там. Скажем – нос рукавом не вытирайте да опрятны будьте. Степан, чтобы сапоги чистил, есть за тобой грех.

Подьячий, когда утром в путь тронулись, ехал на возке, за ним двое гридей. На одной из остановок подьячий Гордей Захарович пояснил:

– Великий князь одну особу ждёт, сопроводить её надо от новгородских земель. Да чтобы ратники статью вышли, да на одно лицо.

Фёдор и второй ратник, Степан, переглянулись. В самом деле похожи. Оба молодые, русоволосы, носы прямые, греческие, голубоглазы.

А готовился князь встречать свою будущую супругницу Софью. Первая жена Мария Борисовна, подарив Ивану Васильевичу сына, тоже Ивана, прозванного Молодым, умерла. Прознали в Риме, что государь Московский жену подыскивает. В голове папы римского Сикста IV сразу возник коварный план – выдать замуж за Ивана Васильевича Софью, дочь

деспота Мореи, провинции Византийской, Фомы Палеолога, племянницы последнего Византийского императора Константина XI. Сикст был приверженцем унии, объединения католиков и православных, конечно, под властью папы. В 1453 году османы с боем взяли Константинополь, столицу Византии. При штурме император Константин погиб. Через два года в семье Фомы родилась дочь, при рождении названная Зоей. В семье были ещё два мальчика – Андрей и Мануил. В 1460 году султан османов Мехмед II захватил Морею и столицу её Мистру. Фома с семьёй кружным путём перебрался в Рим, где вскоре вместе с семьёй принял католическую веру для поддержки папы римского. Довольно быстро скончался вслед за матерью Зою.

Папский престол назначил Зое опекуна – кардинала Виссариона Никейского. В ту пору Зое было всего 10 лет, при переходе в католицизм ей дали имя Софья. Кардинал занялся образованием осиротевших детей, тем более что папский двор выделял для этого ежемесячно двести дукатов. Были наняты учителя латинского и греческого языков, словесности, а ещё лекарь и слуги. Фома Палеолог, покидая родную Мистру, захватил обширную библиотеку – старинные свитки, папирусы, книги.

Ивану Васильевичу на момент смерти жены было 27 лет. К Великому князю поторопился папский посол с предложением жениться на Софье. Предложения были и из других дворов Европы. Но Иван Васильевич был честолобив и возможность жениться на внучке императора Византии, православного центра, ему польстила. Случилось это в 1469 году. Великий князь возжелал увидеть Софью, посол, грек Юрий, пообещал доставить парсуну с её изображением. Вместе с греком в Рим отбыл посол Ивана Васильевича именем Иван Фрязин. Кстати, коварные латиняне благоразумно умолчали, что Софья приняла католицизм. Папа римский принял Фрязина, папский двор даже дал ему разрешение ходить два года безвозбранно по землям, которые папству присягли. Фрязину вручили художественный портрет Софьи. Иван сверил, схож ли портрет с оригиналом, сходство его удовлетворило, с чем и отбыл в Москву. Софье тогда было 14 лет. Невысокая, 160 см ростом, миловидная брюнетка. Когда Фрязин показал Великому князю по прибытии в Московию портрет, был шок. Не было на Руси в те времена светской живописи. Бояре и сам Иван Васильевич приняли портрет за икону. Лик Софьи Великому князю понравился, и он дал согласие. Переговоры шли три года, всё же расстояние от Москвы до Рима большое, сношение происходило посольствами, на лошадях.

Уже первого июня 1472 года в базилике Святых епископов Петра и

Павла в Риме состоялось заочное обручение Ивана III и Софьи Палеолог. Папа римский дал приданого шесть тысяч золотых дукатов. Высокопоставленных гостей было много, не каждый день бывают династические браки. Невесте на тот момент едва исполнилось 17 лет. Великого князя представлял Иван Фрязин. Не мешкая, выехали большим обозом. В свите Софьи Юрий и Дмитрий Траханиот, князь Константин, Дмитрий как посол её братьев – Андрея и Мануила, Косспан Грек, папский легат Антоний Бонумбре и епископ Агчии, а также слуги. А ещё на нескольких возах библиотека, которая в дальнейшем станет основой для библиотеки Ивана Грозного, внука Софьи.

Маршрут пролегал через север Италии в Германию. Обычно оттуда ехали сухопутным путём через Польшу. Но, поскольку у Казимира IV были с Иваном Васильевичем отношения натянутые, даже враждебные, в порту Любек Ганзейского союза, куда прибыли первого сентября, погрузились на корабль.

Одиннадцать дней плыли по Балтике и выгрузились в Колывани. Снова обозом к Чудскому озеру, где на берегу их уже встречали псковские бояре и любопытный народ. Софью и всех людей из обоза переправили на лодьях через озеро, привезли в Псков, где встретили как дорогих гостей. Софья отдыхала всего сутки, хотя путь был утомительный. Но следовало поторапливаться, начиналась осень с её дождями. А Русь не Рим с его мощёными дорогами. Следующим городом был Великий Новгород. Ещё республика, но гнул его под себя Иван Васильевич. Партия сторонников Москвы Софью встретила торжественно. И вновь на отдых один день. Софья хоть и молода была, понимала – следует поторапливаться. Обручённая невеста ещё не жена, не венчана. Одно обручение у неё уже было, браком не закончившееся.

Когда сборная полусотня выехала из Москвы, на первом же привале подьячий сказал:

– Будущую Великую княжну встречать едем. Потому одёжу в чистоте держать и ни одного грубого слова. И глаза на невесту княжескую не пялить!

Фёдор уже обратил внимание, что ратники похожи друг на друга. Видимо, Иван Васильевич невесту удивить хотел, но позже Фёдор понял, ратники не только почётный конвой и охрана, но и рабочая сила. Полусотня встретила обоз Софьи на новгородских землях. Новгородцы, сопровождавшие обоз, с радостью повернули обратно. Уже начались дожди, дороги развозило. Приходилось нескольким ратникам спешиваться, втроём-вчетвером вытаскивать, а то и десятком. Поднимали телегу

целиком, выносили из грязи. Фёдор несколько раз видел мельком Софью. Большого впечатления не произвела. Видел он девок и покраше. Да ещё и епископ Агчии, ехавший в одной кибитке с девушкой, постоянно задёргивал шторы.

Недоволен епископ был скверной, холодной, дождливой погодой, отвратительными дорогами, а пуще того – поведением Софьи. Как только девушка въехала в пределы Московии, характер проявила – заявила епископу, что возвращается в православие и католических обрядов исполнять не будет. Кардинал Виссарион Никейский, как и епископ Агчии, пребывали в шоке. Принудить Софью невозможно, она невеста Великого князя. Если пожалуется, можно и голову потерять, потому как крут в гнев Иван Васильевич. Да и склонить государя через брак к католической вере не получится. Пока кардинал Виссарион размышлял над ситуацией, епископ пытался Софью образумить.

Для Фёдора, как и других ратников, путь до Москвы получился нелёгким. Сначала телеги и возки приходилось из грязи вытаскивать, потом морозы начались, снег пошёл. На колёсах совсем плохо передвигаться стало. Однако Иноземный приказ не подкачал. В сотне вёрст от Москвы навстречу санный обоз. День ушёл, чтобы имущество на сани переложить. Мало того что личные вещи, так и ещё библиотеку со всем тщанием перекладывали и укрывали. Многие книги и все свитки рукописные воды боятся. А ещё холодно. Выезжали из Москвы ратники по ранней осени, одежда лёгкая, а возвращались уже по зиме, ноги в лёгких сапогах мёрзли. Только что отогревались по пути в воинских избах или на постоянных дворах. Хоть и снег, а льда крепкого на реках не было. По льду ехать хорошо, ровно, не трясёт. А по замёрзшей комками земле под снегом полозья саней подпрыгивали, того и гляди, возок или кибитка перевернётся.

На остановках в сёлах в возки нагретые камни в жаровнях меняли, дававших хоть какое-то тепло. Софья, как и все сопровождающие, южане. Для непривычных к снегу и морозу условия суровые. Ратники посмеивались.

– Это они ещё крещенских морозов не видали.

Тем не менее с трудностями, но обоз проходил за небольшой осенний световой день по пятнадцать вёрст и в начале ноября въехал в Москву под перезвон церковных колоколов. Отряд ратников довёл обоз до Неглинки, а тут уже и бояре встречают, и знатные люди. Подьячий Гордей Захарович ратников попридержал.

– Кончилась ваша работа, парни.

Прибыли в воинскую избу, заночевали, поскольку новых распоряжений не поступало, разъехались по своим дружинам.

Венчание Софьи и Ивана Васильевича состоялось 12 ноября. Митрополит Филипп, заподозрив в ней «агента» латинян, тем более окружение было католическим, отказался проводить обряд венчания, церемонию проводил епископ Осия.

Брак оказался долгим и прочным. Софья родила Ивану 12 детей, первые четыре девочки. Родившийся в марте 1479 года мальчик Василий впоследствии стал Великим князем Московским Василием III, отцом Ивана Грозного. Многие сделала для Московии Софья. Благодаря ей византийский двуглавый орёл перекочевал на герб и флаг России. Она стала приглашать на Русь иноземных архитекторов, ювелиров, мастеров монетного дела, оружейников, врачей. Для строительства Успенского собора был приглашён Аристотель Фиораванти, начавший строить из белого камня. С её подачи московские правители стали называться царями. В договоре с императором Священной Римской империи Максимилианом I Василий в 1514 году впервые именуется императором русов, что дало через два века Петру I именовать себя императором.

Довольно быстро после венчания Софья уговорила мужа Ивана не платить дань Орде. Шесть лет Московия не платила дани, что вызвало гнев хана и новый поход на Москву уже в 1480 году.

Глава 2

Десятник

Дань – ярмо тяжёлое. Княжества русские начали платить дань после захвата Руси Батыем, с 1245 года. Дань исчислялась в зависимости от населения удельных княжеств. Единицей налогообложения считались крестьянское хозяйство, ремесленный двор. От дани освобождались церкви и монастыри. Для переписи населения на Русь прибыл битекчи (главный писарь) Берке, а с ним тысяча всадников под командованием Неврюя. С каждой сохи или двора исчисляли по полугривне серебром, или рубль, поскольку гривну рубили. На Руси тогда обращались три разные гривны по весу – Киевская, Новгородская и Московская. Рубль исчислили как половину Новгородской гривны, весил рубль сто граммов серебра. За рубль можно было купить сто пудов ржи. Главная незадача – Русь не имела своих серебряных рудников, серебром расплачивались иноземные купцы из Азии, Европы. Поэтому торговых людей, называемых гостями, привечали. За обиду гостей спрашивали строго, а за грабёж торгового обоза наказание было одно – смертная казнь.

Причём правило это соблюдали и монголы и русы. При Дмитрии Донском, в 1328 году, Великий Новгород платил две тысячи руб-лей, Великое княжество Владимирское пять тысяч, Суздальское княжество полторы тысячи, а Московское 1280 рублей, Городец 160 рублей, а Вятка 128. Всего монголы получали ежегодно приблизительно полторы тонны серебра. Для Руси – тяжёлая ноша. Фактически Орда позволяла жить, но не развиваться. С ростом населения и дворов дань увеличивалась, по монгольской переписи в начале правления Ивана Васильевича население составляло три миллиона человек в Великом княжестве Московском.

Зиму Фёдор провёл на заставе у засеки, на Окском береговом разряде. Вдоль реки, по берегу, тропинка вьётся, набитая копытами коней ратников с заставы. Хоть и под снегом она, а всё равно по ней ездили. Зимой река подо льдом, по ней вместо судов санные обозы ходят. Летом с юга, со стороны рязанских земель, татары подойти могут. А зимой окаянные по юртам сидят, кумыс пьют. За редким исключением зимой, по глубокому снегу, войска ходят, тяжело и людям, и коням. Зато любую реку по льду перейти можно, да нет зимой врага. Но служба обязывает, каждое утро после завтрака с заставы в обе стороны дозоры отправлялись, по

пятнадцать вёрст в одну сторону. Возвращались на кордон замёрзшими, усталыми, голодными. На конях хоть и попоны, а тоже в тёплую конюшню тянутся. После целого дня на ветру и морозе славно у печи согреться, кулеша горячего похлебать. Дело заставы – врага обнаружить. Если рать малая – задержать, а ежели целое войско, гонца к воеводе в Серпухов отправить, а самим следить, куда противник направляется, да какими силами. Рязанцы с Москвой замирились, как татары либо поляки появлялись, сразу гонца слали. И первый удар на себя приходилось принимать серпуховской или коломенской дружинам, московские-то полки не скоро подойдут. Обычно воеводы наготове были, поскольку опрашивали в летнее время купцов, которые в полуденную сторону с обозами ходили – в Крым, в Сарай. Те вроде лазутчиков были. Проезжая по Перекопу, а потом по пути видели, есть ли войска поганых, да пасутся ли стада в степи? Перед большим походом стада отгоняли в стороны, чтобы траву не съели, дабы лошади всадников могли прокормиться. А ещё расспрашивали – какие слухи на местных базарах ходят?

О конспирации, секретах в Орде понятия были смутные, и слухи на пустом месте не рождались. Собрать большую армию для похода – дело сложное и небыстрое, заранее рассылались по всем улусам ордынским послания, а ещё сос-тоялся сбор темников и тысячников.

Фёдор со товарищи отбыл службу на заставе до весны. Солнце пригревать начало, снег таял. А потом с грохотом стали ломаться льдины. Всё, теперь ни конному, ни пешему хода через реку нет, да и на лодке не переправиться. Сначала ледоход пошёл, потом половодье. По воде мусор, поваленные деревья плывут. Ни судов на реке, ни лодок. С чувством выполненного долга и предвкушением отдыха в воинской избе ратники отправились в Борисово. Отмылись, перековали коней, отдохнули.

Летом службу нести проще. Одежда легче, движений не сковывает, ноги не мёрзнут. И лошадям на заставе раздолье на свежей траве. А в начале осени, 12 сентября, как гром среди ясного неба. Умер удельный князь Дмитровский, Можайский и Серпуховский Юрий Васильевич Младший, брат Ивана Васильевича, всего 32-х лет от роду. Завещания брат не оставил, поэтому Иван III княжество забрал себе, присоединив к Московским. Для Фёдора и дружины ровным счётом ничего не изменилось. Также на заставы ездили, порубежную службу несли. Даже воевода серпуховский остался прежним.

Пообтёрся Фёдор на ратной службе, взматерел, вырос, настоящим мужиком выглядел. Ещё бы – в кольчуге новой, по меркам сделанной, а ещё поножи и наручи есть. Правда, в воинской избе они лежали. Для сечи они

надобны, в серьёзном бою. А на заставе какие бои? Здесь передвигаться много надо, лишняя тяжесть ни к чему. Засиделись ратники до первых белых мух, до морозов на заставе. Одежка лёгкая, не для зимы. А тут и смена подоспела — в тулупах, шапках. Ратники в воинскую избу воротились. Отмылись, отъелись в тепле, десятку недельный отдых дали, езжай к родным или к зазнобе. Фёдор в свою деревню отправился. Давно матушку не видел и по брату соскучился. Медяков пригоршню в подарок вёз. А приехал и расстроился. Мать в одночасье от лихоманки померла три седмицы назад, когда он на заставе был. В избе печь холодная, сыро.

— Брат, ты когда ел?

— Два дня назад.

Иван расплакался.

— Сопли и слёзы подотри! — приструнил его Фёдор. — Своди на могилку к матери, потом в Борисово поедем.

Сходили на скромную могилу с деревянным крестом. Надпись на нём — «раба божия Степанида».

— Дьячок Афанасий писал?

— А кто же ещё?

Постоял Фёдор, поклонился могилке.

— Собирай, что сердцу дорого, и едем.

А всего и набралось, что маленький узелок, бедно жили, кусок хлеба в радость. Иван за Фёдором на коня уселся. Так и приехали в дружину. Фёдор сразу с поклоном к сотнику Пыльцыну и дядьке Прохору.

— Сиротой брательник Иван остался. Христа ради прошу новиком взять в младшую дружину.

Сотник и Прохор Ивана осмотрели, мышцы пощупали. Худоват Иван, но кость широкая, крепкая, а мясо нарастёт. К тому же Фёдор, старший брат, хорошо себя показал, по службе нареканий нет. Взяли парня. И Фёдор, и Иван рады. Подросток в деревне один от голода загнётся либо вши заедят. Пока седмица отдыха была, Фёдор все медяки на Ивана потратил, в харчевню водил на постоялом дворе. Да и под приглядом отныне брат, сыт и одет, со временем ратником станет. С того времени каждый день встречались. То мимо проходил, когда Прохор новиков на деревянных мечях сражаться учил, а то в трапезной, за обедом, то в домово́й церкви за молебном. На сытной пище Иван быстро из худого подростка справным парнем стал, щёки порозовели.

После Крещения к Фёдору Пыльцын подошёл.

— Князь желает на медвежью охоту ехать. Поедешь ли? Дело опасное, но добровольное.

Фёдор поначалу отказаться хотел. Зачем хозяина леса убивать? Тем более положение зверя незавидное. Он один, а охотников много будет, князя егеря и воины подстраховывать будут и все с оружием. Но согласился. Интересно было, да и в какой-то мере ловкость и смелость проявить можно.

– Выезд завтра после молебна. Из оружия рогатина будет, её в арсенале возьми, и нож. И не вздумай шлем одеть и кольчугу, не на сечу едем.

В арсенале оружейник рогатину подобрал. Рожон в два локтя длиной, фактически настоящий меч, серьёзная железная перекладина в месте соединения рожна и древка. Древко толстое, тяжёлое. И нож, который прозывали боярским, с локоть длиной. Обычный для медвежьей охоты слабоват, клинок короткий. Фёдор нож и рожон наточил.

Утром оделись тепло. Тулуп, шапка, а на ногу по две портянки в сапоги. В валенках теплее, но бегать в них неудобно, да и ноги в стремяна не вденешь.

После молебна в домовоей церкви выехали целой кавалькадой. Впереди егерь, за ним сам князь с тремя близкими людьми, а следом пять дружинников. Вёрст десять отмахали по заснеженной дороге. Потом егерь в лес свернул. Ещё полверсты, и остановились все, спешились. Лошадей здесь оставили с одним ратником для пригляда. А дальше пешком. Особо не тихарились. Егерь пояснил:

– Ведмедь-то крепко спит. Зимняя спячка у него, добудиться ещё надо.

Остановились у небольшого снежного бугра. Сбоку небольшая дырка, и, если присмотреться, лёгкий парок из неё идёт.

– Самая берлога и есть, – пояснил егерь Ларион. – Кто-нибудь один подходи, только рожном через снег щупай до земли, а то как бы в берлогу не провалиться.

У князя, как и друзей его, в руках тоже рогатины. Ратники от берлоги отошли шагов на десять, рогатины перед собой выставили. Гридь Семён рожном рогатины в снег тыкал. Ткнёт, попадёт в твёрдое, ещё шаг делает. Сугроб уже рядом. Ткнул ещё раз, а рогатина до половины под наст провалилась.

– Теперь рогатиной пошуруди там. Только наготове будь. Зверь, как его разбудишь, зело зол и свиреп.

Гридь рожном стал в берлоге в разных направлениях тыкать. Внезапно снег во все стороны из сугроба полетел, со стороны – как взрыв. Из снежной пыли что-то большое, чёрное по-явилось. Как медведь Семёна ударил, Фёдор заметить не успел. А только гридь отлетел шагов на пять и

упал без сознания. И тут же рёв дикий. Всем страшно стало, как дьявол из преисподней выскочил. Медведь огромен, встав на задние лапы, на две головы выше человека, а то и больше. Пасть огромную разинул, ревёт. И почти сразу на князя кинулся. Успел Патрикеев рогатину выставить, а медведь её лапой в сторону отбил. Один из друзей князя не убоился, уколол зверя рогатиной. Кому понравится, когда острым железом в тело тычут? Медведь мгновенно переключился на обидчика, прыжок сделал, ударил лапой по человеку. Охотник так и отлетел, выронив рогатину. А медведя второй охотник в правый бок рогатиной бьёт. Медведь, как и кабан, на рану крепок. Взревел, на обидчика кинулся и ну когтями рвать. От полушубка клочья летят, а уже и кровь показалась. К медведю гриди кинулись, уже не до охоты, медведя убить надо, пока большой беды не сделал. Сразу двое ратников рогатины в зверя вонзили. Медведь на задние лапы поднялся, маленькие глаза злобой горят, на людей напирает. А поперечина железная за рожном придвинуться не даёт. Тут и Фёдор с рогатиной подскочил, ударил медведя со спины, под левую лопатку. Кровь ручьём хлынула. Попытался зверь повернуться, а сил уже не хватило, рухнул. Издав последнее рычание, испустил дух. На всех ступор нашёл, застыли в безмолвии. События настолько быстро и трагично развивались, что осмыслить, переварить их надо. Егерь первым в себя пришёл, к князю кинулся.

– Жив ли? Не ранен?

– Цел, ведмедь когтями только рукав порвал.

С другими, до кого медведь добрался, было хуже. У охотника раны от когтей на голове и теле глубокие, кровь хлещет. Егерь перевязывать его стал, а охотник от боли сознания лишился. Фёдор же к ратнику Семёну кинулся, медведь его первым сбил. А гридь уже не дышит. Фёдор тулуп расстегнул. Ран на теле не видно нигде, как и крови. А взялся Фёдор за грудную клетку, а все рёбра хрустят, переломаны. Видно – чудовищной силы удар был.

Скверная охота получилась. Один убит, двое ранены. Пока ратники ножами валили деревца с прямыми стволами, делать волокуши, егерь медведя осмотрел.

– Всю шкуру попортили! – сокрушался он. Один удар в сердце быть должен, а вы его рогатинами истыкали.

Вообще-то претензии к князю предъявлять надо было, да кто себе это позволить может? Фёдор в душе возмущен. Егерь о попорченной медвежьей шкуре печётся, между тем ратник погиб, лишился жизни не в бою с врагом, а ради охоты княжеской, ради потехи! А двое других? Один

ранен легко, но другой выживет ли?

Стволы небольших деревьев от веток очистили, Фёдор за лошадьми сбегал. Кони, как учуяли дикого зверя, забеспокоились. Ушами прядают, ногами беспокойно перебирают, косятся на тушу медвежью. Очищенные хлысты одним концом к седлу привязали по обе стороны лошади, связали между собой верёвками, которые предусмотрительно егерь прихватил. На волокушу тяжело раненного уложили, на другую – медвежью тушу. Легко раненный сам в седло сел. Медведь тяжёл, лошадь с трудом с места тронулась. Были бы ещё сани, а волокушу по снегу с большим грузом влачить тяжело. Обратный путь в Борисово времени занял много. Раненых сразу в избу лечца определили, егерь стал снимать шкуру с медведя, разделывать.

Медведь – это не только тёплая шкура. Ценились ещё клыки, медвежья желчь у лечцов, другие органы.

А гриди из дружины принялись долбить в промёрзшей земле на кладбище могилу для Семёна. Погребение состоялось на третий день, по христианской традиции. Невзлюбил с тех пор Фёдор князя.

И когда по весне пришёл черёд их десятку нести службу на Окском береговом разряде, проще – на заставе, с радостью покинул воинскую избу. Весна выдалась ранняя, тёплая. Солнце пригревало, быстро таял снег, на льду Оки образовывались промоины. Селяне и торговый люд по льду рек ездить перестал. Кому край как ехать надо было, передвигались по ночам, когда подтаявший за день снег замерзал. По ночам всё же температура держалась низкая. А потом с грохотом стали лопаться льдины, наступил ледоход, река разливаться стала. Благо застава стоит на месте возвышенном, сухом, вода до сих мест не доходит. Ледоход и последующий разлив реки – самое спокойное время. Ни один неприятель не рискнёт переправиться – ни вплавь, ни на лодке или судне. И по суше передвигаться сложно. На санях уже невозможно, на телегах рано, колёса по ступицы в грязи вязнут. Дружинникам отдых. Кто отсыпался, кто в кости играл, а кто от скуки из липы поделки вырезал. Фёдора азартные игры не увлекали, пустое. А на берег Оки выходил, садился на облюбованный пенёк, смотрел на реку. То вода упавшее дерево несёт, то сани на льдине, а то и зверушку. Однажды зайца видел, а другой раз лису. Лёд ушёл, вода много мусора несла, вода из чистой, как зимой, грязной сделалась. Для приготовления похлёбки или кулеша раньше воду из Оки брали, вкусная. А теперь приходилось из родника, в полуверсте от заставы. Река быстро очистилась, уровень воды в Оке стал спадать. Появились первые кораблики – ушкуи, лодьи из числа самых смелых владельцев. Засиделись торговые люди из-за

распутицы. А торговля пустых прилавков не любит. Вот и торопились наверстать упущенную выгоду. Но свои суда имели купцы зажиточные, уверенно стоявшие на ногах. Торговцы масштабом поменьше везли товар на подводах. Как просохла земля, потянулись подводы в Москву. Царь Иван дозволил английским купцам вести открытую торговлю в Первопрестольной, но только на серебро. Серебра для чеканки монет в Московском государстве остро не хватало, и мера была вынужденной. Нерчинские рудники откроют значительно позже, где станут добывать золото и серебро. Англичане везли на Русь ткани, железные изделия, а вывозили пеньку, меха, воск, корабельный лес. Поскольку Англия – островное государство, потребен флот и военный, и торговый. Для строительства пеньковые верёвки и канаты нужны, а лучшая пенька на Руси. Да и брёвна для мачт – ровные, прямые, длинные – товар выгодный. На Руси подходящих деревьев – елей, лиственницы – полным-полно.

Торговля взаимовыгодная, да аппетит приходит во время еды. По торговому обороту Великий Новгород превосходил Москву. Да и то взять, Новгород от Балтики рядом, Ганзейский союз упустить выгоды не хотел. Немецкие города свои представительства в Новгороде устроили, а конкурентам с туманного Альбиона козни строили, английским кораблям препоны чинили.

Великий Новгород для Москвы всегда раздражителем был. Вече у них, вольница, земли обширные, от Балтики и до Урала, почти все северные города, торговля бойкая. А ещё то к Литве прислониться хотят, то с Москвой или Псковом воюют.

В конце мая на заставе ратников сменили. Весь десяток вернулся в село, в воинскую избу. Помывка, отдых, перековка коней. Лето отдыха не сулило, все походы и набеги воинственных соседей всегда происходили летом. На Русь зимой решится напасть только сумасшедший – глубокие снега, морозы, для лошадей отсутствие подножного корма.

Едва успели привести себя и коней в порядок, как объявили сбор и подготовку к походу. Наутро выступили в поход, но не всей дружиной, а полусотней. Походный воевода Савва Ручьёв и сам не знал конечной цели. Велено было рать в Звенигород привести, чего он и исполнил. Под Звенигородом сошлись рати аж из двадцати двух городов. Сила получилась большая и двинулась к Пскову. Хоть и конные все ратники, а быстро дойти не получилось. Полтора десятка вёрст, и лошадям передышка нужна, травку пощипать, попить. К Пскову через три седмицы подошли.

Ливонский орден, разорявший псковские земли постоянными набегами, подошедшей рати убоялся. Зачни биться, ещё неизвестно, чья

возьмёт. Псков после Москвы и Великого Новгорода третий по численности на Руси. Город с посадами тридцать тысяч жителей насчитывал. Богат Псков, да соседи беспокойные. Псковичи – кривичи, а новгородцы – ильменские словени издавна враждовали. А у Пскова ещё и Ливонский орден рядом, и Литва, так и норовит пограбить да земли захватить.

Магистр Ливонского ордена с псковским князем и московским воеводой мирный договор подписал. Хотя и не было сечи, а принудили, рать не для отдыха прибыла. Зачни магистр воевать, Москва огромное подкрепление приведёт, а орден в силу ещё не вошёл, по зубам получит крепко немного позже. Бит был и Александром Невским, да впрок не пошло, а затем Иваном Грозным.

Иван III не только псковичам помог, но и новгородцам показал, намекнул пока, под руку московскую отойти надо. А то якшаются с Литвой, в союзнические отношения вступать хотят. К такой самостоятельности, вольности Москва ревниво относилась. Бояре новгородские на время и правда притихли. Купцы да лазутчики новгородские донесли боярам, что рать московская велика, да из многих земель. Остудили горячие головы, да получилось ненадолго, на четыре года. Иван III в Псков наместником дал князя Ярослава Оболенского, кого сами псковичи видеть хотели.

Обратно рати московские вышли в январе, сборное войско многих земель – Ростовской, Дмитровской, Юрьевской, Муромской, Костромской, Коломенской, Серпуховской и прочих возглавлял князь Данила Дмитриевич Холмский. Когда войско в Псков пришло, псковичи для постоя войска Завеличье освободили, большой кусок посада. А обратно пошли, псковичи богатые дары получили «за стояние и оборону». Медленно войско продвигалось, обоз сдерживал. Чем ближе к Москве, тем войско малочисленнее, от рати Холмского к своим городам дружины отходили. В один день, счастливый для Фёдора, происшествие случилось. Как и полагается войску на марше, впереди дозор конно ехал, в котором Фёдор был. На небольшом удалении князь с боярами, за ним основное войско, обоз, арьергард, как положено. Зимой не пыльно, санные пути наезжены и мосты искать не надо, реки под толстым слоем льда, переходи реку аки посуху. Дозор через Рузу перебрался, за ним князь с окружением, беседуют. И посол псковский Игнатий Иголка, к князю почтение за помощь Пскову засвидетельствовать.

Фёдор в седле покачивался, мечтая, как вернётся в Борисово, сходит в баню, обнимет брата, единственного родного человека. Сзади треск

раздался, крики. Обернулся Фёдор. А под князем лёд провалился, видимо, подводный родник был, промоину сделал. Окружение застыло в шоке. На всех зимняя одежда, под ней кольчуги. А ещё – водяного царя боялись. Течением князя под лёд затянет, и никто не поможет. К тому же плавать мало кто умел. Фёдор с коня спрыгнул, к полынье побежал. На ходу ремешок шлема расстегнул, сбросил. Затем ремень с мечом и боевым ножом сбросил, следом тулуп заячий. Уже перед полыньёй, где конь бился, склонился, как в глубоком земном поклоне. Кольчуга сама с тела соскользнула, как чешуя, с шелестом железным на лёд упала. Один сапог сорвал, другой. Ещё бы поддоспешник войлочный снять, да ремешки растёгивать мешкотно. Крикнул только:

– Коня придержите!

Конь княжеский бился, пытался передними ногами на лёд опереться, глаза безумные. В полынье уже и красное княжеское корзно смутно видно. Нырнул Фёдор. Одного опасался, как бы конь задними ногами не ударил. Это как тараном в грудь получить. Красный плащ вниз уходит, в глубину. Нырнул, рукой ухватился, вверх потянул. Воздуха уже не хватало, вынырнул, в левой руке намертво плащ зажат. Вокруг полыньи уже дружинники. Один из них за плащ ухватился, на себя тянет, второй ухитрился, князя за ворот ферязи схватил. Другие дружинники лёд боевыми топорами рубят, пытаюсь полынью расширить, коня в сторону отвести. Вытащили князя, на лёд вниз лицом положили. Из рта князя вода течёт, наглотаться успел. Потом закашлялся сильно. Дружинник руку Фёдору протянул, буквально выдернул из воды. С Фёдора воды поток течёт. И сил нет, поддоспешник воды набрал, как губка, тяжелый стал. Спешка до добра не доводит, но и медлить было нельзя. И так в последний момент успел. Коня дружинники за передние ноги схватили, дружно потянули, обдирая брюхо о лёд. Затем вожжи накинули на шею, под дружное «ух» вытянули. Конь, оскальзываясь копытами, встал, трясёт его. Один из дружинников под уздцы взял, на берег повёл, по морде оглаживает, успокаивая. Кто-то крикнул:

– Тряпьем оботри, попону сухую накинь!

– Не учи учёного, – огрызнулся дружинник. А про Фёдора как-то забыли все, князя подняли, на берег понесли. Туда же возок княжеский подогнали.

Бояре кричат возничему:

– В деревню гони, в тепло ему надо, на печь, чтобы лихоманка не приключилась!

Возничий погнал, за ним десяток дружинников для охраны и помощи.

А ещё бояре увязались. Каждый участие проявить хочет. Один из дружинников сплюнул:

– Где вы раньше были?

Разбросанные вещи и броню Фёдора собрали. Фёдора раздели донага, растёрли меховой рукавицей, дали сухую одежду. У каждого дружинника в перемётной суме есть чистое исподнее, запасные порты, а то и рубаха. Фёдор оделся, теплее стало. Руки-ноги согрелись, а внутри холод, как заледенело всё.

После вынужденной задержки войско дальше двинулось. Через пару вёрст деревня. У одной из изб бояре столпились. Игнатий Иголка руку поднял, ратников останавливая:

– Где дружинник, что в прорубь нырял?

– Фёдор, тебя кличут! – закричали ратники.

Фёдор подъехал, спрыгнул.

– В избу зайди. Князь в себя пришёл, тебя требует.

Это можно. Фёдор поводья лошади приятелю Никанору отдал, к избе зашагал. Бояре расступились, как перед важным чином. Для простого воина непривычно. Немного робея, Фёдор в избу вошёл. Вот диво! Князь в одном исподнем на русской печи сидит. Печь натоплена, тепло от неё исходит. Фёдор, войдя, перекрестился на иконы в красном углу, потом князю поклонился:

– Здрав буди, княже!

– И ты не хворай, спаситель. Как имя твоё?

– Фёдор Сухарев, дружинник, князя Патрикеева гридь.

– Ближе подойди.

Фёдор к печи подошёл. Князь с пальца один из перстней стянул, протянул:

– Носи, Федя. Век тебя помнить буду.

– Благодарствую, княже!

Фёдор поклонился. А один из бояр его за рукав из избы тянет.

– Прочь поди, видишь – неможется князю.

За Рузой полусотня Саввы Ручьёва вправо повернула, на Боровск. После двух дневных переходов Фёдор почувствовал себя скверно. Слабость навалилась, появился кашель, жар поднялся. С трудом удержался в седле до Тарутино. До Борисова один дневной переход, а сил нет. Ручьёв заметил состояние Фёдора, подошёл, лоб пощупал.

– Э, парень, да ты горишь весь. Не прошло даром твоё купание в проруби. К лечцу надобно либо к знахарке.

Подсуетились дружинники, нашли в соседней деревне бабку-травницу,

на санях привезли. Бабка Фёдора осмотрела, губами почмокала:

– Плох парень, лихоманка у него. Нельзя ему в седло, отлежаться надо, целебные отвары попить. Везите его ко мне в избу, выхожу.

Фёдора на сани уложили, сняв шлем и броню. Рядом бабку Пелагею посадили, к избёнке привезли. Избёнка древняя, скособоченная, стены до половины мхом поросли. Ратники Фёдора в избу внесли, на полати уложили, тулуп и сапоги сняли.

– Фёдор, ты выздоравливай, – напутствовали. – Коня и броню забираем, а через седмицу наведемся.

Ручьёв бабке несколько медяков в руку сунул за труды. Уехали дружинники, а Фёдор в беспамятство впал. Приходил в себя, бабка сразу отварами поила, отвратительными на вкус. А ещё, стянув осторожно рубаху, натирала грудь мазями, накрывала медвежьей шкурой, поеденной молью, приговаривала:

– Пропотеть тебе надоть, жар и уйдёт.

Сколько в таком состоянии Фёдор пробыл, и вспомнить не мог. Седмицу, две? Но одним утром проснулся в здравом уме, первое, что спросил:

– Гриди приезжали?

– Были третьего дня, один братом твоим единоутробным назвался, обнимал тебя.

– Надо же, не помню ничего.

– Обещали ещё заехать. В баню бы тебе надо, дух от тебя тяжёлый.

В самом деле пахло. Бабка его мазями натирала – салом барсучьим, медвежьим, да ещё потел он. Запах соответствующий. Да ещё в переходе от Пскова не мылись. Ни одна баня рать вместить не смогла бы. Бабка сказала:

– Перстень у тебя знатный.

– Князя Холмского подарок за спасение.

– Я так и думала – одарил кто-то либо трофей.

– Не воевали мы, откуда трофей? Постояли в Пскове, и назад.

После бани да чистого исподнего Фёдор как будто болезнь скинул, быстро на поправку пошёл. А через несколько дней дружинники приехали проведать, да с гостинцами. Мёду горшочек привезли, калачей да орешков. Соскучился Фёдор по товарищам. Посидели, поговорили, бабка иван-чай заварила, духовитый да с мятой. Под мёд и калачи съели.

– Ты выздоравливай, мы через седмицу нагрянем, коня твоего приведем, застоялся.

Обнялись на прощание. А через день солнце на весну повернуло, снег таять стал, ручьи побежали. Лихоманка ушла, жара не было, Фёдор дышать

свободно стал, силы появились.

Дружинники задержались, появились через десять дён, зато коня привели осёдланного. Все кони в грязи, что ноги, что брюхо.

– Грязь непролазная, ни на санях, ни на телеге не проехать, да и верхами не везде, – жаловались дружинники. В низинах вода разлилась, коням по брюхо.

Фёдор с бабкой Пелагеей попрощался тепло. Спасла его знахарка-травница, выходила. Обнял на прощание, обещал при случае навестить.

Назад, в Борисово, ехали гуськом, да шагом лошадей пустили. Коли галопом или рысью, можно в глубокую бочажину угодить, и упасть будет самое лёгкое, а то и ноги конь ломает. А животина – имущество княжеское, спрос строгий за убыток. К вечеру прибыли, первым делом коней чистить, пока грязь не засохла намертво. Успели к ужину. Вроде не родная изба, воинская, но Фёдор как в отчий дом вернулся. Дружинники по плечу похлопывают, и перстень подаренный посмотреть, пощупать норовят. И брат ни на шаг не отходит. Рад Иван пуще всех выздоровлению брата. Ещё бы – родная кровь!

А утром на построении сотник объявил князя Патрикеева волю – Фёдора десятником назначить, посему князь Холмский при встрече с Патрикеевым не преминул упомянуть о поступке Фёдора. В десяток Фёдора вошли новики, только прошедшие обучение у дядьки Прохора. Молодые, в сечах не участвовавшие, но жаждавшие послужить достойно. Многие старые дружинники назначению Фёдора завидовали. У них и срок службы больше и в сечах себя проявили, а Фёдор обошёл их.

Десятник – это двойное жалованье от рядового дружинника, к князю поближе. Разговоры пошли, однако. Савва Ручьёв, сам бывший в псковском походе, разговоры пресёк.

– Многие из вас в дозоре тогда были и беду с князем видели. А кто в прорубь кинулся? Что-то я не видел. Потому по праву Фёдор Сухарев десятника получил.

Отныне если и завидовали, то молча. А Фёдор свой десяток гонять стал. Не измываться над молодыми, а упражнения с утра до вечера, с перерывами на обед. Был в походе, видел, как некоторые дружинники из других городов гарцуют на конях да приёмы сабельного боя показывают. А поглядев, сам применить решился. Старослужащие посмеивались:

– Выделиться хочет. Мало ему десятника, полусотником стать хочет.

В ратной службе в мирное время продвижения по службе нет. А в боевых походах, когда сеча, убыль большая, тогда и возвышение ратников завсегда бывает.

Пока Фёдор службой занимался, происходили события, внешне не заметные, не громкие, но сыгравшие позже значительную роль. Хан Крымского ханства Менгли-Гирей I, чувствуя угрозу от Большой Орды, стал искать союзников. Сначала вёл переговоры с Казимиром IV и даже договор подписал. Но Литва далеко, и в случае нападения Большой Орды на Крым помощь от Казимира не скоро придёт. Стали думать о Москве. Рати у Московии большие, территории обширные, а главное – Ахмату недруги. Менгли-Гирей действовал по принципу – враг моего врага мой друг. В 1473 году в Москву был отправлен Ходжа Конос, купец из Кафы. У него и прикрытие хорошее – дела торговые. Купцов все правители старались не обижать, указы грозные в их защиту издавали. Даже по Яссе Чингисхана ограбившего купца предавали смерти.

За купцом Ходжой стояли ширинские беи – Эминек, Давлетек, Мамок и Абдул, глава крымско-татарского рода Барын. При купце никаких бумаг не имелось, но он сумел переговорить с боярином Никитой Васильевичем Беклемишевым, дьяком Иноземного приказа. О важном предложении было тотчас доложено царю. И завертелось. Ходжа вернулся в Крым обласканным, через ширинских беев сообщено об интересе царя Ивана к союзу. В Москву отправили шурина Ходжи Коноса, Юсуфа. Он вёз с собой грамоту о дружественных намерениях. Это уже не разговор, а официальное предложение одного властителя другому. Иван III направил в Крым к хану толмача Иванчи с аналогичной грамотой. Уровень переговоров был повышен. Из Крыма в Москву прибыл Ходжи Баба, с которым Иноземный приказ обсудил все пункты мирного договора. На одном пункте не сговорились. Иван III хотел, чтобы в случае нападения Ахмата Менгли-Гирей привёл на помощь свои войска. Против войны с Ахматом крымский хан не возражал, а с Казимиром упёрся, дескать – союзник крымский, договор подписан. Долго переговоры шли, однако вместе с Ходжи Бабой в Крым для подписания договора отправился 31 марта послом с высокими полномочиями дьяк и боярин Беклемишев. Был он человеком знающим, умным, грамотным и хитрым. А кроме того – знатного происхождения. С простым дьяком хан за стол переговоров не сел бы, тут свой политес. Кроме подарков хану по традиции ещё везли подношения беям Эминеку и Абдуле по восемьдесят шкурок соболей. Люди они в Крыму влиятельные, могли склонить хана к подписанию нужного Москве договора.

И Иноземный поезд, как называли тогда Иноземный обоз, двигался через Серпухов, остановился на ночёвку в селе Борисове. Поскольку переговоры были тайные, посольство избегало остановок в крупных городах. У Ахмата лазутчиков, этих глаз и ушей, везде хватало – купцы,

сборщики подати.

Фёдор со своим десятком с полевых упражнений возвращался, а во дворе воинской избы столпотворение. Ратники чужие, даже чужаки в татарских одеждах, возки стоят, а сам Патрикеев с каким-то важным боярином разговор ведёт. Апрель уже, самое начало, тепло, ратники в лёгких кафтанах. Но Фёдор видел уже бояр да дьяков в чинах, шуба да шапки горлатные на них не для согрева, а для важности – показать положение.

Фёдор и дружинники молодые князя поприветствовали, вскинув бердыши. Князь в улыбке расплылся перед высокими гостями из самой столицы, лестно видеть выправку ратников да почёт и уважение. Высокий гость на Фёдоре взгляд остановил, князю что-то сказал. Патрикеев и крикни:

– Фёдор, ко мне!

Фёдор к дружинникам повернулся:

– В избу идите.

А сам бегом к князю. Не любит Патрикеев ждать. А гость на Фёдора с интересом смотрит, как на новый пятак.

– Ты ли тот ратник, что князю Холмскому в походе помог? Вроде лицо похоже.

Фёдор раньше гостя не видел. Хотя кто знает, он близко к Холмскому и его окружению не подходил. Его дело – дозор.

– Я он самый и есть, – подтвердил Фёдор.

– Надо же, где встретились! Видно – судьба. Князь, дозвожь с собой ратника взять?

– Не ратник он, десятник уже. А зачем тебе Фёдор, боярин! У меня в дружине поопытнее гриди есть.

– Да? Что-то я не заметил, чтобы они в прорубь бросились князя спасать. Только один Фёдор живота не пожалел, это дорогого стоит.

– Уговорил! – развёл руками Патрикеев. – Будешь обратно возвращаться, пообещай вернуть.

– Непременно.

Князь Фёдору сказал:

– Сдавай десяток на время, пока тебя не будет, кому-нибудь толковому. А сам собирайся, утром с поездом идёшь.

– Конно! – поднял палец Беклемишев. – А то идёт посольство – и пешком.

– Оговорился я, боярин, – повинился князь.

– Коня пожалел? А великому князю и государю пожалуюсь?

Препинания господ Фёдор слушать не стал, не холопское это дело. Попятился да и в избу вошёл. Дружинники сразу обступили.

– Чего Патрикеев от тебя хотел?

– Да не князь, а заезжий боярин. Его сопровождать надо.

– Его? Да у него два десятка ратников, не считая поганых.

– Моё дело маленькое. Приказали – исполню. Завтра с поездом ухожу, на время. Старшим назначаю... – Фёдор людей своих осмотрел, – Конюхова Илью. Отныне и до моего возвращения его слушать во всём.

Фёдор в баню сходил. Перед ним другой десяток помылся, что с заставы вернулись, немного горячей воды осталось. Всё же потный он после занятий, а завтра с посольством выступать. Исподнее чистое надел, рубаху новую. Саблю наточил, в конюшню сбегал, проверил подковы у коня. Один из старых ратников и скажи:

– Крестик под рубаху прячь. Да у боярина с утра спроси – оружие брать ли? Поганые на своей земле православным иметь при себе оружие запрещают.

Слова дружинника Фёдора в тупик поставили. Боярин ни словечком об оружии не обмолвился. Если в охрану берёт, как без сабли посольство оборонить, если придётся?

Утром оделся, седло на коня набросил, позавтракать успел гречневой каши с убоиной, да у крыльца княжеского дома устроился боярина ждать. К нему сразу незнакомый ратник подошёл. Богато одет, рубаха шёлковая, кафтан с медными пуговицами.

– Не ты ли Фёдором будешь?

– Он самый.

– Никита Васильевич велел рядом с его возком держаться.

– А ты кто будешь?

– Старший над малой дружиной, что посольство сопровождать будет. Звать Елисеём Храповым.

– Вот скажи, Елисей, мне при сабле и бердыше быть али как?

– Бердыш оставь, саблю возьми. Мы с посольством едем, у нас грамота от царя, не тронут.

– А Никита Васильевич кто?

– Чудак-человек! Да боярин Беклемишев, с кем ты вчера разговаривал.

– А татары – толмачи?

– Не, крымчаки, ихних баев люди.

На крыльцо вышли Патрикеев и Беклемишев. Елисей и Фёдор сразу отошли.

– Беги за лошадей, сейчас возок подадут, – предостерёг Елисей.

Когда Фёдор подъехал, к крыльцу подали возок, куда уселись боярин, провожаемый князем, и татарин. Возок тронулся, за ним две подводы, груз рогожей прикрыт от непогоды и любопытных глаз. Спереди сразу два дружинника конных вроде дозора и неугодных с дороги сгонять, коли случатся. Фёдор сразу за возком пристроился, за ним подводы, а уж замыкали поезд все дружинники. Вскоре переправились через Оку самолётом, как назывался паром. Причём Елисей, командовавший дружинниками, поступил разумно. Сначала половину гридей переправил, затем телеги, а уж потом возок и Фёдора, замыкали перевоз остальные дружинники. Паром невелик, вмещал десяток коней с всадниками. Тянули его за канат, вручную.

Две лошади тянули возок шустро, из-под колёс летела пыль, и Фёдор пристроился с подветренной стороны и немного сзади возка. Окна возка затянуты слюдой, а изнутри задёрнуты шторками, чтобы седоков видно не было. Фёдор от природы наблюдателен. Немного удивлён был, что подводы с поклажей не отстают. Видимо, груз лёгкий. Когда остановились на отдых, лошадей покормить, напоить, он вроде невзначай на рогожу в одной из подвод опёрся. Рука как провалилась, вроде нет ничего. Ездовой приметил, усмехнулся:

– Рухлядь дорогая там, подарки. В посольстве без подарков никак, неуважение.

А Фёдору всё интересно, знания как губка впитывает. С дружинниками сначала дружба не заладилась. Выскочкой безродным сочли. Из какого-то села присмотрел боярин, к себе приблизил за неизвестные заслуги, обочь возка скачет. Да кто он такой? Фёдор сам на дружбу не напрашивался, молчал, не лебезил перед гридями. Через неделю отношение к Фёдору поменялось. Оказалось, Елисей разговаривал с боярином. Не про Фёдора, решали – каким путём далее ехать. Поближе к Днепру или по Крымскому шляху, что прямёхонько к Перекопу идёт. У каждой дороги свои недостатки и достоинства. Решили – по шляху, ближе к Днепру казаки запорожские баловались разбоями. Охрана поезда невелика, случись беда, договор сорвётся. Риск к минимуму сведён должен быть. Елисей в конце разговора про Фёдора спросил, дескать – гриди интересуются. Особняком Фёдор держится, молчит. Не подозрительно ли? Боярин засмеялся.

– Он единственный из ратников, кто бросился в прорубь, когда князь Холмский провалился и тонуть зачал. И спас! Князь Патрикеев сказывал, болел после того Фёдор тяжело, лихоманка приключилась.

– Просто растерялись гриди, – попытался оправдать дружинников Елисей.

– Пока они терялись, как ты говоришь, князь уже под воду ушёл, только пузыри пускал. Ты присмотрись к парню. Службу справно несёт, в решениях быстр, смел, а главное – собой пожертвовать готов за других. Нечасто такое ноне в людях встретишь.

Елисей с дружинниками сведениями поделился. Фёдор сразу перемены почувствовал. То на привале в миску черпаком каши побольше кинут, да с мясцом, то подпругу подтянуть помогут, чего раньше не наблюдалось. На отдыхе стали подходить, разговоры о службе, о жизни вести.

Как вошли на земли Дикого поля, Елисей выслал далеко вперёд дозорного, на предел видимости. В случае опасности тот сигнал подать успеет. Чем дальше от рязанских земель, тем больше народу в степи. То купцы с обозом по шляху, то пастухи со стадами в степи. Дружинники купцов останавливали, расспрашивали – не видно ли войска татарского. И сами гриди оглядывали горизонт – не поднимется ли пыль? Если конный десяток идёт, лёгкое облачко пыли видно, быстро ветром рассеивающееся. А если войско в сотню сабель или более, уже пыльная туча видна, надо в сторону уходить. Крымский шлях держали под контролем крымчаки, но и татары из Большой Орды забирались. На татарский разъезд напоролись в сотне вёрст от Перекопа – огромного рва, по краю которого высокая стена стоит и стража. Татары, как увидели ратников, навстречу кинулись, сабли оголили. Доскакать не успели, как татарин из возка выбрался, на дорогу посередине встал. Лицо надменное, из-под одежд достал серебряную пайцзу, своего рода охранительную грамоту от хана, пропуск. Пайцза, в зависимости от положения её владельца, могла быть деревянной, кожаной, медной, серебряной или золотой. Татары, как увидели пайцзу да разглядели лицо обладателя, остановив коней, спрыгнули, на колени встали, поклон отбили. Ссориться с человеком Абдулы и послом Менгли-Гирея себе дороже, с живого кожу сдерут или в котле живого сварят. Дозор татарский по обе стороны от Иноземного поезда встал вроде почётного конвоя. А дружинники напряглись. Татары и русские враждовали несколько веков, и для дружинников видеть рядом крымчака с оружием – настоящее испытание. Но обошлось. Вечером в какой-то аул въехали, переночевали в выделенных юртах. А дальше их уже другой татарский десяток сопровождал. Худо-бедно, добрались до Перекопа. Татары из конвоя сразу предупредили:

– Уберите сабли с глаз долой. Лучше замотать в тряпки и уложить на телеги, да прикрыть чем-нибудь.

Так и сделали, чтобы крымчаков не раздражать. А только плохо без

оружия. Фёдор без сабли себя неловко чувствовал. Какой ты гридь, если сабля на подводе? Иноземный поезд охраняли уже сами татары. Добрались до Бахчисарая. Ратников отделили сразу.

– Кушайте, пейте, наслаждайтесь, но в город лучше не ходить, – предупредили сразу.

Русские, если бывали в городе, то в качестве рабов или как Беклемишев – послом. Неделю наслаждались отдыхом. Тепло, солнце, никто работать не заставляет. Красота! Но еда непривычная. Вместо хлеба лепёшки, каши нет, подают «сарацинское зерно», как рис называли, да с варёной бараниной. Вот фруктов было вволю, Фёдор раньше и не видел таких. Правда, всё сушёное – урюк, виноград, дыня. Но сладко. А ещё специй столько, что и названия не запомнишь. На Руси проще, перец да травы вроде мяты. А тут куркума, ваниль, шафран. Запах диковинный и вкус необычный. Гриди уж по родине скучать начали, как Беклемишев появился. Доволен, улыбается. Видимо, с ханом ладили.

– Завтра домой отбываем.

Вот это порадовал. А то от кумыса уже скулы воротит. Покинули Бахчисарай с радостью. До Перекопа их отряд татарский сопровождал, а дальше уже сами. Беклемишеву хан пайцзу вручил для беспрепятственного проезда.

Фёдор увидел только малую часть невидимой посольской службы. Дьяки посольские к окружающим Московию землям приглядывались. Кто союзником стать может? Старания увенчались успехом.

В состав Золотой Орды входило племя мангытов, нынешних ногаев. Но такая ситуация была до 1468 года, когда власть в Ибиро захватил нейбашид Ибак. Земли ханства Ибирь, прозываемого ещё Тюменским, простирались от Западной Сибири, Южного Урала и до Каспия, включая нынешнюю Башкирию. Ибак при содействии брата Мамука осмелился вести борьбу за трон в Большой Орде, ханом которой мог стать только Чингисид. Пока же Ибак был беклярбеком, высокопоставленным чиновником. Преуспело московское посольство, склонило Ибака к договору о союзнничестве. И когда Ахмат на Русь пошёл, Ибак повёл своих нукеров в Дикое поле, в тыл войску Ахмата. Мало того, когда Ахмат уже отступал, Ибак настиг его на степной стоянке и после недолгого боя убил. После этого события в Большой Орде началась великая замятня. Претенденты на трон резали друг друга, междоусобные войны пошли, на какое-то время не до русских земель стало.

На пару сотен вёрст от Перекопа отошли. Степи стали сменяться холмистой местностью, реки появились, травы зелёные по пояс стоят. И

воздух почти родной. До рязанских земель ещё три дня пути. Земли эти с Диким полем граничат. Добрался до них, считай повезло, в живых остался. На Рязанщине и язык, и вера православная, и обычаи.

А только вдали, справа, дозор татарский показался. Дружинники спокойны, ханская пайцза есть как охранная грамота. Дозор басурманский во весь опор к Иноземному поезду поскакал. Кричат что-то, саблями размахивают. А в поез-де толмача уже нет, в Москву, чай, едут. Елисей к Фёдору подъехал.

— Ежели бой завяжется, гони возок с Никитой Васильевичем к рязанцам, пока мы задержим.

Даже с парой гнедых в упряжке возок имеет скорость меньшую, чем обычный всадник. Да и устали кони от долгого перехода.

Татары ещё издали из луков стрелять начали. Какие-то неправильные. Дозор крымчаков, когда встретились, подъехал с саблями наголо, но из луков не стреляли, хотя были они у всех. И конфликта не случилось, поговорили с татарами из поезда, пайцзу увидели и проводили с почётом. А эти и разговаривать не собираются. То ли шайка грабителей, то ли татары из Большой Орды бесчинствуют. С крымчаками Орда не дружит, а сейчас обоз явно русский, татары на возках не ездят, у них даже ханы передвигаются конно.

Двое дружинников справа от возка выдвинулись. Все щиты вскинули, прикрываясь от стрел. А Фёдор за возком, он от стрел прикроет. Беклемишев от сладкой дремоты сразу очнулся, ездовому в окошко кричит:

— Гони!

Возничему приказывать не надо и так кнутом нахлестывает. Кони хоть и отборные в Иноземном приказе, а за день уже вёрст пятнадцать-двадцать прошли, притомились. Ямские станции позже появились на Руси. Сначала их татары в Орде для гонцов ввели. На каждом яме, согласно пайцзе, лошадей меняли. И гонец за световой день по сто вёрст, как не более, преодолевал. Татары в походе за собой запасных коней в поводу вели. Но их по-любому кормить-поить надо, а это потеря времени. А на яме конь отдохнувший, накормлен и двадцать – двадцать пять вёрст, до следующего яма, легко одолевает. Ямы и располагались на такой дистанции. В дальнейшем и русские города провинциальные на таком же удалении друг от друга ставить стали, с учётом дневного перехода лошади.

Впереди перед возком один дозорный, на облучке возка ездовой, два дружинника обочь и Фёдор за возком. Вся кавалькада удаляться стала. Остальные дружинники с Елисеем во главе стали татар поджидать. Татар всего с десятков, немногим меньше, чем отряд Елисея, так у татар луки,

которых у дружинников нет. Фёдор периодически назад оборачивался. Татары и гриди уже на саблях биться зачали. Ни звона оружия, ни криков уже не слышно, а потом за пылью и видно не стало. В боковое окно высунулся боярин, Фёдору крикнул:

– Если татары догонят, пергамент из этого сундучка им в руки попасть не должен.

Боярин приподнял с сиденья небольшой кожаный сундучок. В нём подписанный Менгли-Гиреем договор. Большая Орда об этом тайном сговоре ничего узнать не должна. Как позже выяснится и не узнала, как и о сговоре с властителем Тюменской Орды Ибаком.

– Исполню, боярин. Да выберемся!

О том, что удастся уйти без потерь, у Фёдора большие сомнения были. Ордынцы – они как клещ, вцепятся намертво, если в живых хоть несколько нукеров останутся.

Сколько вёрст промчались – неведомо. Фёдор периодически в сторону от шляха съезжал, чтобы пыль не мешала, назад оборачивался. Ни дружинников, ни татар не видно. Лошади от гонки уставать стали, шкуры мокрые от пота, похрапывают, ход сбросили. И погонять смысла нет, надо отдых дать, а то падут, тогда совсем плохо будет. Фёдор поравнялся с ездовым:

– На пригорке останови.

Ездовой кивнул, он и сам видел состояние лошадей, но без приказа самовольничать опасался. Въехали на пологий подъём, остановились. Местность в этих местах пересечённая – спуск, подъём. Зато с холма видно дальше. Дорога сзади пустынная.

– Распрягай, пусть траву пощипают, передохнут.

Беклемишев из возка вышел, с тревогой назад посмотрел:

– Зря распрягли.

– Иначе загоним коней-то.

– А вдруг наскочут?

– Тогда возок бросим, верхами уходить будем.

Боярин крупный сложением, небось от верховой езды отвык. Но возок в такой ситуации как камень на шее.

Кони отдохнули, подкрепились сочной травой. Фёдор скомандовал:

– Запрягай и рысью до сумерек едем.

Как-то само собой вышло, что Фёдор дружинниками и ездовым командовать стал. Видимо, сказывалось, что десятником был. А ещё – не боярское это дело гридями руководить. Его забота – переговоры. Пока кони ели, дружинники сами подкрепились подчерствевшими лепёшками,

сушёным мясом и сухофруктами.

Проехали с версту, навстречу купеческий обоз попался. Фёдор подъехал, с коня соскочил, поздоровался уважительно. Как ты к человеку, так и он к тебе. Расспросил – не видели ли татарских разъездов, далеко ли до реки или ручья? Воду из баклажек на отдыхе выпили, а коням вода потребна, из фляжки его не напоишь, ему ведро, а то и ушат подавай, скотина-то большая. Ответы выслушав, поблагодарил. В свою очередь, предупредил о татарах впереди по движению. Разъехались, довольные друг другом. Уже смеркаться начало, ездовой на Фёдора поглядывает, сигнала к остановке ждёт. А Фёдор решил до реки дотянуть, недалеко осталось. Лошадей надо поить и сейчас, и утром, да обмыть немного, пот высох на шкурах, запах сильный, одежда уже пропахла едким лошадиным духом.

Стемнело, лошади сами прибавили ход, почуяв воду. И в самом деле скоро под луной блеснула река. Вброд переехали, на другом берегу распрягли коней, они сами пошли к воде. После дружинники и ездовой нарвали пучки травы, сами разделись, завели коней поглубже. Отмыли, оттерли. Кони щипать траву пошли, ратники сами обмылись. Один из гридей, Лукьян, общее беспокойство выразил:

– Как там наши? Отбились ли?

Каждый понимал, что если дружинники их не догнали, то полегли в бою и ждать – значит обманываться. Фёдор промолчал. Военная служба – она суровая и потери неизбежны. Не хочешь рисковать? Батрач на барина. Одевают-обувают дружинников, оружие дают, броня, жалованье платят – не зря. За риск, возможные ранения, а то и гибель.

Костёр не разводили, зачем внимание привлекать? Поели всухомятку, водой из реки напились, баклажки наполнили. Дальше ехали без происшествий и через день добрались до рязанской заставы. Только после неё напряжение спало. Останавливались на постоянных дворах, ели горячую пищу. По сравнению с маршем по Дикому полю – отдых.

Неделя – и уже в Борисово прибыли, что под Серпуховом. Фёдор с братом Иваном обнялся. Возмужал Иван, лицо загорело, пока Фёдор отсутствовал. Из юноши в справно молодого мужчину превратился.

Сотник Пыльцын, увидев Иноземный поезд, удивился:

– А гриди где? Их же два десятка было, если мне память не изменяет.

– В Диком поле остались, – ответил Фёдор.

Глава 3

Москва

Фёдор резонно полагал, что его поход закончился. В воинской избе все свои, знакомые. А утром услышал, как боярин и князь на повышенных тонах разговаривают. Фёдор и не подумал, что о нём речь идёт. Но боярин, сойдя с крыльца, подозвал Фёдора:

– Отныне ты со мной едешь, в Москву.

– Надолго?

– Насовсем. Распорядись насчёт возка.

Опана! Фёдор к ездovому в конюшню сбегал, приказ боярина передал. А дружинники из конвоя уже сами приготовились. Фёдор к брату забежал в воинскую избу.

– Брате, меня боярин с собой в Москву забирает. А ты занимай мой топчан. В сундучке под ним одежда моя и деньги в узелке, ты пользуйся. Не знаю, скоро ли свидеться удастся.

Иван и рад за Фёдора, и огорчён, всё же родной человек рядом был. Кроме Фёдора, у Ивана после смерти матери родни нет, заступиться некому.

– Я как устроюсь, весточку тебе с оказией передам.

Обнял Фёдор брата и к Иноземному поезду побежал, боярин ждать не будет. Дальше ехали неспешно и через несколько дней прибыли в Москву.

В первую очередь в Иноземный приказ. Боярин, как человек ответственный, должен был сдать договор в хранилище. Пока дьяк, фактически один из главных начальников Приказа, отсутствовал, дружинники уехали. У них здесь воинская изба в своём полку, а Фёдору деваться некуда. Но боярин принял самое живое участие в его судьбе. Выйдя, дал несколько серебряных монет.

– Это тебе за рaдение в службе. Не ошибся я в тебе. Езжай на любой постоянный двор, поешь, отоспишь. Желательно баньку принять, разит от тебя. И одежду смени. А после пополудня в Приказ подойди, я по тебе всё утрясу.

Нечасто высокие господа в чинах и званиях помогают простолюдинам. Но, как человек дальновидный и мудрый, боярин умел подбирать себе людей в помощники, на кого опереться в трудную минуту можно, кто не струсит, не предаст, до последнего вздоха верен будет. А таких

меньшинство, боярин точно знал.

Фёдор с помощью прохожих постоялый двор нашёл, что оказалось непросто. Иноземный приказ в центре Первопрестольной, недалеко от Кремля, а почти все постоялые дворы за стеной Белого города. Определившись, поужинал, в баню сходил, у хозяина узнал, где торг. Сказано ведь боярином было – одежду сменить. Да и то сказать, за время странствия рубашонка попрела, пропылилась, сапоги порыжели, вид непотребный. Если для Борисова ещё терпимо, но как боярина сопровождать? Для чести его урон будет.

Встал после вторых петухов, наскоро поел, да на Троицкую площадь. О! От многолюдья, гомона, множества лавок с товарами голова кругом пошла. Купил полную смену, от исподнего до рубахи, портов, шапки и сапог. На постоялый двор вернулся, обновки надел, покрасовался перед бронзовым зеркалом. Поколебавшись, к цирюльнику сходил, остригся коротко, бороду оправил. Вот теперь нестыдно к боярину являться. На входе стрелец бердышом вход загородил.

– Ты к кому?

– К Никите Васильевичу, велено было.

– Да? – усомнился стрелец.

Но начальника караула вызвал. Тот лично довёл его до комнаты Беклемишева, постучав, вошёл. Через минуту вышел.

– Зайди.

И удивлённо осмотрел Фёдора. В Иноземный приказ, да к боярину, ходили люди высокого звания – думные дворяне, дьяки и подьячие других приказов, иноземцы. А тут простолудин, как его ни наряди.

– Заходи, Фёдор. Времени у меня мало, слушай внимательно. Жить и столоваться будешь в Государевом полку, что на Моховой. Эта одежда, что на тебе, для выходов в город. В полку тебе свою форму выдадут. Найдёшь сотника Трифона Кожина, он в курсе. Вся его сотня сопровождением и охраной Посольских поездов занимается. Кстати, Елисей Храпов, вечная ему память, из этой же сотни был. Иди. Думаю, встретимся ещё не раз.

Фёдор поклонился и вышел. Появилась какая-то определённая уверенность. Вернулся на постоялый двор, оседлал коня. А где эта Моховая? Для Фёдора город казался огромным, многолюдным. Улицы в центре мощены камнем или дубовыми плашками, удобно. В любой дождь проехать можно. А не понравилось множество печей, которые дымили, и в безветрие дым по улицам стлался аки туман, ажно в горле першило. Не зря говорят: «Язык до Киева доведёт». С помощью прохожих добрался до Государева полка и к Трифону. Поздоровался, представился.

- Предупредил меня утром боярин.
- И осмотрел Фёдора внимательно.
- Вот, значит, ты какой. Гриди вчера вернулись, рассказывали.
- Как все.
- Одеть тебя надо как положено. Кольчугу свою оставь, а остальное подберём. Боярин сказывал, ты вроде десятником у князя Патрикеева был?
- Именно так.
- Пока простым дружинником побудешь. Приглядеться к тебе надо, и тебе порядки наши, службу узнать.

Фёдор не думал, что служба сильно отличается от той, что в княжеской дружине была. В мирное время постоянные упражнения с оружием. Навыки быстро забываются, коли не повторять. В военное время походы и сечи, ежели придётся. Но служба оказалась беспокойная. В иные дни были и упражнения. Но и иное было, разъезды дальние в сопровождении Посольских поездов. Дружинники из Государева полка сопровождали царя или царицу на выездах, зачастую далёких – на моление в Троице-Сергиеву лавру, монастыри. Вроде охраны и почётного конвоя. В военное время участвовали в боях, как резерв личный, царский, зачастую как последний шанс переломить ход битвы.

В сотне гриди встретили Фёдора как своего, видимо, дружинники из отряда Елисея, что уцелели, рассказали. За беседами в свободное от службы вечернее время Фёдор много нового для себя узнал. Например, для него откровением было, что ногаи из Тюменского ханства водят дружбу с новгородцами и враждуют с Большой Ордой. Хотя чего удивительного, если новгородские владения обширны и простираются от Балтики до Уральских гор и отделяет земли новгородские от ногаев только ханство Казанское. Каждый властитель себе союзников искал. Та же Москва то воевала с Рязанью, то дружила, как и с Тверью, соседями своими. И Крымское ханство вело себя так же. То воевало с Москвой, то мирилось.

А сопровождать людей из Иноземного приказа приходилось часто. Переговоры официальные, на уровне послов реже. В том же Великом Новгороде боролись за влияние и власть две группировки – промосковская и пролитовская, попеременно одерживающие верх. И входили туда люди богатые, знатные – бояре, купцы. Вот и ездили тайные посланники – поддержать, дать советы, а иной раз и деньгами помочь, склонить на свою сторону. В таких случаях посланника сопровождали два-три конных дружинника, но в обличье простом, не дружинном, де не государевы люди едут. Купцы для своей охраны тоже нанимали охочих людей, владеть оружием не воспрещалось, даже поощрялось. Случись татарский либо

другой набег, горожане оружны и отпор могут дать, в ополчение вступить.

В первый раз поездка недалёкой оказалась и короткой – в Тверь. Фёдор в своей одежде поехал, что на торжище купил на Троицкой площади. С ним десятник Лаврентий, приглядеть за новичком. Сопровождали человека вида купеческого, для скрытности. Только уж дружинники из сотни просветили, всё это люди Иноземного приказа. И купцом может одеться и офеней и даже каликой перехожим для дела. Обернулись за пару седмиц. Не поездка – отдых! Пока посланник тайный свои дела решал, отдыхали на постоялом дворе. Фёдор от нечего делать весь город обошёл. Из любопытства – как люди в другом городе живут? А ещё как воин приглядывался – в каком месте штурмовать стены, коли доведётся. Не знал тогда, что Тверь к Московии присоединится в 1488 году.

Прибыли в Москву, а тут новость. В Москву прибыл Аристотель Фиораванти, возводить Успенский собор в Кремле. Только что отстроенный псковскими мастерами рухнул без видимых причин.

А ещё разговоры по всей Москве от видаков, приближённых ко двору. В Первопрестольную прибыли послы от хана Ахмета, недовольного невыплатами дани. По старинному договору, которому не одна сотня лет, при появлении ханских послов Великий князь Московский обязан был выйти, поклониться, поднести послам кубок с кумысом и выслушать ханскую грамоту, стоя на коленях. Для царя унижение стоять коленопреклонённо перед басурманами. По совету супружницы Софьи Иван к послам не вышел, сказавшись больным. Послы по возвращении в Большую Орду хану пожаловались, Ахмат затаил злость. Татары злопамятны, а уж ханы вдвойне. Ахмат начал через посольства наводить дружбу и союз с великим князем литовским, а затем и королём польским Казимиром IV Ягеллончиком. В 1449 году Казимир заключил договор о мире и признании границ великих княжеств Литовского и Московского с Василием II. Казимир договор соблюдал и в 1456-м и 1471 году на помощь Великому Новгороду не пришёл, хотя литовская партия среди дворян новгородских была сильна.

Но Ахмат предложил объединить усилия и разбить рать Ивана III, а после отдать Казимиру приграничные земли, в частности Псковские. Не устоял Казимир, согласился. О договоре тайном в Москве узнали через доверенных лиц, свои меры предпринимать стали. Война – последний довод правителей, если послы не сумели договориться.

Государев полк, пожалуй, наиболее осведомлённый в делах государственных. В титульных полках – Большом, Передовом, Правой илевой руки командуют воеводы, царём назначенные. А государев

фактически царская гвардия. Сотня людей в нём – думские дворяне и московские чины, стряпчие, жильцы появляются в военное время, сопровождают царя в походе. В мирное же время в полку есть воевода, головы и сотники. Численность полка достигала тысячи. Но, поскольку полк участвовал в придворных церемониях, о новостях узнавали первыми, да не через вторые руки, а видаками.

Для Фёдора же удивительно, в Борисове, в дружине князя Патрикеева, как в болоте. Иной раз о войне узнавали с большим запозданием. Служба здесь ему понравилась. На заставе мёрзнуть не надо, жалованье повышенное и платят вовремя, пища сытная. А коли сопровождать кого-то надо, так оно как развлечение, коню не дать застояться.

За службу ревностную Фёдора через год десятником жаловали. Вроде и был им недолго у Патрикеева, а вот снова. Брату Ивану письмо отписал, да с оказией, когда дружинники ехали через Серпухов, передал. Брат читать и писать не выучился, желания не было, да к писарю письмо снесёт, прочитают, за Фёдора порадуются.

А потом первая потеря случилась в его сотне. Дружинники человека сопровождать поехали в Вятку, да не доехали. За Нижним Новгородом, в лесах дремучих, нападение произошло. То ли разбойники, а то ли татары или вотяки. А только тела, изрубленные и изувеченные, купцы на дороге обнаружили. А при убитых ни денег, ни бумаг. То, что забрали деньги, это понятно – грабители, разбойники. Но они обычно бумагами не интересуются. Как сказал сотник Кожин, в бумагах тех ничего тайного, и попади они в руки неприятеля, урона не нанесут. Но сам факт настораживал. Отныне на этом тракте никто в безопасности чувствовать себя не может – ни купец, ни человек из Иноземного приказа. Сотник указание получил: очистить тракт от разбойников, а по возможности найти и покарать воров. Ворами называли всех – грабителей, убийц, конокрадов. И Кожин отдал приказ Фёдору.

– Всем десятком идёшь. У казначея деньги на пропитание получишь, полагаю, из расчёта на месяц.

Оно и понятно, до Нижнего верхами, если не гнать, седмица, да от Нижнего два дня, а то и три до места, где убитых обнаружили. Да обратный путь столько же, а сколько там пробыть придётся – одному Богу известно. Озадачился Фёдор. Как найти разбойников – неясно, как и кто это сделал. Может, не разбойники, а удалая шайка вотяков, как удмурты себя называли. Там же и залётный отряд татар мог бесчинствовать. Тогда обнаружить их и уничтожить – дело и вовсе не сбыточное. Но понимал – это его первое самостоятельное задание в качестве десятника. Провалит, так до конца

дней десятником и останется, а вероятнее – вернут в дружину князя Патрикеева. Неудачников или неумёх в привилегированном полку держать не будут, туда отбор жёсткий идёт, претендентов много найдётся.

Опыта в подобных делах не было. Он же не в Разбойном приказе служит и не под губным старостой, по ведомству которых розыск воров.

Утром, взяв провианта на три дня в перемётные сумы, выехали из Москвы. Фёдор ещё вечером десяток собрал, настоятельно посоветовал дружинную одежду не брать, надеть обычную, а под рубахи кольчугу надеть. Конечно, шлемы и щиты тоже оставить придётся. Шли на рысях, ночевали на постоялых дворах, где и питались сытно, но без излишеств. Ни вина, ни медов стоялых, ни пива Фёдор дружинникам не позволял. На одной из ночёвок, после ужина, к Фёдору Игнат подсел. Из всего десятка самый опытный и старый, уже за сорок. Воины редко до преклонных лет доживают и умирают в постели. По выслуге и заслугам в сечах Игнат давно десятником, если не сотником должен быть, один недостаток – способностями командовать не обладал. Быть десятником – не только громко и чётко приказы отдавать, а ещё мыслить в бою, на шаг, а то и два вперёд смотреть, что не каждому дано.

Игнат разговор степенно начал – далеко ли добираться, да в чём задание. Смекнул старый воин – необычная задача поставлена, иначе бы с ними посланник либо переговорщик ехал из Иноземного приказа. А то одни гриди в поход выступили. Фёдор Игнату задание объяснил. Старый воин подумал немного и предложил:

– На живца надо ловить. Ежели разбойники, обязательно попадутся. А коли пришлая шайка, хоть тех же вотяков, так их след простыл давно, так что слетит с тебя шапка.

– Что предлагаешь?

– Впереди отряда двоих пустить. Один вроде как купец или человек служивый, второй при нём охранник. А остальной десяток сзади в четверть версты, дабы подоспеть вовремя.

Фёдор поразмыслял и согласился.

– А кого живцом?

– Я и поеду. Я самый пожилой, за служилого дворянина вполне сойти смогу. Для пущей важности мне бы сумку на боку и тряпьем её набить, чтобы пустой не казалась.

Фёдор за предложение ухватился, так как других вариантов не видел. Добрались до Нижнего Новгорода, после ночёвки узнали дорогу на Семёнов, а дальше тракт на Вятку шёл. К вятским землям вплотную земли вотяков с востока прилегают, а с юга Казанского ханства. И залётных шаек

здесь хватает. Вотяки под сильным влиянием татар находятся и пакостить православным горазды. Народ лесной, луками владеют хорошо, потому как охотой промышляют. Одно смущало – конницы у вотяков почти не было.

Чем дальше от Нижнего уходили, тем менее тракт оживлён, одиночные подводы редко попадались, а обозы купеческие при охране оружной. Из нескольких обозов один большой сбивался, так отбиться легче, так и шли. От Вятки к Нижнему и другой путь был – водный. Но это лишний крюк, причём изрядный, да ещё из Вятки в Каму надо, а потом в Волгу, а на излучине ханские мытари с товаров деньги брали, мыто. И мимо не проскочишь, Волга, по-татарски Итиль, железной цепью перегорожена. Не всякий купец судно нанять или купить может, потому обозом идёт.

Место нападения сотник Кожин Фёдору указал точно – в десяти верстах за Семёновом. В селе ночевали, а утром вышли в том порядке, какой Игнат предложил. Он первым выезжал, взяв в сопровождение Назара-оглоблю, получившего прозвище за высокий рост и удобу. А уже когда отделились изрядно, десяток неполный пошёл. Фёдор волновался. Ладно, если по плану пойдёт. А коли нет? Что тогда придумать? Слышал от сведущих людей, ежели ватажка разбойничья из местных, то в лесу обитают, в землянках. И не очень далеко от тракта, дабы не утруждаться долгими переходами.

С обеих сторон от грунтовой наезженной дороги лес густой. В этих местах не то что ватажку, полк укрыть можно. Дорога вилась между деревьями, и Игната с Назаром не видно. Да и крикни они в случае нападения, слышно не будет – далеко, и кони десятка копытами стучат изрядно. Видно, под счастливой звездой Фёдор родился, и удача от него не отвернулась. Из-за поворота выехали, а в сотне аршин впереди лошадь с телегой, а рядом два всадника от нападающих отбиваются. Фёдор на стременах привстал, саблю выхватил, закричал:

– За мной! Окружай!

Нападающих было десятка полтора. Настоящие разбойники лесные, обросшие, в разномастной одежде. На рваные рубахи вполне приличные кафтаны надеты, явно с чужого плеча. И оружие разное. У кого меч, у кого дубина, а у некоторых топоры. Фёдор на вожака налетел. Самый крупный, в кольчуге и с мечом. Если бы шлем надеть и щит дать – вылитый дружинник, а может, когда-то и был им, поскольку мечом владел вполне профессионально. Вожак ослабил, лицо звероватое, глаза ненавистью горят. Мечом рубящие удары наносить стал, которые Фёдор на саблю принимал. Сабля легче меча, отлетала от ударов, и Фёдор молился, чтобы сабля не сломалась. Всё же концом клинка вотяк задел скользящим ударом,

вспорол кафтан. Спасла кольчуга, надетая под рубаху. Прошелестел – проскрежетал меч по железу бронному, а Фёдор сразу укол саблей в шею противника нанёс. Здоровяк меч выронил, за горло схватился, откуда фонтаном кровь бьёт. А Фёдор ещё удар, уже рубящий, по шее. Так и покатилась голова. Кто-то из разбойников закричал:

– Атамана убили!

Вмиг остатки шайки врассыпную кинулись, да от конного пешему не убежать. Догоняли и рубили. Фёдор за мужиком погнался, догнал, саблей ударил, но в последний момент кисть повернул. Удар по голове плашмя пришёлся, мужик упал. Удар не смертельный, но чувств на время лишает. Фёдор с лошади соскочил, живо с мужика поясной ремень снял и руки ему за спиной туго стянул. Пленный нужен, для допроса и ещё берлогу разбойничью показать. Пока Фёдор за своим разбойником гонялся, бой стих. Ни один тать не ушёл, мёртвые тела вдоль дороги и на поляне валяются. Фёдор к телеге подъехал, своих осмотрел, крикнул:

– Все целы? Отзовитесь!

Все целы, только Игнат в ногу ранен и Назар в руку.

– Как случилось-то? – спросил у Игната Фёдор.

– Мужик на телеге ехал, нас увидев, заголосил. Обобрали, дескать, его только что. Мы остановились, а он с облучка на меня с ножом прыгнул. Тут же из-за деревьев ватажка выбежала. Задержись вы немного, несдобровать нам.

Ага, мужик с подводой – ловушка, остановить конных. И сработало всё, кабы не план Игната.

– Пленного хоть кто-нибудь взял? – возвысил голос Фёдор.

Дружинники головы опустили. В горячке скоротечной схватки о пленном не подумал никто.

– Впредь наука будет! Вон там связанный тать лежит. Привести его в чувство!

На лицо татя вылили воду из баклажки, вор в себя пришёл. Фёдор, как и другие гриди, подъехал.

– Говорить будешь?

Молчит тать, как волчонок на всех смотрит.

– Вздёрнуть его!

У дружинников верёвки в мотке к задней луке седла приторочены. Живо перебросили один конец через толстый сук, на другом конце петлю завязали со скользящим узлом, на шею татю накинули. Тать поляну и дорогу глазами обвёл, трупы подельников увидел, понял – последние мгновения жизни идут.

– Что узнать хотел? – мрачно сказал тать.
– Седмиц пять-шесть назад проезжали этой дорогой трое. Убитыми их опосля нашли. Ваша работа?
– Разве всех упомнишь?
– Деньги у них забрали и бумаги в кожаной сумке.
– Кажись, были такие.
– Сумка где?
– Атаман мыслил – деньги там или украшения, забрал. Сумка в избе валяется.

– Веди! И вздумаешь дурака валять, на суку болтаться будешь.
Один из гридей конец верёвки с дерева сдёрнул, в руке держал. Стоит верёвку резко дёрнуть на себя, как петля на шее татя затянется. У татар сию манеру переняли. Правда, у них верёвки не из пеньки, а волосяные, арканом называются.

Разбойник петлял по лесу, вывел к поляне, посредине которой избёнка, по окна вросшая в землю. На крыше деревянные плашки зелёным мхом покрылись от ветхости. Всадники спешились.

– В избе есть кто-нибудь? – спросил Фёдор.
– Наших никого, а чужих здесь не бывает. Местные стороной обходят.
– Эк вы волость запугали. Назар, открывай двери.

Гридь дверь отворил, запах из избёнки пошёл тошнотворный. Фёдор вошёл. На земляном полу остатки еды, мусор. В ином хлеву чище. Концом сабли Фёдор тряпье в углу раздвигать стал, показался кожаный ремень. Кончиком сабли подцепил, выудил сумку. В таких гонцы послания обычно возят, только на этой герба нет. Открыл клапан, а внутри один рукописный лист, захватан сальными пальцами. Фёдор к пленному.

– Ещё бумаги были?
– Были, на растопку пустили. Мы бы и сочли, да неграмотные все.
Фёдор выходить из избёнки собрался, да мысль в голову пришла.
– Атаман куда деньги, ценности прятал?

Пленный тать глаза отвёл.

– Да не былоклада, всю добычу проедали.
– Так я и поверил! На сук его!

Для татей казнь простая – повешение либо топор палача и плаха. Ежели преступник из бунтовщиков народ смущал, так четвертование, дабы перед смертью муки принял.

Гридь тут же верёвку через сук перекинул, конец к задней луке седла привязал, лошадь тронул. Когда верёвка натянулась, заголосил:

– Всё скажу, помилосердствуйте!

Игнат процедил сквозь зубы:

– А ватажка ваша к людям милосердна была?

– Всё покажу, без утайки! – вопил тать.

– Говори.

Фёдор знак дружиннику сделал, чтобы ослабил верёвку.

– В зольнике под печью мешочек.

– А ещё?

– Богом клянусь – нет больше!

– Анисим, тяни, – приказал Фёдор.

Тать заболтался на верёвке, засучил ногами, захрипел, язык вывалил. Жалости к нему у гридей не было.

– Зиновий, слышал, что тать сказал? Проверь!

Дружинник в избу вошёл, вскоре вышел, в руке небольшой холщовый мешочек, весь в золе измазан. Зиновий мешок к Фёдору поднёс, горловину развязал. Тусклым отливало серебро и золото в монетах, кольцах, браслетах. Зиновий присвистнул.

– Ого! Видно, давно промышляют! Награбили-то сколько!

– Браты! – обратился к дружинникам Фёдор.

Никогда он так гридей не называл, а сейчас специально сказал, чтобы поняли, не как десятник он к ним обращается, как равный. Дружинники обращению удивились, продолжения ждут.

– Что с золотом-серебром делать будем?

Вариантов было несколько, но Фёдор хотел услышать мнение гридей. В бою захваченные трофеи делились. Доля рядовому дружиннику, две доли десятнику, пять долей сотнику. Но сейчас случай особый – не татары или Литва была, а тати.

– Как что? Делить! – сказал Игнат.

Ногу ему перевязали чистой тряпицей, но и она пропиталась сукровицей. К лечцу его показать надо обязательно. Остальные дружно поддержали. Ну, так дак так. Фёдор на доски крыльца всё содержимое мешка вытряс. Разложили на двенадцать равных кучек, приблизительно по весу. Дружинники трофеи делили не впервой, поэтому порядок знали. Зиновий подошёл к крыльцу, Фёдор отвернулся. Зиновий в одну кучку пальцем ткнул.

– Кому?

– Игнату.

– А эту?

– Назару.

Так и разделили всё, Фёдору, как десятнику две кучки. Он в мощну

злато-серебро опустил. Вроде бы трофеей заслуженный, а как-то Фёдору неприятно, золото-то награбленное. К вечеру до Семёнова добрались. В первую очередь Фёдор узнал на постоялом дворе, где лечца найти можно.

– Савелий, прислужник мой, проводит, – отозвался хозяин.

Пока гриди располагались, Фёдор и Игнат конно за Савелием ехали. Фёдор бы и пешком пошёл, ноги размять, да Игнату идти больно, решили ехать. Лечец в рану сушёного мха тёрого насыпал, два шва умело наложил, повязку. Фёдор расплатился, на постоянный двор вернулись, а дружинники уже за длинным столом сидят. Еду заказали – расстегаи с рыбой, жареных кур, да каши, а ещё жбан пива. Фёдор на пиво покосился, но не попенял. Дело сделано, потерь нет, можно немного попировать. Тем более пиво свежим оказалось, вкусным, с ледника. В каждой местности пиво по своему рецепту варили. А ещё местная вода сказывалась. Поели-попили на славу, и спать. А с утра в дорогу, каждый день по тридцать вёрст в седле. До Москвы за десять дней добрались, но Фёдор на пятую точку пару дней садиться не мог, отбил. Зато сотнику Кожину о выполнении задания доложил.

– Чем докажешь?

Вот на этот случай Фёдор сумку прихватил с единственным засаленным рукописным листком. Трифон сумку с листком забрал.

– Можете отдыхать.

А на следующий день Фёдора к себе призвал:

– В Иноземном приказе подтверждают, их сумка и лист бумаги, хотя говорят, там листов много было.

– Тати ими печь растапливали.

– Вот балбесы-то, прости Господи! Никто не ушёл от наказания?

– Ни один, все четырнадцать, сам счёл.

– За усердие хвалю. Боярин Беклемишев о тебе справлялся. Ты ему сродственник?

– Знакомец добрый.

Можно было и родственником назваться, служба легче бы пошла. Но рано или поздно обман вскрыется, некрасиво получится. Дня три десятков не трогали, устали и кони, и люди, отдохнуть начальство дало.

А потом снова поездки на сопровождение. Служа у Патрикеева, Фёдор не предполагал, что Иноземный приказ столь деятельную работу ведёт. И не только с дальними странами, а ещё и с княжествами, не входившими в Великое Московское. Где союз браком скрепляли, где договором, а где и силой принуждали. Самое напряжённое, по мнению Фёдора, сопровождение было к беклярбеку Ибаку. Посольство туда ходило уже не в

первый раз, но сам Фёдор дальше правого берега Волги не ходил. Полагал – конно пойдут, и ошибся. Весь десяток на большую лодью посадили. На корме маленькая надстройка, укрытие от ветра и дождя. А дружина на носу судна, под холщовым навесом расположилась. От солнца и дождя прикроет, но когда поплыли, брызги сюда долетали. Фёдор, как и его десяток, впервые по реке далеко сплавляются. Из всех гридей только старый Игнат до Казани плавал.

Дружинникам интересно поначалу было, к бортам приникли. А уже к вечеру приелось. Тем более как сумерки настали, кормчий лодью к берегу направил. Место стоянки использовалось давно, судя по старому кострищу. Команда костёр развела, кулеш начала готовить. Фёдор, как десятник, по периметру поляну обошёл, ещё круг сделал, пошире. Потом караулы назначил. Это ничего, что своя земля, порядок везде и всегда нужен. После ужина спали на судне. От воды прохладой тянет, сыростью, да комары донимают. Непривычно на палубе, судно покачивает. Утром хлеб с салом и сыто медовое. Некогда утром кулеш либо кашу варить. Сразу от берега отчалили. Ветер попутный, да вниз по течению, судно хорошо шло. Показались к полудню знакомые берега. Ба! Да где-то здесь застава, на которой он службу нёс. Стал всматриваться в берег. Избушка показалась, в которой дружинники время коротали. Фёдор к кормчему кинулся:

– Подойди к берегу, хоть на самую малость. Брат на засечной черте службу несёт, поболее года не видел, за ради Христа!

Хмыкнул кормчий, выразительно на будочку на корме посмотрел. Кормчий судном руководит, а над кормчим посланник. Но скомандовал рулевому вправо держать, к берегу. Повезло Фёдору несказанно, брат его Иван службу нёс, Фёдора на борту узрел, к урезу воды кинулся. Как лодья носом в берег ткнулась, Фёдор спрыгнул, не стал ждать, пока сходни сбросят. Обнялись с братом крепко, потом Фёдор отстранился, брата осмотрел. Возмужал, загорел, мышцы налились.

– Ты как, брате?

– Твоими молитвами, Федя.

Фёдор из мошны деньги выудил – серебро, золото. Ивану сунул.

– Не знаю, когда назад пойдём, ты на рожон-то не лезь, наперво головой думай.

– На заставе всё спокойно, недругов не видать. А ты-то как?

Ответить Фёдор не успел. К борту подошёл недовольный посланник:

– Времени нет стоять! Живо на судно!

Обнялись, Фёдор руками за борт ухватился, дружинники на судно втянули. Гребцы несколько взмахов вёслами сделали, отводя судно от

берега, парус подняли. Фёдор и Иван смотрели друг на друга, не отрываясь. Всё же родная кровь, когда ещё свидеться придётся? Снова плыли до сумерек, к берегу пристали. А потом каждый день одинаков. Утром лёгкий перекус, плавание под парусом. Даже команде делать нечего, а у дружинников всей службы ночью в карауле по очереди стоять. Рязанские земли прошли, дальше по правому берегу мордва, союзники казанских татар, язычники. А через несколько дней на высоком берегу Нижний Новгород показался. В Нижнем пополнили запасы провизии, дальше уже городов русских не будет, только несколько сёл и уже земли ханства Казанского. На ночь Фёдор караулы усиливал, по два человека дозор несли. Казань прошли. Ниже по течению полуразрушенный Булгар, бывшая столица Великой Булгарии, павшая под натиском Тамерлана, Железного Хромца. Ещё дальше Бельджамен, как кормчий сказал. От него к Дону переволок идёт, самое короткое место, всего сорок вёрст, и можно по Дону в Азовское море выйти.

Фёдор даже подумать не мог, для чего из воды на берег деревянные полозья идут, густо смазанные дёгтем. Оказывается, суда конями вытягивали из воды Волги и тянули до Дона. Два дня переволок длился, а если в обход, водными путями, полмесяца уйдёт, как не более. Это всё Фёдору кормчий Яков поведал, человек опытный.

После Бельджамена кормчий судно к левому берегу Волги прижимать стал. Только Волгой большую реку в этих краях называли по-татарски – Итиль. Слева уже шли земли Тюменского ханства, фактически – Ногайской орды, а справа – Большой Орды, татар. На левом берегу кочевья ногаев, а правитель ногаев – мурза Ямгурчей со старшим братом Мусой, обычно находился в Сарайчике, на правом берегу реки Урал. Дочь Ямгурчи Карануш, была замужем за казанским ханом Ильхамом. Ниже по правому берегу располагался Сарай-Бату, основанный в 1254 году Батыем. Город был разрушен Тимуром, и ныне ханы располагались в Сарай-Берке, заложенном ханом Узбеком на берегу Ахтубы, притоку Итиля, в 1430 году. Велик был город, до ста тысяч жителей, в то время как Париж насчитывал двадцать пять.

Кочевники ставили юрты, пасли стада, периодически перегоняя их с места на место. И тайная встреча здесь, на пастбище, была местом удобным. Лазутчики были и в Сарайчике и в Сарай-Берке, и посещение московского посланника не осталось незамеченным. Переговорщиком был боярин Алексей Старков. Когда по левому берегу потянулись пастбища со стадами и юртами, он подошёл к левому борту судна. Фёдор подумал: что может разглядывать боярин? Местность унылая, однообразная. Оказалось,

знак высматривал. На берегу копье воткнуто, а на нём маленький флажок, скорее – тряпка красного цвета. Боярин тут же приказал кормчему править к берегу. Пристали, сбросили сходни. Команда, по распоряжению боярина, стала вытаскивать из трюма тюки и мешки. Фёдор догадался – подарки. Без них переговоры не начинались, традиция. А уж восточные люди подарки любят больше, чем европейцы. За берегом присматривали, потому что не успела команда выгрузить весь груз, как от далёких юрт к судну поскакал всадник. Подъехав, круто осадил лошадь. Опоян саблей, за плечом лук и сагайдак для стрел.

– Кто такие?

– Встреча назначена с мурзой Ямгурчеем, – ответил боярин.

– Хоп!

Ногаец ускорился. Боярин принялся пересчитывать мешки и тюки.

– Вот этот назад уберите, в трюм.

Двое гребцов подхватили тук, забросили на палубу. Другие живо в трюм спустили. Боярин бороду расчесал, одежду на себе оправил. От юрт отделились несколько всадников, за ними арба, запряжённая быком. Процессия медленно, с достоинством к берегу приближалась. Посыльный ногаец лошадь гнал, исполняя поручение господина, а мурзы ногайские медлили, негоже им коней гнать, не простые нукеры. Остановились шагов за двадцать от боярина, спешились, к боярину пошли, и он навстречу несколько шагов сделал. Встретились посередине. Вроде мелочь, но им внимание уделяется большое. Человек, ниже званием, достоинством, чином, сам идёт к более уважаемому господину. Если стороны равны, то обе идут друг к другу, иначе – обида вплоть до срыва переговоров. Лёгкий поклон с обеих сторон, потом обмен приветствиями. Команда и дружинники у борта стояли на палубе. Команда судна просто глазела, а Фёдор с гридями сигнала ждал. Ещё вчера боярин с Фёдором уговорился. Коли снимет шапку, гридям на берег бежать и оборонять боярина, по возможности тюки на судно забрать. Опасался боярин, чужаки могут быть, в лицо мурз не знал, встреча первая.

Похоже – сладились, потому что по знаку старшего из ногайцев тюки и мешки на арбу грузить стали. К боярину осёдланного коня подвели, причём седло славянское, с передней и задней лукой, со стремянами. У ногайцев стремян у седла нет, они управляют лошадью ногами, впрочем, как и татары. И в седло не садятся, как славяне, а прыгивают с земли.

Всадники направились к юртам. Фёдор выставил караул из двух дружинников. Одного на берегу, а второго на носу судна – наблюдать за юртами. Конечно, обижать каким-либо образом переговорщика нельзя,

традиции сильны у всех народов, но всяко случиться может. И Фёдор представить не мог, как действовать в случае агрессивных действий ногайцев. У них воинов раза в три-четыре больше, все при луках и на конях. А пешему с конным да без копья не управиться, это всякий знает. Вот и выходит, что только судно охранять будут. А случись сеча, у десятка гридей шанса нет, смертники. Парни его наверняка о том думали, но языки за зубами держали. А ещё Фёдор о боярине Старкове размышлял. Смелый человек, один к ногаям направился. Впрочем, и боярин Беклемишев такой же, за ради царя и Руси жизнью рисковал. Вот и выходит, что служба в Иноземном приказе почётная, да опасная. И никакое жалованье риск не окупит.

До вечера ничего не произошло. Фёдор караулы менял, караульным строго приказывал, глаз от юрт не отводить, чтобы сигнал не пропустить, если будет. К вечеру от становища степняков показалась арба с грузом и двое верховых. Все дружинники на палубе собрались, при оружии и в кольчугах. А ногаец на арбе подъехал, крикнул:

– Подарки принимайте!

Все гриди стали арбу разгружать. Ковры, рулоны тканей – шёлк, парча, отдельно восточной работы серебряные кувшины с драгоценными изумрудами. Фёдор, как погрузили подарки на судно, спросил:

– Наш боярин где?

– Кумыс, однако, пьёт.

– Не говорил, когда будет?

Возчик плечами пожал. Он человек маленький, что прикажут, то и делает, откуда ему знать?

Старкова привезли уже когда стемнело. Покачивался боярин, видно – кумыс стоялый, хмельной. И отказаться от угощения нельзя, иначе – обида и срыв переговоров. А союзники Ивану-царю ох как нужны. Боярину помогли по сходням на лодью взойти, поддержали с обеих сторон. Старков икнул, осведомился:

– Подарки доставили?

– Всё на палубе.

– Грузите в трюм да рогожей укройте.

Кормчий, толкавшийся рядом, осведомился:

– Отплываем?

– В лучшем случае завтра ввечеру. Устал я что-то, отдыхать пойду. Кумыс, однако, заборист у них, так в голову ишибает.

Гриди боярина до кормы проводили, стянули с него сапоги, сняли кафтан. Боярин так и рухнул на топчан, сразу захрапел.

Дело Фёдора – охрана. На ночь двоих караульных поставил – на носу и на корме судна. А подарки решили в трюме опустить утром. В трюме и солнечным днём полумрак, а ночью вообще ничего не видно.

Утром, ещё боярин почивал, всем десятком через люк опустили подарки. Сначала ковры, на них ткани дорогие, затем драгоценные кувшины. Кормчий рогожу дал, ею накрыли подарки. Гриди успели все подарки ощупать-осмотреть, языками цокали восхищённо. Дорогие подарки, царь доволен будет. Все подарки от посольств сначала описывались в Иноземном приказе.

«...ковры персидской работы размером три на пять аршин цвета алого...»

А уже потом доставляли царю. Приблизительная стоимость той и другой стороне должна быть примерно равна.

Команда судна с рассветом костёр развела, кулеш приготовила, а ещё уху, рыбку за вчерашний день наловили. Боярин только уху и поел.

– Хороша!

А уже от юрт всадники скачут, за боярином. Снова Старков уехал. Дружинники кулеша на-елись, а кто хотел и ушицы похлебал. Кто от караулов свободен был, на палубе улегся. Тёплое солнце, лодью на волнах слегка покачивает, красота!

В полдень дозорный на носу закричал.

– Глядите!

И рукой вперёд показывает. Фёдор на юрты поглядел – никакого движения, потом вперёд. Сверху по Волге насада спускалась – широкое и большое торговое плоскодонное судно. По течению быстро несло, да видно рулевые или кормчий маху дали, огромное судно боком разворачиваться стало. Того и гляди, на лодью снесёт. Кормчий свою команду поднял.

– Всем на вёсла, сходни поднять.

За вёсла не только гребцы сели, но и гриди. Лодью от берега оттолкнули, да мощными гребками на стрежень реки погнали. Едва разминулись, двух-трёх аршин насаде не хватило, чтобы лодью зацепить. Уф! Насада пронеслась, а гребцы снова лодью к берегу подогнали. Не караульный с предупреждением, так насада бы точнёхонько в левый бок и корму лодье ударила. И кормчий молодец, быстро среагировал.

Боярина к вечеру доставили и снова хмельного. Поскольку распоряжений от Старкова не получили, решили – кормчий и Фёдор – до утра стоять. Караульный доложил, что у юрт оживлённое движение наблюдает. Фёдор и сам увидел, как от юрт сорвались десятка три

всадников и унеслись. Похоже, переговоры закончились, но без приказа боярина судно с места не двинется. Ночью Фёдор сам караулы проверял, беспокойно было. Мурза и его приближённые уехали, что взбредёт в голову нукерам? За полночь раздался шорох. Фёдор по сходням спустился на берег, надо проверить источник. Могут и степные шакалы, но они бродят стаями. Постоял, послушал – тихо. К сходням подошёл и снова шорох. Фёдор саблю оголил, двинулся к носу судна, а шорох немного дальше. Трава высокая, выше сапог, и темно. Несколько раз концом сабли в заросли травы ткнул, лёгкий вскрик. Не зверь это, человек.

– А ну вставай, кто бы ты ни был! А то зарублю!

Поднялся паренёк, на вид лет десяти-двенадцати, худой, одежда – настоящее рубище.

– Ты кто таков?

Фёдор саблю в ножны убрал, чего ребёнка пугать?

– Ванюшка я. Дяденька, заberi меня отсюда, замордуют.

Ребёнок по-русски говорил чисто.

– Ты как сюда на берег попал?

– Сбежал, в рабстве я.

Паренёк приблизился, показал левое ухо с медной серьгой в ухе. Раба можно выкупить, а помогать ему бежать по ордынским законам, по Ясе Темучжина – преступление. А как отказать, ежели Ванюшкой назвался, как брата зовут.

– А сколько же тебе лет, Ванюшка?

– Не знаю. Когда сюда с мамкой попал, говорила – двенадцать. С тех пор два года прошло.

– Стало быть – четырнадцать. Неграмотный?

– Стало быть. Дяденька дай хоть кусочек хлебца. Кушать хочется, ажно сил нет.

– Постой здесь.

Фёдор на лодью поднялся. Хлеба не было, вместо него сухари. Хлеб на судне через два-три дня чёрствым становится, а потом плесневеет от сырости. Взял пару ржанных сухарей из мешка. А сам всё время раздумывал. Что делать? Мальчонку жалко. От недоедания выглядит года на три меньше. А и помрёт потом в плену с голодухи. С барином посоветоваться? Так хмельной он и наверняка отмахнётся. Что ему судьба маленького раба. А у Фёдора печаль на сердце. Если Русь своих в беде бросать будет, несправедливо получится. Сошёл с лодьи, паренёк рядом возник. Фёдор ему сухари отдал.

Ванюшка зубами впился, жевать стал. Хруст стоит, Фёдор испугался –

услышат, хоть тот же кормчий или гребцы. Гриди своему начальнику слова не скажут. Всё же решился.

– Доедай, а то хрустишь громко. Попробую тебя в трюме спрятать. Но сидеть надо тихо, как мышь. По возможности подкармливать сухарями буду. Как в свои земли войдём, выпущу ночью. А до той поры хоронись. Понял?

– Как не понять?

– Тогда за мной иди, только тихо. Не разговаривай.

Караульный на носу лодьи Фёдора с рабом глазами проводил. Фёдор спящих на палубе гребцов обошёл, люк откинул в трюм.

– Спускайся.

Ванюшка почти неслышно по палубе прошёлся, в люк нырнул. В темноте оступился, упал, судя по звуку. Но даже не пискнул. Фёдор люк прикрыл, задвижку на место вернул.

Улёгся спать, а из головы паренёк не выходит. Правильно ли он сделал, взяв на борт раба? По-человечески рассудить, так поступок верный. А по сути, кража чужого раба – преступление наказуемое. Рабы на Руси тоже были, но такого обращения, как в Орде, с ними не было.

В Московии человек в рабство мог попасть за долги, причём на время, пока долг не вернёт. И это вполне мог быть сосед или знакомый. Таких называли закупам. Родня могла скинуться деньгами и закуп из рабства выкупить. Но столь суровая мера ответственности помогала людям не брать в долг, коли вернуть не можешь, останавливала.

Утром боярин проснулся поздно, когда кулеш уже сварили. Старков вышел на палубу, потянулся, повёл вокруг глазами.

– Почему стоим? – удивился он.

– Приказаний не было, – ответил кормчий.

Боярин досадливо крякнул, его вина.

– Кушайте и снимаемся.

Обратно пришлось тяжелее, всё время против течения, да ещё ветер не всегда попутный. Шли под вёслами. То гребцы из команды, то дружинники их сменяли, но всё равно медленно получалось.

Фёдор беспокоился, не выдаст ли себя мальчишка? По ночам, на стоянках, когда все спали, выводил его свежим воздухом подышать, покушать. Гриди уже все знали о беглом рабе в трюме, от караула не скроешь. Но боярин и команда судна пока в неведении были. Особенно опасался Фёдор татарских земель. А как прошли, повеселел. В Нижнем, где на стоянку у городской пристани встали, боярин в город ушёл по делам. Фёдор этой же ночью парня отпустил, вручив несколько медяков. Совет на

прощание дал:

– Первым делом кузнеца найди, пусть серьгу раба из уха снимет. А потом к купцу какому-нибудь попытайся наняться, а ещё лучше к ремесленнику подмастерьем. И крыша над головой будет и еда, а главное – мастером станешь, сам на жизнь зарабатывать будешь.

– Спасибо, дяденька!

Когда Ванюшка исчез в темноте, Фёдор дух перевёл. Вроде всё обошлось. И парня из неволи выручил, и боярин не прознал. Хотя страху он натерпелся, особенно когда мимо Казани проходили. Только Фёдор ошибался. Кто-то из команды парня видел, о нелегальном пассажире кормчему сказал, а тот попозже боярину. Старков огневался, устроил Фёдору разнос.

– Зачем взял раба?

– Мальчонка совсем, тощий, замордуют его до смерти.

– Мы же с мурзой переговоры вели, союзник нужен в борьбе с Ордой, а ты из стойбища раба украл.

– Я не крал, он сам пришёл.

– Жалостливый, да? Одного пожалел, а царь за всех радуется. Ты думаешь, ногойцы не сопоставят наш визит и пропажу раба? Как можно доверять переговорщику, если он вор? А если это проверка была?

– Прощения прошу, не помыслил.

– Я в Иноземный приказ о твоём проступке доложу, пусть сами решают.

Доброта и жалостливость Фёдора вышли ему боком. По приезде в Москву боярин доложил о проступке Фёдора в Иноземном приказе. Никто разбираться не стал, да и зачем, если Фёдор вину признавал. Не преступление совершил, но проступок мог навлечь нежелательные последствия. Беклемишев к себе вызвал, всё же его протеже.

– Подвёл ты меня, Фёдор.

– Виноват.

– Нельзя на государственной службе жалость или мягкость проявлять. Впрочем, ты ещё молодой, опыта нет. Придётся тебя перевести в другой полк, но в Москве оставлю. Ступай пока и жди распоряжений.

Огорчился Фёдор. Хотел как лучше сделать. С полком уже свыкся, с десятком своим. Если переведут, а это вопрос времени, слишком он мелкая сошка, чтобы спрашивать его желания, придётся снова завоевывать доверие, привыкать к людям. Да и сложатся ли отношения с начальством?

При Иване III ядро русского войска составляла дворянская конница, основанная на поместной системе. За службу служилым людям выделялось

поместье или за особые заслуги вотчина. Каждый владелец земли, иначе – помещик, должен был выставить с двухсот чатей земли одного воина – «конно и оружно». Возглавлял свою рать, иной раз большую, служилый дворянин, ниже его боярские дети, а рядовые ратники из боевых холопов. Дети боярские были сельские и городские, которые были закреплены за определёнными городами. Всего поместное войско насчитывало при Иване III двадцать пять тысяч воинов. Ещё было ополчение в случае войны, большей частью люди неподготовленные. Поместное войско проявило себя наилучшим образом, но и существенный недостаток был – долгие сборы и длительные переходы к месту, указанного царём и доставленного гонцом «наказа». Это и послужило Ивану III толчком к созданию постоянных полков, готовых выступить немедленно. Были стрельцы с луками, пушечные наряды, а ещё затинщики, прообраз и предтеча стрельцов, вооружённых огнестрельным оружием. Первый полк затинщиков был вооружён зatinaми, иначе сказать – пищалями.

В такой вновь создаваемый полк и попал в наказание за свой проступок Фёдор. Благо в чине не понизили, так и пришёл десятником. Жалованье скромное, четыре рубля серебром в год да форма. Оружие, понятное дело, казённое, как и огненные припасы. Располагался полк в пригороде, Воробьёвой слободе, в воинской избе. Среди затинщиков были люди степенные, женатые, на ночь они уходили к своим семьям. Кто в Москву, а кто в окрестные деревни. Фёдор, в отличие от многих, огненного боя не боялся. Он видел в действии тюфяки на засечной черте на Оке, ощущал всю мощь пушек. Затина, конечно, не пушка, но убойная сила, особенно на малых дальностях, превосходит такую у стрелы, пущенной из лука. Другое дело, что опытный лучник может выпустить за короткое время с десятков стрел. Первая ещё до цели не долетит, а за ней ещё девять в полёте. С зatinaми зарядание мешкотное, долгое. Однако если упражняться ежедневно да и по многу раз, дело на лад пойдёт. Фёдору нравилось всё новое. Многие воины в затинный полк попали против своего желания, впрочем, как и Фёдор. Затин опасались, серой после выстрела воняют, аки дьявол. В церкви поучали – сатана или дьявол завсегда серой пахнет, преисподней. Кроме того, затины иной раз рвались, особенно если мерка пороха избыточная.

Фёдор не пожалел времени, к мастеру-оружейнику сходил, за мзду малую тот научил, как правильно с затиной обращаться. Заряжать, прицеливаться, стрелять. С луком надо начинать занятия сызмальства, как татары делают. Кроме того, хороший лук дорог, за его цену можно деревню с холопами купить. Где казне такие деньги взять? А затины в Туле делали и

в Москве, да порох свой, да свинец для пуль.

Неделю целыми днями Фёдор практиковался на заднем дворе, от чужих глаз подальше, дабы не насмехались. Сначала медленно получалось, потом руки сами делали, хоть глаза завяжи. Одно плохо: порох в отдельном мешочке, пули в другом, в третьем – осаленные пыжи, да ещё мерка для пороха на поясе болтается. К полковому шорнику пошёл. Занятие этого ремесленника сбрую для коней делать, сёдла. Но он специалист по кожаным изделиям. Попросил Фёдор сумку наплечную сделать для огненных припасов. И носить удобно, и дождь не помеха. И снова денгу из своей мошны вытащил. Зато через три дня сумку получил, прообраз будущей берендейки у стрельцов.

Начал свой десяток заряданию обучать. Недовольны затинщики, раньше свободного времени много было. А теперь с утра до вечера занятия с перерывом на обед. Бурчали стрельцы, выслужиться-де Фёдор перед начальством желает. Но отлынивать себе дороже, потому исполняли. Как освоили все приёмы, Фёдор к стрелецкому голове подошёл:

– Порох нужен, полагаю – бочонок малый.

Порох с пороховых мельниц получали в дубовых бочонках. Малые, на пять ведер, для затинщиков, а большие – на двадцать, пушкарям шли.

– Зачем тебе? – удивился голова.

– Пострелять, дабы на цель наводить умели да выстрела не боялись.

Фёдор видел стрельбу из тюфяков. Не то что лошади, люди пугались. Громкий звук выстрела, сноп огня, облако дыма! Подумал голова и разрешил:

– Только уйди подальше куда, а то и стражу городскую испугаешь, и селян в деревне.

Фёдор это сам понимал, присмотрел заранее длинный и широкий Соловьёв овраг. Получив порох, свинец и пыжи, утром десяток под водительством Фёдора отправился в овраг. На плечах тяжёлые затины, на поясах мешочки с огненными припасами болтаются. Спустились в овраг, здесь тень от склонов, солнце ещё высоко не взошло. Расположились с одной стороны. Посредине пенёк от спиленного дерева, на другом краю – деревья. Пень Фёдор решил использовать в качестве цели. Отсчитал от пня тридцать шагов, расстояние мизерное, если судить по боевым меркам. Затинщики зубоскалили, но, чувствовалось, побаиваются, нервничают.

– Встать шеренгой! – скомандовал Фёдор. – Смотреть всем!

Медленно, чтобы запомнили, показал все приёмы. Зарядил затину, поджёг фитиль, прицелился. Грохнул выстрел. Облако дыма затянуло всех стрельцов. Кто-то уши заткнул, другие – носы. Ничего, привыкнут. А один

кинулся к пеньку, стал искать, куда попала пуля.

– Есть! – заорал он. В самый верх!

– Теперь давай ты, – ткнул пальцем в грудь стрельцу Фёдор. – Остальным затины заряжать.

И пошло чередом. Один стрелок сменяет другого. Фёдор не ставил задачу, чтобы все попадали в цель. Пусть заряжают, привыкают обращаться с затинкой, грохоту выстрелов и дыму. К обеду все изрядно устали, затина тяжёлая, отдача с непривычки сильная. Но уже уши не затыкали и от запаха пороха не морщились и не крестились. Назад, к воинской избе, шагали бодро, предвкушая обед и отдых. После обеда Фёдор дал людям отдохнуть, умыться. От чёрного пороха лица и руки в копоти были. А потом второй заход в овраг. За день третью часть бочонка пороха ушла. Зато десяток его перестал бояться своего оружия. Три последующих дня стреляли уже прицельно, палбы меньше, но результативнее. Стрельцы уже спорить стали, кто попадёт точнее.

С каждым днём Фёдор отводил десяток от пня всё дальше. Как говорил ему оружейный мастер – сто пятьдесят шагов почти предел. Пуля-то и дальше летит, только точности нет. Постепенно выявилась троица метких стрелков, на них Фёдор возлагал надежды. Не каждому дано быть метким стрелком, впрочем, как и биться сабельным боем. Сабли у стрельцов тоже были, но при Иване Грозном их заменят на бердыши. В бою бердыш не только холодное оружие, но и опора для пищали, как позже стали называть затины.

Фёдор справедливо полагал, что только еже-дневные занятия способны привести к мастерству, но стрелецкий голова думал иначе.

– Зачем огненный припас переводить? Он денег стоит, с меня спросят.

И попробуй начальству доказать, что в бою все упущения большой кровью выйдут. Пришлось из своей мошны деньги доставать, покупать в Пушкарском приказе. Да ещё амбала с подводой нанимать, чтобы до полка привезти. Всё же два бочонка уже вес изрядный, под мышками не унесёшь. Со свинцом попроще было, как и с пыжами.

Некоторые из десятников, глядя на Фёдора, тоже своих ратников учили, другие в рот стрелецкому голове смотрели, считали – лишнее это. А всё рассудил случай, когда воевода в полк приехал, да со свитой.

Глава 4

Новгород

Полк только сформировался, набрали людей и коней, воевода приехал посмотреть, как исполняется государево поручение. Стрельцов построили, воевода прошёлся, внешним видом доволен остался. А потом предложил стрелецкому голове показать умение в стрельбе. Хитёр голова, сразу на Фёдора показал. А только воевода пожелал видеть, как весь десяток палит. В качестве мишени обрубков бревна поставили, отсчитав сто двадцать шагов. Приезднее начальство и голова в сторону благоразумно отошли.

– Ребятунки, работаем спокойно, как учил, – как мог наущал Фёдор.

Зарядили затины довольно шустро.

– Целься! – приказал Фёдор и сам вскинул оружие. – Пли!

Грянул нестройный залп. Несколько затинщиков явно попали в бревно, потому как оно упало, да и видели все, как от деревяшки щепки летели. Голова стрелецкий сияет. Как же, не подкачал Фёдор и десяток его. И воевода усы довольно оглаживает, не зря государева казна тратилась. Да Фёдором не ограничились. Воевода вдоль строя прошёлся, пальцем в десятника Онуфрия ткнул:

– Теперь ты со своим десятком удаль и умение покажи.

Вот тут осечка случилась. Стрельцы Онуфрия заряжали затины долго, залп нестройным вышел, практически каждый по готовности стрелял, а в бревно не попал никто. Воевода нахмурился, долго выговаривал стрелецкому голове и уехал недовольный. Голова разнос устроил десятникам и сотникам, пообещав стрельцам запретить на ночь домой уходить, пока стрелять не научатся. За такие упущения в службе запросто снять могут, да перевести в отдалённый гарнизон, куда-нибудь на Соловки. Да мало ли на Руси медвежьих углов?

На следующий день голова приказал всем устроить стрельбы. Результат после обеда проверял сам. Единственный десяток, не ударивший в грязь лицом, был фёдоровский. После крупного разговора с воеводой в глазах головы Фёдор как десятник здорово вырос. Уже после стрельб стрелецкий голова вызвал его к себе, для разговора с глазу на глаз.

– Посоветоваться хочу. Как быстро дело наладить?

Затины в государевом войске дело новое, опыта никто не имеет. Голова с десятником советоваться не стал бы. Всё же он из дворянских детей, а

Фёдор простолюдин. Да выбора не было. Фёдор и присоветовал:

– Отдай всех десятников под моё начало на седмицу. Только жалоб их на притеснения с моей стороны не слушай. Обучу не хуже своего десятка, а потом каждый научит своих людей.

– Ты прямо мои мысли прочитал! – вскричал голова. – С завтрашнего дня делай с ними что хочешь, хоть палками бей, а выучи.

– Порох и свинец дашь?

– Возьми в амбаре.

Холопов в войске палками били, но без членовредительства. И в дальнейшем применяли телесные наказания – прогоняли через строй солдат, которые били несчастного шпицрутенами. Били при Петре, Павле Первом, Александрах, даже при Николае Втором. Фёдор битья палками не приветствовал и рукам волю не давал, как некоторые десятники, раздававшие стрельцам зуботычины. Хватит, сам настрадался в детстве от старосты.

Утром, после молитвы в воинской церкви, не только десятники построились, но и сотники, хотя вчера об этом разговора не было. Прихватили бочонок с порохом, рубленый и обкатанный свинец, затины – и в овраг. До полудня учились быстро и грамотно заряжать оружие. Сотники недовольство проявлять стали. Фёдор заявил:

– Никого не держу, не неволю. Ступайте с Богом. А только через четыре седмицы без двух дней воевода снова приедет. Кто мастерство во владении не явит, поедет на Соловки или на Печору.

Недовольство сразу пропало. Сотники женаты все, детишки есть, и перспектива отправиться на край земли пугала. И после обеда приступили к стрельбам. Не получалось поперва, хотя дистанция до пня тридцать шагов, камнем добросить получится. Поняли десятники и сотники – лихим наскоком наукой не овладеть.

Неделю до седьмого пота Фёдор учеников гонял, хотя многие старше его и не одну сечу прошли. В последний день на стрельбы поглядеть сам стрелецкий голова явился. Тут уж каждый старался умение проявить. К концу дня от пня щепки остались. Голова – Панкратий Зотов доволен, руку Фёдору пожал.

– С завтрашнего дня каждый из вас своих стрельцов обучать будет! Увижу ежели кто отлынивает, не обижайтесь.

Со следующего дня в окрестностях пальба пошла. Соловьёва оврага на всех не хватало, стреляли в лесу на больших полянах, на лугу. Один только несчастный случай произошёл, когда один стрелец другому ногу прострелил по неосторожности. Но авторитет Фёдора вырос, в полку все в

лицо его знали, и сотники не чванились первыми руку для пожатия протянуть.

Между тем в Кремле происходили события особо неприметные, но в дальнейшем потянувшие за собой целую цепь действий. К Ивану Васильевичу прибыло новгородское представительство. Ранее новгородцы называли великих князей московских господами, показывая равный уровень отношений, ведь и Великий Новгород тоже Господин. То ли оговорились послы, то ли намеренно назвали Ивана Васильевича государем. Иван, благодаря Софье поднаторевший в деликатных проблемах, за оговорку ухватился. Направил своих послов в Новгород с вопросом – хотят ли новгородцы видеть его государем своим? В Великом Новгороде противостояли друг другу две партии. Промосковская и пролитовская, во главе – бояре. Пролитовскую возглавляла посадница Марфа Борецкая. Пролитовская хотела отдаться Казимиру IV, но была закавыка, в этом случае обязательно католическая церковь попытается сменить веру. Народ этого не хотел, и Марфа, и её сторонники боялись бунта. У бояр, сторонников Марфы, дружины были, но что их воины против народа? В Новгороде всегда сильно было ополчение. Даже объединив дружины, бояре не смогли бы подавить народный гнев. Между партиями было неустойчивое равновесие.

Зазвонил вечевой колокол, на площади стал собираться народ. Марфа выступила на вече с призывом оставаться независимой республикой, не отходить под власть Московского Великого князя. Марфа говорила убедительно, бояре начали кричать:

– Не хотим Ивана государем!

Да ещё людишек подкупили бояре, в разных концах площади кричать стали:

– Не хотим!

Толпу завести просто, скоро уже вся площадь кричала:

– Постоим за святую Софию!

Послов едва не побили, но то уже нарушение всех традиций, фактически оскорбление Ивана, ведь послы представляют именно царя.

Иван Васильевич приказал собирать рать и разослал письма ближним союзникам – Твери и Пскову. Рать начала собираться большая, даже из Касимова пришли служилые татары. Как правило, их посылали на западные окраины великого княжества во избежание сговора с Ордой, если бы их послали на юг или восток. Татары выставили десять тысяч конницы, да кованая рать боярская, да государевы полки. Первыми выступили от столицы пешцы, за которыми тянулся великий обоз с провиантом, лечцами

и пушечным нарядом. Дух войска после победы над новгородцами у Шелони был велик. Тогда воевода Даниил Холмский в июле 1471 года одержал убедительную победу, сбив спесь с новгородцев.

Полк затинщиков шёл пешим, за ним небольшой обоз с припасами. Вскоре недалеко от новгородских земель к пешей рати присоединилось войско тверское. Через несколько дней пешцев догнала конница. Сначала касимовские татары, потом дружины служилых бояр. В один из дней, когда полк взошёл на возвышенность, Фёдор воочию убедился, сколь велико войско. На дороге – спереди и сзади пешие и конные, насколько видит глаз. И дальше видно было бы, кабы не пыль, висящая над войском пылевым облаком. Поразился Фёдор, как и другие воины, численности армии. Мощь, сила!

Перед Великим Новгородом к войску московскому и тверскому присоединились псковичи, им было ближе всего. Московские и тверские рати в пыли, уже уставшие от марша, а псковичи свежие.

Лазутчики и селяне новгородские уже успели сообщить посадникам новгородским о приближении рати. Девятого октября 1477 года великокняжеская армия с союзниками подошла к Великому Новгороду, осадила город, окружив его плотным кольцом войск. Новгородский архиепископ Феофил на проповедях склонял народ к миру с Москвой. В город отправились послы с жёсткими требованиями.

«Вече и колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам своё держати».

Хоть и были припасы в Новгороде, но в основном у бояр да людей богатых. С осадой простые горожане стали испытывать лишения. Бояре из промосковской партии стали перебегать на сторону Ивана. Чувствовали, что осада добром не кончится. Даже воевода новгородский, князь В. Гребенкин-Шуйский, в одну из ночей перешёл, прихватив семью.

Велик был город, укреплён хорошо и воинов, способных дать отпор сильному неприятелю, было достаточно. Многие из мужчин прошли через ополчение, их прадеды воевали ещё с тевтонскими рыцарями на Чудском озере. Да взять тех же ушкуйников новгородских. Не только торговцы, но и настоящие разбойники. То татар ходили воевать, сплавляясь по Волге, то на земли шведов набеги делали. Но одно дело воевать судовой командой, а другое, когда в городе семья. А ещё и город окружён, и в случае приступа жертвы среди мирного населения неизбежны.

Постоянные притязания Москвы на богатый и землями обильный Новгород заставляли новгородцев искать защиты у Литвы. Простой народ склонялся к Москве, всё же вера единая, а бояре и купечество за Литву.

Пролитовскую партию возглавляла семья посадника Борецкого. Заключение тайного союза с Литвой, по которому Казимир обязался защищать Новгород от Москвы. Но в 1471 году Литва на помощь не пришла, и в битве при Шелони посадник Борецкий попал в плен и был казнён.

Новгород заплатил Москве откуп в 15 с половиной тысяч рублей серебром. А Марфа Борецкая стала на место мужа, ещё более обозленная на Москву.

Первыми в походе на Новгород к селу Бронница, что в 20 верстах от Новгорода, примчались касимовские татары во главе с царевичем Данияром. Они же захватили близлежащие монастыри.

Передовым полком командовал брат Ивана, двадцатипятилетний Андрей Меньшой. Ополченцами из Костромы командовал Даниил Холмский, Фёдор Давыдович Хромой – коломенцами, Стрига Оболенский – владимирской ратью. Полком Правой руки командовал брат Ивана, Андрей Большой. В полку были воины из Углича, там же тверичи, ратники из Дмитрова и Кашина. Полклевой руки подчинялся ещё одному брату Ивана – Борису Волоцкому, при нём отряд удельного князя Василия Михайловича Верецкого.

В Большом полку воеводами Иван Юрьевич Патрикеев, Василий Образец, под которым ополчение из Боровичей. За Семёном Рязанским ополчение суздальское и юрьев-польское. За князьями Александром Васильевичем Оболенским и Борисом Михайловичем Оболенским рать из Можайска. Василий Сабуров возглавлял ополченцев из Галича, Ростова и Ярославля.

Воеводы Большого и Передового полков 24 и 25 ноября перешли по льду Ильменского озера и заняли Городище, княжескую резиденцию.

Сам царь вначале установил резиденцию в походном шатре в селе Тухолья, близ озера Ильмень, но вскоре перенёс её в Лошинское село, в Троицкий Клопский монастырь, известный связями с Москвой.

Царь не хотел брать город штурмом, тогда неизбежно будут потери среди ратников и мирных горожан. Тянул время, надеясь на осаду. В городе уже голодно. Но и новгородцы надеялись, что морозы и недостаток провизии заставят москвичей уйти. Помог Псков, посылавший санные обозы с провизией. Но и Пскову приходилось трудно. Ещё 10 октября в городе вспыхнул страшный пожар, уничтоживший большую часть деревянного города, много людей погиб-ло. Сейчас псковское войско занимало позиции в устье Шелони.

В городе к январю начался сильный голод. Простолюдины выкрикивали на площадях за мир с Москвой. Но и в войске Ивана начался

голод. Съестные припасы из обозов закончились. Иван отдал распоряжение оставить в полках половину ратников, а остальным грабить население деревень, сёл и городов в окрестностях.

По приказу стрелецкого головы Панкратия десяток Фёдора тоже был отправлен за провиантом. Затины оставили в полку, были при саблях. Для провизии взяли двое саней. А куда ехать? Где деревни? Санних путей почти не видно. С проходом московской рати напуганные селяне перестали ездить и в соседские деревни и тем более в Новгород.

После некоторого размышления решил ехать по льду реки Мсты, да подальше от Новгорода. Вблизи все припасы подчищены уже. А река рано или поздно отведёт к какой-нибудь деревне. Почти все населённые пункты на Руси стоят на берегах рек. Ту же скотину напоить, если из колодца черпать, так заморишься. А бабам постирать? А для бани воды натаскать?

Ехали на саях. Чтобы согреться, ноги размять, периодически соскакивали, бежали рядом. Одна лошадь шла по следам другой. Фёдор сразу так приказал ездовым. Местности никто не знал, как и особенностей рек. Случись промоина во льду от подводного родника, вторые сани успеют остановить. Одежка на всех ратниках осенняя, никто не предполагал, что осада будет долгой. А зимы в этих краях снежные, морозные.

К вечеру добрались до села Прилуки. По пути попадались ещё селения, но их миновали. Фёдор рассудил – слишком близко, прожива мала будет. Торговля в этих местах, почти на всей новгородской земле замерла. На ночёвку заняли две избы, потеснив хозяев. Ещё на коротких привалах Фёдор своих затинщиков предупредил:

– Никакого кровопролития. Селяне не враги нам. А ежели убьёте кого, будут противниками ярыми. Москве враги не нужны. Всем ли понятно?

Почти все затинщики, кроме двух, выходцы из деревень, ситуацией прониклись. Кому понравится, если плоды их многомесячного и многотрудного труда отберут? Но и здесь Фёдор кое-что предусмотрел. Зачем у людей последнее забирать? Только озлобить, да на голод обречь. Село большое, наверняка амбары есть, где припасы боярские хранятся. Каждое село не само по себе, чья-то вотчина или поместье. В Новгород в связи с приходом московского войска все припасы вывезти не успели. С утра, выпросив у хозяев, где сельский староста живёт, всем десятком к нему направились. Испугался староста ратников. Фёдор же, поздоровавшись, приказал взять ключи да амбары показать. Взмолился староста:

– Мне же перед боярином ответ держать!

– Боярам новгородским царь Иван Васильевич укорот сделает.

Со вздохом староста связки ключей достал, повёл к амбарам. Фёдор забрал самое ценное – мешки с ржаной мукой. Капусту и брюкву с морковью не довезёшь, помёрзнут. А мука – это хлеб. Будет хлеб на столе, который всему голова, трудности пережить можно. На каждые сани по шесть мешков уложили. А в амбаре ещё три десятка лежат. Оставляя жалко. Ежели другие ратники не заберут, так сам староста перепрячет и на грабёж московский спишет. Фёдор старосте приказал:

– Собирай мужиков, да побыстрее. Десять саней с возчиками потребны, а ещё десять тулупов и десять пар валенок.

Понурился староста, а против силы не попрёшь. И жаловаться некому. Бояре в осаждённом городе, и, чем осада закончится, ещё неизвестно. Староста пошёл к избам, а Фёдор вслед кричит:

– Всех назад без урона отпустим!

А сам двоих затинщиков на один конец села послал, двоих на другой. Вздумай мужики потихоньку уехать, так задержат. Предусмотрительность оказалась не лишней. Сам староста и один из мужиков попытались из Прилук выехать. То ли другие сёла известить, то ли подмогу привести, да с дрекольем. Ан не получилось.

Нагрузили подводы мешками, сами тулупы надели. Понятно, хозяева не лучшее отдали, овчина вытерта сильно. Но всё же лучше, чем в одних кафтанах. А уж как валенки надели, совсем хорошо, тепло стало. Сразу двинулись в обратный путь, по сумеркам до Холыньи добрались, где заночевали. Фёдор караул у гружёных саней выставил. Утром у хозяев толокняной затирухой позавтракали – и в путь. Лёд на реке ровный, сани легко скользят, только лошадям тянуть тяжело, сани нагружены изрядно. Фёдор прикинул – по двадцать – двадцать два пуда груза, а лошади не самые крепкие.

Уже к вечеру в полк приехали. Полк на середине дороги между Чечулино и Новгородом стоит, в чистом поле, в шатрах расположился. Зябко в них зимой, а если ещё и голодно, совсем плохо. Сытый человек морозы легко переносит. Стрелецкий голова подвозу муки обрадовался, сразу отрядил людей с мешком муки в село, хлеб печь. Если какая-то пища готовилась, так на кострах в котлах. Но хлеб на костре не испечь.

И другие стрельцы из поисков возвращаться стали, кто на следующий день, кто позже. Тоже с добычей – туша кабана, солёная рыба, несколько мешков гречки и пшена. А на всех поделили, чтобы досыта, так и припасы быстро иссякли. И снова в походы за провизией, да с каждым разом всё дальше.

К январю в Новгороде глад и мор. К Ивану на переговоры Феофил-

архиепископ с несколькими боярами приехал. Дальше тянуть никак не возможно, вымрет город. Уговорились сдать город. Князь Патрикеев со служивыми боярами 15 января 1478 года въехал через распахнутые ворота в Новгород. Жители, кто смог, на площади собрались. Патрикеев их к присяге царю привёл и крест на том целовать заставил. С этого момента все выборные должности в Новгороде упразднялись – посадников, кончанских старост, тысяцких. Народ стenal и плакал. И непонятно было – от утраты новгородских вольностей и свободы или от наступившего замирения и концу голодовки.

В четверг 29 января в город под звон колоколов въехал государь с московской знатью. Царь молебен отстоял в Софийском соборе, главном в городе. А уже первого февраля арестовали купеческого старосту Марка Памфильева. Второго февраля та же участь постигла Марфу Борецкую и её внука Василия. Третьего февраля забрали весь новгородский архив, изучать договоры, особенно с Литвой. Шестого февраля арестовали знатного новгородца Григория Арбузьева, бояре, купцы, да многие знатные люди новгородские притихли, убоявшись. Кое-кто сумел выехать с семьями в свои поместья, оставив дома на слуг. Седьмого февраля из Новгорода в Москву отправился под сильной охраной обоз с арестованными, провожаемый жалостливыми взглядами горожан.

Восьмого февраля Иван вновь посетил город, присутствовал на литии в Софийском соборе. А уже во вторник, 17 февраля, Иван отбыл из города и в четверг, пятого марта, прибыл в Москву как победитель. Новгород с обширными и богатыми землями присоединился к Московскому государству.

Государь обещал новгородским боярам, что всё останется, как есть, никого опале подвергать не будет. Войско двинулось назад, оставив в Новгороде наместника московского Якова Захарьина. Шли быстро, подгоняли голод и желание вернуться на тёплые квартиры, к сытой и налаженной жизни.

Всё успокоилось на год. Однако новгородские бояре и оставшиеся в городе сторонники пролитовской партии во главе с Иваном Савелковым, боярином, доброго отношения Ивана не оценили. Мягкость царя к вновь обращённым подданным приняли за слабость. И новгородцы восстали, захотели убить наместника, который чудом спасся. Получив сообщение от гонца, Иван пришёл в ярость, огневался.

Собрав конное войско для быстроты передвижения, помчался в Новгород. Вместе с другими ратниками в его войске был и Фёдор. Да не десятником, а сотником уже.

Прибыв в Новгород, Иван начал жёсткую расправу. Боярин Иван Савелков был арестован, под пытками выдал других участников заговора. Тотчас арестовали ещё тридцать бояр. Владыка Феофил был схвачен и отправлен в Москву, на его место прислан архиепископ Сергей. Многие бояре и заговорщики были казнены, и все бояре новгородские и знатные люди были насильно вывезены и переселены в восточные земли, под Владимир и Суздаль, Ярославль и Ростов.

Земли их и дома изъяты в казну и позже розданы московским служилым людям, переселённым в Новгород в большом количестве. А изымать было что. Только в огромной вотчине Борецких было полторы тысячи обож (обож – надел земли, пахавшийся одной лошадью). У новгородских бояр отобрано было двенадцать тысяч обож с деревнями и холопами, а переселено семь тысяч. Поставлены были в Новгороде посадник Василий и три других вместо кончанских старост. Кроме того, Иван изгнал из Новгорода немецких купцов. Фактически он остановил все торговые связи с европейскими странами.

Один из бояр московских, ведавший сыском и пытками, раздал воеводам и стрелецкому голове Зотову списки бояр, подлежащих задержанию. Кто-то спросил:

– А ежели сопротивляться будут?

– У вас оружие есть и воля Ивана Васильевича. Умрут – не велика печаль, с вас спроса не будет.

У командиров руки оказались развязаны. Также они напутствовали своих сотников и десятников, раздавая списки. В Новгороде районы города назывались концами, улицы имели названия, но нумерации не было. Фёдор сам повёл один десяток. Постучали в один из домов на нужной улице. С задержкой калитка открылась. Горожанин от страха заикался, подумал – за ним пришли.

– Где боярин Кошкин живёт? – спросил Фёдор.

– Пятое владение по другой стороне, – пришёл в себя новгородец. – Да вы узнаете, в избе наличники резные.

Действительно, наличники на окнах искусный мастер резал. Изба большая, с поверхом. На стук открыл слуга.

– Боярин дома?

– Где ему быть. Ежели без приглашения, не примет.

Десяток за спиной Фёдора засмеялся.

– Прочь с дороги, если плетей отведать не хочешь! – пригрозил Фёдор. – А лучше сам веди!

Всем десятком в сени зашли, оттуда в трапезную. На шум боярин по

лестнице спускается. Фёдор сразу спросил:

– Кошкин?

– А вы кто такие будете? – высокомерно вскинул подбородок боярин.

– Собирайся, с нами пойдёшь.

Боярин резво развернулся, побежал по лестнице вверх. Фёдор, а за ним и стрельцы бросились на поверх. Лестница крутая, ступени узкие, с непривычки один из стрельцов за Фёдором упал, покатился вниз, сбив остальных. Когда Фёдор забежал в коридор второго этажа, хлопнула дверь, щёлкнул засов. Фёдор подёргал ручку, осмотрел дверь. Серьёзная, дубовая, такую плечом не выбить. Подбежали стрельцы. То на Фёдора смотрят, то на дверь, приказания ждут.

– Берите у прислуги топоры, на заднем дворе должны быть. И рубите двери.

Боярин, слышав эти слова, закричал:

– Моё добро, кто дозволил портить?

– Иван Васильевич, государь московский!

– Нет надо мной государя, я свободный человек новгородский!

– Мне всё едино, кому надо разберутся, лучше сам выйди, не заставляй дверь ломать.

Из-за двери шаги слышны, потом едва слышно слова молитвы. Стрельцы принесли плотницкие топоры и колун. В любом хозяйстве такие принадлежности есть, слугам дрова колоть али петуху голову рубить.

– Приступайте! – распорядился Фёдор и в сторону отошёл.

Однако дверь рубить не пришлось. Щёлкнула задвижка, дверь отворилась, боярин вышел.

– Вяжите ему руки! – распорядился Фёдор.

Боярину верёвкой стянули руки сзади. Уж больно прыток, кабы не попробовал сбежать по дороге. Боярина повели в городскую тюрьму.

Всех воров, убийц да прочих сброд ещё позавчера повесили, чтобы места освободить. На улицах пустынно, горожане лишний раз боялись показываться. Сдав арестованного, Фёдор с десятком направился по другому адресу. Тут не боярин, не дворянин, но по адресу Фёдор со стрельцами получил отпор, да ещё какой. На стук в калитку открыл кряжистый мужик звероватого вида. Увидев ратников, успел захлопнуть калитку прямо перед носом.

– Лезьте через забор, отпирайте!

Один из стрельцов подпрыгнул, уцепился руками за верх забора, другой его снизу подталкивал. Забор высокий, прочный, стрелец спрыгнул тяжело, тут же запорный брус отодвинул. Фёдор со стрельцами во двор

ворвался. Мужик мог побечь на задний двор, поэтому Фёдор пальцем ткнул.

– Ты и ты, на задний двор!

А остальные к избе побежали. Вдруг распахивается дверь и из сеней выбегают пятеро дебелих мужиков. Каждый при оружии – у кого короткая абордажная сабля, у кого палица, у одного так даже боевой топор на длинной рукояти. Фёдор сразу сообразил, не иначе ушкуйники, целая команда почти.

Стрельцы сабли повыхватывали, начали биться. Мужики крепкие и сильные, напирают. Против Фёдора новгородец с дубиной. Силён, дубина так и летает в его руках. Если угодит по черепу, раскроит. Фёдор удары на саблю принимал, беспокоился – сдюжит ли удары. Один из затинщиков удобный момент улучил, нанёс удар в грудь, вторым ударом добил. На шум боя – крики, звон оружия – в тыл новгородцам выбежали двое стрельцов с заднего двора. Напали неожиданно сзади, сразу обоих сразив. Все дружно на оставшуюся троицу навалились, зарубили. Фёдор дыхание перевёл.

– Раненые есть?

У двоих стрельцов лёгкие раны на руках. Считай – легко отделались. Поперва Фёдор посожа-лел, что затины в полку остались. А потом решил – правильно. Зачем такую тяжесть таскать, если выстрел мгновенно сделать нельзя? Затина, хоть и заряжена, требует сначала фитиль поджечь, а этого времени, пусть и малого, не было. Нападение внезапно произошло и, будь стрельцы менее расторопны, сами бы сейчас во дворе валялись.

– Обыскать дом! Бумаги с записями, ценности искать и мне доставить.

В избу вошли, тишина. Неуж без семьи жил хозяин? Фёдор за стол в трапезной сел. Изба пятистенка, большая, но осмотрели всё быстро и тщательно, включая подпол. На стол Фёдору мешочек с деньгами положили и бумаги.

– Надворные постройки вчетвером, двое на чердак! – распорядился Фёдор.

Деньги из мешка на пятнадцать равных кучек разложил. Десятник от трофеев вдвое больше рядового стрельца имеет, а сотник впятеро. Свою долю Фёдор в мошну сгрёб. Всё же прибыток к жалованью, а хозяину деньги уже не нужны. Коли их в казну сдать, могут исчезнуть бесследно. Стрельцы жизнью рисковали, здоровьем, а приберёт какой-нибудь чин из приказа. Несправедливо. Бумаги Фёдор читать не стал, не его дело, специальные людишки на то есть, пыточных дел мастера. Стрельцы вернулись с пустыми руками.

– Нет ничего, сотник!

– Берите по кучке и держите язык за зубами, – предупредил Фёдор.

Деньги сгребли быстро. Почти все женаты, деньги всегда потребны, на одежку деткам, избу подправить, жёнке подарок, да хоть платок.

Фёдор с ратниками в городскую тюрьму пошёл, надо известить о смерти новгородца.

– Ты бы хоть голову принёс, что ли! – поморщился писарь, вычёркивая фамилию уби-того.

– Оторви задницу и сам сходи, коли убедиться хочешь, – разозлился Фёдор. – Двое моих воинов ранены были, пока ты в тепле сидел. Или пошли кого-нибудь проверить, трупы во дворе лежат, все пятеро.

– Пятеро? А фамилии?

Писарь за гусиное перо схватился.

– Сдурел, что ли? Они на нас напали, да с оружием. Я должен был фамилии спросить или отбиваться? Не знаю фамилий, спросите соседей, наверняка их знают.

– Ладно, – поморщился писарь. – Вот тебе ещё адресок на сегодня. Доставишь – и свободен. На сегодня!

Писарь поднял указательный палец, измазанный чернилами. Сунул Фёдору бумажку, где фамилия нацарапана и адрес. Фёдор прочитал.

– А где это – Никитская?

– Почём мне знать? Я в Новгороде сам третий день, – пожал плечами писарь.

Делать нечего, Фёдор – человек государев, как и писарь. Разузнав у прохожих, десяток пошёл по адресу. Поблуждали маленько, город-то незнакомый, да не все улицы прямые. Постучали в калитку. За забором дом каменный, не изба, хоть и один этаж. На стук служанка подошла, дрожащим от страха и волнения голосом спросила:

– Кого наддать?

– Хозяина.

– В нетях он, – после запинки ответила женщина.

– Открывай, проверим.

– Не могу, хозяин отворять никому не велел.

– Не откроешь, выломаем, а тебя в наказание за лжу в поруб бросим.

– Ох ты, беда какая!

Женщина калитку отворила, в сторону отошла. Фёдор распорядился:

– Ты и ты – на задний двор. А ты, Захарий, постой у калитки. Кто зайти схочет – пускай, но обратно только после беседы со мной.

И прислуге:

– Веди!

Сам Фёдор в трапезной уселся, затынщики по дому разошлись. Велик дом, комнат с десяток. Один из стрельцов вернулся быстро.

– Одна дверь заперта. На вид добротная. Что делать?

– А выбей окно и загляни.

Стрелец в сени выбежал, бросив двери открытыми, оттуда во двор. Послышался хруст и треск, звон стекла. Стекло – товар дорогой и редкий, заморский. Даже в богатых домах зачастую вместо стёкол слюдяные пластинки стояли. Буквально через пару минут стрелец прибежал:

– Есть в комнате кто-то. Не видел я, но движение слышал. Оконце-то маленькое, только голову просунуть.

– Обогоди маленько. Сейчас парни дом досмотрят, потеху устроим.

В остальных комнатах никого, как и на чердаке и в подвале. Не забыли и про поварню. Фёдор туда сам зашёл. На полотенце щедро маслом конопляным плеснул, во двор вышел.

– Вы двое – к дверям комнаты.

А сам кремнем о кресало, полотенце поджёт. Чадным пламенем тряпка занялась. Фёдор в комнату её забросил. Кто-то из затынщиков испуганно спросил:

– А ну как дом займётся? Весь город выгорит, как в Пскове.

– Дом-то каменный, пустая твоя башка. Если и выгорит, так одна комната.

Из окна дым пошёл, сначала едва-едва, потом повалил. В комнате кто-то надсадно кашлять начал. Фёдор в оконце кричит:

– Лучше дверь отопри и выйди, целым останешься.

Кашель сильнее и сильнее, потом крик:

– Выхожу, оружия нет у меня.

Стук двери, возня. Стрельцы, оставшиеся в коридоре, вывели связанного мужчину. Мал, толст, как колобок.

– Пойди-ка Захарий, тряпку из комнаты во двор выброси, а то всю комнату задымит, прокоптит.

– Да нам-то что?

– Э, брат, Иван Васильевич бояр, да знатных людей, да заговорщиков из города выселит. Кого казнят, а кого за Муром. А жильё-то нашим, московским служилым людям достанется. Приведётся – и тебе.

– Ох ты же!

Вскоре исходящая вонючим дымом тряпка вылетела в окно. Фёдор тлеющую тряпку сапогом затоптал, прислуге наказал:

– За домом присматривай, не то спросят строго!

Задержанного сдали писарю и приставам, отправились отдыхать. А

утром тревога, всех подняли.

– Государь приказал полку в Москву возвращаться.

Оказалось, государь уже сам в столицу вы-ехал, получив с гонцом известия о мятеже братьев. Царь Иван ожидал подобного известия и опасался.

Архиепископ Феофил был отправлен в Москву, а выезжая из Новгорода, государь забрал с собой богатую церковную казну.

Распря между братьями шла давно. Особенно не жаловал Ивана удельный князь Андрей Большой Углицкий, который склонил на свою сторону Бориса Волоцкого.

После смерти отца, Великого князя Василия II Васильевича Тёмного, его третий сын получил в удел Углич, Бежецкий верх и Звенигород. После смерти ещё одного брата, Юрия Васильевича, Великий князь московский Иван, пользуясь тем, что младший брат не оставил завещания, прибрал себе в княжество города Юрия – Дмитров, Серпухов и Можайск. Другим братьям собиранье земель Иваном не по-нравилось, каждый считал себя равным Ивану по праву рождения. Но мало кто из братьев радел за всю Русь.

Вместе Андрей и Борис заключили тайный союз с Казимиром, королём польским и великим князем литовским, злоумышляя против Ивана, не послушав уговоров матери.

Братья, объединив свои полки, с двадцатью тысячами ратников двинулись к Ржеву, потом повернули к Пскову. Иван послал к братьям из Москвы епископа Вассиана Ростовского для переговоров. Братья, чтобы тянуть время, направили в Москву своих бояр для обсуждения условий. Иван предлагал хорошие условия для перемирия. Например, князю Андрею города Алексин и Калугу. Андрей предложение отклонил. Иван был в сложной ситуации. Он получил сведения, что Казимир хочет напасть на новгородские земли. Шевелился Ливонский орден, да ещё и Менгли-Гирей прислал с гонцами неприятные известия, что хан ордынский Ахмат собирает войско для похода на Русь. Иван рассчитывал на полки братьев в противостоянии с Ордой, а братья предали. Пока шли переговоры, которые бояре Андрея и Бориса затягивали намеренно, братья поехали в Псков просить союза против Ивана. Псков всегда принимал у себя недовольных московской властью, но ситуация изменилась, псковичи ноне союзники. И Псков братьям отказал. Братья велели опустошить псковские земли. Ратники братьев грабили и убивали, оскверняли жён и девок, действовали жестоко, как на землях неприятеля. Псков собрал двести рублей серебром, откупился от братьев. На время Андрей и Борис утихомирились.

Весной 1480 года с застав по засечной черте и сопредельных земель стали поступать тревожные донесения о появлении лазутчиков Ахмата, его конных разъездов. Искали броды через реки, дороги высматривали. Так всегда бывает перед появлением большой армии. Иван направил в Крым срочным порядком посольство. Уговорились, что в случае нападения Ахмата на Русь Менгли-Гирей нападёт на земли Казимира, давнего союзника Большой Орды, тем самым свяжет армию Казимира, не даст напасть с западных границ. Ещё одно посольство отправилось к ногайскому мурзе Ямгурчею, дабы через него снестись с Ибаком.

К сожалению, посольство запоздало, Ямгурчей был в походе, и Ибак с помощью опоздал. Однако исполнил функцию важную – убил Ахмата в становище.

Иван стал рассылать во все удельные княжества и города грамоты с призывами готовить ополчение – людей, оружие и припасы, огненные и съестные, и быть готовыми выступить к Коломне. Иван ошибочно посчитал, что Ахмат двинет свою армию на Москву самой короткой дорогой.

Летом 1480 года Ахмат в степях собрал сильное войско. Иван приказал ополчению собираться у Коломны. Но братья примиряться не желали. Иван опасался, что в самый опасный момент, когда Ахмат начнёт войну, братья со своими ратями ударят в спину. И основания для такого беспокойства были. Докладывали люди из ближнего окружения братьев, что к Ахмату выехали переговорщики. Вполне могло быть, что за помощь в войне с Иваном Ахмат даст ярлык на княжение Андрею, самому честолюбивому и завидующему из братьев. Уже когда Ахмат с войском был недалеко, братья прислали Ивану письмо: «Если исправишься и притеснять нас не будешь, а станешь держать нас как братьев, то придём к тебе на помощь».

Иван был вынужден пойти навстречу братьям, отписал Андрею Большому Можайск, и только в последний момент, когда противников разделяла только Угра, братья привели свои войска под руку Ивана.

Иван помощи был рад, любезен с братьями, но ничего не забыл. Пока был жив наследник Великого князя Иван Молодой, князь братьев не трогал, щадил. Но как только Иван Молодой умер, да ещё повод случился – в 1492 году Андрей отказался послать Ивану в помощь своё войско, Иван не сдержался, прямо в Кремле арестовал непокорного брата. Заключение его в тюрьму, а охраняли не простые воины, а князья служилые да бояре. Андрей так и умер «в железах» в узилище через два года. Тогда же двух сыновей Андрея арестовали в Угличе, перевезли в Переяславль, где держали «в великой истоме» много лет, до смерти.

Повод в 1492 году был серьёзен. В Большой Орде после смерти Ахмата большая замятня пошла. К власти рвались многие, отравления и удавка на шею были обычным делом. Орда развалилась на части. На союзника Ивана, Менгли-Гирея, ордынцы войной пошли. Верный союзническому договору, Иван стал собирать армию идти в Крым. Борис Волоцкий прислал полк, а Андрей отказался. Дело было ещё в мае, а когда Андрей в сентябре приехал в Москву, Иваном был принят ласково. На следующий день, пока бояре Андрея были в одной комнате, в другой, где был Иван, он был схвачен.

Весной 1480 года Ливонский орден получил от ханских послов Ахмата золото, и рыцари напали на псковские земли, и так пострадавшие от набегов братьев Андрея и Бориса.

В июне этого же года на правом берегу Оки, уже не скрываясь, шастали ордынские разъезды. На окской засечной черте воеводой был дальний родственник Ивана, князь Василий Верейский. А в Серпухове стоял с полком сын Ивана Иван Молодой.

Царь собрал боярскую думу для совета. Как всегда, судили-рядили долго. Дума во мнениях разделилась. Половина бояр отстаивала необходимость дать отпор татарам. Но группа сребролюбцев во главе с окольными И. В. Ощерой и Г. А. Мамоном настоятельно советовали Ивану спастись бегством в Белоозеро вместе с семьёй. Москва-де не раз была взята татарами, сожжена, но снова восстанавливалась, аки птица феникс из пепла. Иван от бегства отказался.

Прирождённый властолюбец и тиран считал, что его должны бояться и любить. Но кто будет бояться и любить, если он оставит столицу, сам убоявшись врага? Иван остался в Москве, но отправил в Белоозеро Софию с детьми, туда же отправилась государева казна.

Гарнизоны в Тарусе, Серпухове и Коломне усилили, крепости сильные, могут держать оборону долго. На левый берег Оки выдвинулись великокняжеские полки во главе с воеводами князем Холмским, а также Семёном Ряполовским – Хрипуном, Даниилом Патрикеевым – Щеней.

Воеводы и сотники сами опрашивали людей – купцов да странствующих, идущих из южных земель. Оказалось, многие видели татарских воинов, и число их было велико. Стало ясно – войны не избежать. Иван устроил совет. К тому времени вернулся с посольством князь И. И. Звенигородский-Звенец из Крыма, привёз обнадеживающую новость. Договор подписан, и хан крымский Менгли-Гирей с войском выступает немедля на польские земли, а конкретно на Подол. Рассматривали разные предложения. Народ служивый, не думские бояре,

выдвигали реальные варианты, как ослабить Ахмата.

После споров приняли решение отправить на орду речным путём судовую рать под руководством князя Звенигородского-Ноздреватого и служилого татарского царевича Нур-Даулета. Плавание долгое, не одну неделю. Но к тому моменту, когда Ахмат будет на Оке, судовая рать уже будет воевать аулы ордынские и саму столицу Сарай-Берке. Почти все воины в поход с Ахматом ушли, и предприятие должно быть успешным. Конечно, мурзы, что в Орде остались, тут же отправят гонцов к Ахмату. Ситуация получится патовая, пока Ахмат Москву повоевать хочет, русские уже Сарай разорят. Обеспокоится хан, войска к своей столице повернёт. Богат Сарай и ещё неизвестно, кто выгоды больше получит в виде трофеев и пленных – Ахмат или Иван? А ещё предложили с началом боевых действий отправить кружным путём в тыл армии Ахмата сильную конную рать. И коммуникации такой отряд перережет, и поволноваться хана и мурз заставит.

Однако армия Ахмата шла по правому берегу Оки. Миновала Мценск, Любуцк, Одоев и вышла к Воротынску. Сам же царь Иван расположился в Кременце, между Медынью и Боровском. В стане русских беспокойство. Все силы Ахмата расположились западнее, чем ожидалось. Вместе с ханом шли его племянник Касим и шесть царевичей.

Замысел хана в русском стане разгадали, Ахмат хотел соединиться с войском Казимира и объединёнными силами сломить оборону русских и двинуться к Москве. Татары жаждали трофеев в богатом городе, деньги за все годы, что Иван платить отказывался.

Русским пришлось перебрасывать конницу и пещцев к Калуге и на берег Угры. Из Твери подроспела рать Михаила Холмского и Иосифа Дорогобужского. Конница русская патрулировала берега, у бродов сильные заставы выставили, с пушками и пищалями.

Ордынское войско вышло к Угре сразу в нескольких местах шестого октября. Ширина реки в этих местах от 80 до 100 аршин или 120–140 метров. Разведка ордынская стала прощупывать броды. Но русские местность знали. Стоило татарам сунуться, тут же палили из пушек, тюфяков и пищалей. Татары, постреляв от злости из луков, отступали.

Фёдор вместе со своим полком тоже был на Угре. Как сотник командовал заставой. Но все действия татар и даже местность точь-в-точь повторяли то, что происходило восемью годами ранее, в 1472 году. Только тогда Фёдор был молодым и неопытным дружинником. А сейчас опытный сотник и оценивал ситуацию по-другому. Опасался Фёдор, что стояние войск царских растянулось на шестьдесят вёрст, от Калуги до Юхнова.

Ударь Ахмат в одном месте всеми силами, и остановить такой прорыв тяжело будет, а то и невозможно. А до Москвы рукой подать, и в столице только городская стража осталась.

Старший пушкарь Фёдору подчинялся, хоть и к Пушкарскому приказу относился. Коней своих и пушкарских с подводами для перевозки пушек в роще неподалёку спрятали от жадных взглядов татар да стрел их. Зато другой берег голый на несколько вёрст. Три дня татары разведку проводили. Сунутся на конях на брод, а Фёдор командует пушкарям:

– Пли!

Палили из всех стволов сразу, чтобы как можно больший ущерб нанести. И наносили. После каждого залпа один-два ордынца с коней убитыми падали, да лошади. Тоже ущерб, для татарина вдали от своих степей конь – всё. И транспорт, и печка в холода, а когда голодно, то и еда.

Фёдор, как и заставские, полагали – отпугнули поганных. Но утром восьмого октября впереди, на другом берегу, туча пыли показалась. Фёдор сам на дерево влез, хоть по чину непотребно. И ахнул, увидев приближающееся войско татарское. Тут же пушкарям крикнул:

– Готовьтесь! Запальники калить!

И гонца послал к ближайшему полку за помощью. Заставские – и пушкاري, и затинщики – поняли: не устоять. Но никто не запаниковал. Судьба у воина такая, пришёл враг, будь готов живот положить за Отечество.

А войско татарское всё ближе. Фёдор к старшему пушкарю:

– Лавр, не стреляй залпом, прорвутся поганные. Сначала одна пушка, через время другая. И пусть заряжают быстро. А как в воду войдут, и коням вода по брюхо будет, так пусть тюфяк голос подаст.

– Фёдор, ты за своими зитинщиками следи. Всё сделаю, как надобно!

Уже фигуры татар отчётливо видны, из луков самые нетерпеливые постреливать стали, да только стрелы в воду падали с недолётом или бессильно утыкались в брёвна засеки.

Татары уже к урезу воды подскакали. Выстрелила первая пушка. Засека дымом окуталась, за ним не видно, удачно ли попадание. Как только дым рассеялся, грянула вторая пушка. Зря Фёдор беспокоился. В такую массу коней и людей промахнётся только слепой. И кони убитые были, и люди, но татары в воду вошли, сзади другие напирали. Бабахнул тюфяк. Вот уж поистине коса смерти. Свинцовый дроб многих из сёдел выбил. Таких бы тюфяков да с десятков! Первые всадники уже на середине реки, сабли сверкают. Фёдор скомандовал:

– Затинщики! Целься! Пли!

Грянул нестройный залп. Ещё несколько татар из сёдел в воды реки выпали, подхватило их течение, понесло. Поганые стали из луков стрелами защитников заставы осыпать. Кабы не брёвна, стоящие срубом, все бы полегли. Татарам вода разогнаться не даёт, время против них работает. Пушкари первую пушку перезарядить успели и почти в упор выстрелили по поганым. Ворвались всё же татары на заставу, сеча пошла. У татар преимущество – на конях. Один десяток с русскими сражается, другие заставу с двух сторон обходят и дальше, вправо забирают, где луг и леса нет, для конницы простор нужен, манёвр, скорость.

Фёдор в первого же татарина из затины выстрелил. Тяжёлая свинцовая пуля вышибла татарина из седла. Фёдор саблю выхватил, от второго татарина отбивается. Помог ему один из пушкарей, банником, которым пушку заряжают, ударил татарина по голове, как большой дубиной, и сам упал, сражённый. На Фёдора ещё один наскочил, по-татарски орёт что-то, видимо, грозит. Замахнулся поганый саблей, а Фёдор лошадь саблей полоснул по ноге. От боли лошадь на задние ноги встала, татарин с трудом в седле удержался. А как лошадь на передние ноги опустилась, сам татарина в бок уколол. Обернулся, а из затынщиков один он остался. Да диво дивное, татары назад несутся, вброд реку переходят. И любой его срубить может. Бросился Фёдор за бревно, лёг. Татары коней нахлёстывают, последний мимо проскакал, Фёдор приподнялся. К заставе русская дружина летит, да числом большим. Встал Фёдор во весь рост. А конница уже мимо него и с ходу вброд. Ордынцев гнали две версты, но увидели крупный отряд врага, назад повернули. За то время Фёдор заставских парней успел осмотреть. Все насмерть побиты, один он в живых, да что удивительно – ни царапины нет, даже ранения лёгкого. Везучий такой или ангел спас?

Дружина назад вернулась, разгорячённая боем, с коня воевода спрыгнул:

– Ты что, один остался?

– Чудом уцелел.

– Я свой десяток оставлю, князю Холмскому сегодня же доложу. Полагаю, к утру подкрепление прибудет, а то и вовсе тебя сменят. Небось страху натерпелся?

– А то? Их сотни, а нас горстка была, да и ту побили, почитай, всю.

– Держись. Как звать-то тебя?

– Фёдор Сухарев, сотник затынщиков.

– Запомню.

Воевода на коня вскочил, отдал распоряжение одному десятку

остаться, и всадники ускакали.

К Фёдору ратник подошёл:

– Сего дня в четырёх местах татары прорваться пытались, да не получилось нигде.

Фёдор попросил ратников в близлежащую деревню за подводами съездить. Погибших заставников отпеть надо и похоронить по христианскому обычаю. Всё же жизнь свою за царя и Отечество отдали. Пока один умчался, с другими воинами оружие собрал, всех снесли в одно место, рядом уложили. У всех страшные сабельные раны, после которых не выживают.

Фёдор, знакомый с огненным боем, пушки и тюфяк осматривать начал. Не приведи Бог, поганые ещё наскочат. Без пушек – беда. И обе пушки зарядил, и тюфяк. Огненные припасы рядом, не успели до них татары добраться. Сухих дровишек собрал, жаровню зажёл, запальники туда железные сунул. Пока день не кончился, застава и пушки к бою готовы быть должны. А ночью татары почти никогда не нападают.

Три подводы с ездовыми всадник привёл. Тела погрузили, в деревню повезли. Перед тем как уехали, Фёдор каждого павшего за руку подержал, прощался. А его от должности старшего по заставе не сменили, а до тех пор уходить он не вправе. Либо стрелецкий голова Панкратий Зотов сменить должен, либо разводящий по имени Смерть, и никак иначе.

Пужинали всухомятку, караул на ночь выставили. Татары запросто ночью кого-то выкрасть могли, попытать с пристрастием о войске русском – где полки стоят, да сколько воинов в них.

А с утра пополнение на заставу стало прибывать. Сначала два десятка затинщиков из полка Фёдора, потом пушкари, да ещё и тюфяк привезли. Фёдор полагал, что конные ополченцы уйдут, а нет, ещё десятков прибыл. И получилась на заставе полусотня, поскольку брод в этом месте удобен для перехода, и воеводы сочли, что попытка татар прорваться может повториться.

Так и получилось. Сначала татары большим числом атаковали в районе Опакова городища и наткнулись на крупные силы русских. Разгорелась ожесточённая сеча. Несколько часов бились и не выдержали татары, отступили за Угру, ополчение за ними кинулось и гнало поганых до Лузы. Лишь опасение воевод попасть в ловушку, на которые татары горазды были, заставило повернуть рать за Угру, на исходные позиции.

Повторное нападение последовало на заставу Фёдора. Сначала к броду подскочил отряд татарский в полсотни сабель, явно на разведку. Сунулись в воду, а пушкари залп из двух пушек сделали. Татары упорствовали, хотя

двоих убитыми потеряли. Уже на середине брода пушкари задействовали оба тюфяка. И дистанция короче, и свинцовый дроб летит снопом, рассеиваясь по фронту. Полусотня татарская вполовину уменьшилась, вода кровью окрасилась. Замешкались татары, Фёдор командует затинщикам:

– Залпом, пли!

Загромыхали затины, берег дымом затянуло. Ополченцы на коней вскочили и кинулись к татарам. Силы-то теперь равные, нет у татар преимущества. Когда приподнялся и рассеялся пороховой дым, стало видно, что татар десяток всего, да и те к своему берегу повернули, а следом за ними ополченцы, жаждут догнать и порубить. Уже на другом берегу после небольшой погони настигли, бой завязался скоротечный. Один из татар всё же ускакал, остальных порубили. Ополченцы назад возвращались, а далеко за ними войско ордынское показалось. Фёдор шапку с головы сорвал, стал размахивать, подавая сигнал тревоги. Да ополченцы переговариваются меж собой, делятся подробностями боя, ещё в горячке после схватки. Фёдор у затинщика рядом затину из рук вырвал, выстрелил вверх. Ополченцы наконец-то по сторонам головами завертели, увидели приближающуюся конницу. Сразу своих коней нахлёстывать стали. Брод быстро не перейти, вода не даёт. Если татары быстро подойдут, посекут ополченцев стрелами. Пушкари уже приготовились у своих орудий. Ополченцы влетели на берег, в пятнах крови, мокрые от воды. Татары стали осыпать русских стрелами. Защитники за брёвнами укрылись. Татары стали спускаться с берега в реку. У пушкарей выбора нет. Припали к пушкам, дали сначала залп, потом из обоих тюфяков. О! Не понравилось татарам, потери понесли, не меньше двух десятков поганных в «плавание» пустились по Угре. Да ещё раненые кони в агонии бьются, мешая переправе. Брод узкий, аршин пятьдесят – шестьдесят шириной, а в стороны – сразу глубоко. Сунулись туда татары, а кони до дна копытами не достали. Пушкари от стрел потери понесли, но у пушек хлопочут. У них сейчас вся сила огненного боя.

Глава 5

Стояние на Угре

В самый последний момент, когда до ордынцев уже рукой подать и татары сабли выхватили, пушкари залп в упор сделали. Страшное зрелище! Куски плоти, клочки одежды полетели, людям и лошадям головы поотрывало. Воды Угры в красный цвет окрасились. После некоторого замешательства те, кто за убитыми был, на берег взобрались. Ополченцы им противостоять попытались, рубка пошла. Но что могут двадцать всадников против сотен ордынцев? И вдруг сзади лихой посвист, грохот копыт, крик «А-а-а!». Это полк ополченцев, услышав стрельбу из пушек, на помощь пришёл. Сеча пошла страшная. Ордынцы отбиваются, а их в воду теснят. Татарам отступить некуда, с брода другие ордынцы теснят, конную массу сразу не остановишь. И несколько уцелевших затинщиков залп сделали и за брёвнами залегли по приказу сотника. Татарам сейчас не до них, отбиться бы от ополченцев. Застоялась русская рать, и злоба на ордынцев лютая. Раненые из боя не выходили, бились. Сколько веков Орда Русь притесняла, ненависть к ордынцам с молоком матери передавалась, а сейчас силы равны. А уж сколько татар утонуло, сойдя с брода в сторону! Если бы река глубокая была, ордынцы приготовили надутые бурдюки, за них держались. Но полагались на брод, долго ли малюсенькую заставу сбить? О значительных силах русских вблизи Угры не знали и просчитались. А ещё у русских пушки, тюфяки, кулеврины, которых у татар не было. А огненный бой на ближней дистанции – штука убийственная и действенная. Отступить татары стали, не сдюжили. Не зря говорят – сила силу ломит. Большая часть ополченцев уже заставу миновала, на другом берегу татар гоняли. А по заставе несколько лошадей без всадников мечутся. Не сдержался Фёдор, скомандовал своим:

– Затины у брёвен сложить! Ловите лошадей и татар бить!

Сам лошадь поймал. Животное испугано, дрожь бьёт. Но почувствовала сильную руку, послушалась. Фёдор коня на брод направил, выбрался на другой берег, саблю выхватил. Ветер в лицо бьёт, азарт! Догнал-таки ордынца, на-искосок по спине саблей рубанул. Закричал татарин, на шею лошади упал. Основные силы татарские далеко впереди, пожалуй, и не догнать. Да ещё и русское ополчение стало останавливаться и разворачиваться. Воеводы силы берегли и в засаду попасть боялись. Да,

скорее всего наказ от царя или князя Холмского имели – не отрываться. Татары в одном месте крупным лагерем стоят, набеги в разные стороны совершают. А русские вынуждены рать по всему предполагаемому участку растянуть. Шестьдесят вёрст прикрыть – не шуточное дело, а ещё люди на заставах потребны и в дозорах, да гарнизоны в городах-крепостях ослаблять нельзя.

Четыре дня подряд татары набеги делали в разных местах, нащупывая слабые места в обороне русских, да всё безрезультатно. Начали вести переговоры. К Ахмату отправили посольство во главе с думным дьяком Иваном Товарковым. Русские тянули время, ожидая подхода полков Андрея Большого и Бориса Волоцкого. Всё же двадцать тысяч ратников братьев Ивана – сила существенная.

Хан Ахмат тоже не торопился, он ждал, когда к нему подойдёт войско Казимира. Он ещё не знал, что поляки отбиваются от всадников Менгли-Гирея и на помощь не придут ни сейчас, ни в следующем месяце, и высокомерно ответил Товаркову: «Дай Бог зиму на вас, и все реки встанут ино много дорог будет на Русь».

Полки братьев Ивана – Андрея и Бориса – пришли 20 октября. В эти же дни хан получил от Казимира послание, в котором польский король извещал, что на помощь прийти не сможет, сам отбивается от крымских татар. Кроме того, получив подкрепление в виде полков братьев, Иван направил кружным путём в тыл Ахмату лёгкую конницу. Всё совпало, хан был удручён отказом Казимира участвовать в войне, потом дозоры доложили о появлении русских в тылу, а в первых числах ноября прискакал взмыленный гонец из Сарай-Берке с неприятной новостью о русской судовой рати, начавшей разорять кочевья. Да ещё холода рано ударили. Лёд на реках ещё не такой прочный, чтобы всадника выдержать, но в лёгких юртах татарских холодно. Дрова мокрые, костры не горят, и голодно стало. В стане татар зрело недовольство. Хан должен быть удачливым. Степняки шли за ханом в надежде на богатые трофеи, а что получили? Убитых, стояние лагерем в холодной и неприветливой Руси.

Иван тем временем собрал все силы воедино, у Кременца и Боровска, что на правом берегу Протвы, на холмах, затрудняющих действия татарской конницы. Отвод войск от Угры начался 26 октября и к ноябрю закончился. На замёрзших реках остались только заставы, чтобы упредить войско царское о продвижении татар. Иван и его рать были готовы к решающему сражению.

В начале ноября начались метели, снег ровным слоем укрыл местность. Татарские лошади, привыкшие к подножному корму, с трудом

копытами из-под снега добывали пропитание – пожухлую траву. Запасов ячменя или овса татары не брали, а сеном лошадей ордынских и вовсе не кормили. Начался падёж лошадей.

Ахмат 6 ноября начал отвод войск, 11 ноября лазутчики царские донесли об этом Ивану. Царь поверить не мог, что Ахмат уходит, приказал проследить. Хан в самом деле уходил, уводя измученное холодами войско. Маршрут его пролегал через Мценск и Серенск. Сын Ахмата, Муртаза, от злости неудачного похода, разорил и сжёг сёла под Алексином. Простояв ещё немного, Иван распустил войско по зимним квартирам, и сам 28 декабря возвратился в Москву.

Ахмат следовал в Орду тем же путём, что шёл на Москву. По пути к своим становищам уходят отряды мурз и беков. Когда уже небольшое войско добирается до реки Донец и становится на отдых, на него ночью нападает ногайский беглярбек, именовавший себя ханом Ибак. Бой был коротким и ожесточённым, но 6 января Ахмат и царевичи были убиты. Пользуясь тем, что войско Ахмата распущено по зимовьям, Ибак направляется в Сарай-Берке, разоряет его, берёт богатые трофеи и уходит в Сарайчик.

Допрежь великая и грозная Большая Орда, гроза многих государств, начинает разваливаться на осколки – Белая, Синяя Орда, Ногайская. В Орде начинается большая замятица, за место хана борются несколько претендентов.

Но Орда всё ещё была сильна, и набеги были на Русь, на Крым, на другие страны. Но малыми силами. На Руси набеги с попеременным успехом отбивали, но опустошительных походов татарских вроде Мамаева, Батыева или Неврюева уже не было. Русь дань больше не платила. Великое стояние на Угре, где не произошло главного сражения, фактически закончилось победой царя Ивана. Победа в дальнейшем привела к усилению Московского государства.

Фёдор с полком вернулся в воинскую избу. После стояния в голом поле в избе хорошо, тепло. Царь Иван, возвратившись в Москву, предался пьянству. На пирах напивался до того, что засыпал и гости молчали в страхе, боясь пошевелиться. Великий князь, выпавшись, был весел, плясал и пел песни.

В полку Фёдора настроение было иным. Живыми вернулись, не покалечены, и ладно. Но вернулись не все, полк понёс потери. В каждой сотне один-два десятка погибли. Прибыло пополнение, и у сотника, как и у десятников, забота – обучить огненному делу.

В апреле 1481 года Иван отправил Менгли-Гирею послание: «На

всякого нашего недруга бытии со мною заодин невзирая от того, кто будет на том юрте на Ахматовом месте царь».

После гибели Ахмата и боёв с Ибаком в Орде правили сыновья Ахмата. Саид-Ахмад, Шейх-Ахмед и Муртаза, каждый старался удержать власть в своём уделе. Враждовали и воевали братья, пока в 1502 году крымчак Менгли-Гирей не разгромил Большую Орду окончательно.

Однако отдых для ратников был недолгим. Москва почти непрерывно вела войны, большие и малые, ходила в походы. Ещё когда хан Ахмат был жив, он дал Ливонскому ордену золото, и ливонцы в августе 1480 года напали на Псков. Ахмат тоже хитрил. Ливонцы ему хоть и не союзники, а набегами связали псковскую рать, не позволили прийти Ивану на помощь в трудное время. Псков формально был независимым государством, но во всём слушал Москву, и воеводы и наместники были московские. После ухода Ахмата с русских земель Пскову необходима была помощь, ибо терзали и грабили Псковщину ливонцы нещадно. Уже в конце февраля Великий князь послал на помощь Пскову великокняжеское войско. Фёдор с полком, успев отдохнуть месяц да пополнив ряды, снова отправился в поход. Впереди шла конница, за ней тянулся санный обоз с провизией и огненными припасами. В войске царском понимали весомую роль артиллерии. Пушки и тюфяки здорово выручили в стоянии на Угре и против рыцарей это сильный козырь. Ливонские рыцари хорошо вооружены, имеют мощную защиту в виде кованых доспехов, закрывающих всё тело. Но разве сдюжит кованая сталь на латах супротив пушечного ядра или дроба? На то и расчёт был. Ливонцы прихода войск Ивана не ожидали, и первую победу московское войско одержало легко. Рыцари, привыкшие не получать отпор, грабили село. Уже и пленных взяли, связали, а тут московская рать, всем своим многотысячным войском. Рыцари сильны своим плотным строем, свиньёй. Да сзади оруженосцы конные, а тылы и фланги прикрывают кнехты, пехота. Рыцари бой поодиночке были вынуждены принимать. Да будь ты весь в броне, но не на коне, а супротив тебя не один десяток умельцев сабельного боя, противников опытных, не устоишь. Потеряв почти всех кнехтов и большую часть оруженосцев, рыцари сдались. Для ливонцев как отрезвляющий холодный душ. Воеводы сразу после вступления в псковские земли полки по всем волостям распределили. И везде избиение ливонцев началось. Псковичи доносили, где ливонцы стоят, да каким числом, да проводниками были. Поэтому к рыцарям подбирались скрытно, окружали, дабы никто не вырвался, не ушёл, а потом нападали внезапно. Мало того, в сами земли Ордена вторглись.

В одном таком походе Фёдор участвовал. Полк конницы, несколько пушек на подводах и сотня затинщиков во главе с Фёдором через реку пограничную вброд перешли да село окружили. Видимо, заметили москвичей. Завыла труба, поднялась суeta. Пока рыцари к бою готовились, пушкaри пушки установили, зарядили, жаровни разожгли. Русская конница на фланге стояла слева, зaтинщики справа. Спешились, зaтины к бою готовы, Фёдор их в две шеренги выстроил.

Рыцари из села выступили, числом два десятка. Флаг развеивается, латы блестят. За каждым рыцарем два-три конных оруженосца, которых рыцари братьями зовут. А следом кнехты-копейщики плотным строем. Воевода скомандовал пушкарям:

– Пли!

Пушек всего шесть, да пушкaри искусны. Все ядра в цель угодили, в строю рыцарей потери. Однако марку держат, вместо убитых на прорехи в строю плотнее встали, разгон начали. Пушкaри снова у орудий суеются. До рыцарей сотня шагов, когда Фёдор приказал:

– Первая шеренга, целься! Пли!

Грохнул залп. Свинцовые пули латные доспехи пробить не могли, но вмятины делали глубокие. При попадании в голову, хоть и в шлеме, контузия верная и потеря сознания, а в грудь – травмы, переломы рёбер.

– Вторая шеренга, два шага вперёд! Целься, пли!

Вторая шеренга выступила вперёд, ещё залп сделала. Дистанция сократилась, пока перестроение делали, и рыцарям, как и оруженосцам, крепко досталось. Не успел рассеяться дым от ружейных выстрелов, как грянули пушки, почти в упор. И сразу в атаку пошла русская конница. В живых рыцарей оставалось только два, и убиты быстро были, следом за оруженосцев принялись. Крики, звон оружия. Какофония страшная. Фёдор подождal немного, пока зaтинщики оружие зарядят.

– Левое плечо вперёд, бегом!

Обошли сражающуюся конницу, выстроились шеренгами напротив кнехтов. Один залп, следом другая шеренга палит. Сотня пуль по полусотне кнехтов, имеющих только нагрудники и шлемы. Уцелел едва десяток. Фактически бой закончился без потерь для русской рати. Раненых ливонцев добили, война жестокая, на истребление. Оставь ливонца раненым, он через время снова в седло сядет.

А потом рейд по земле ливонской. Дома жгли, грабили. Набив перемётные сумы, с победой вернулись на псковские земли. Ливонцы мира запросили. Если война продолжится, Орден истреблён будет. На время переговоров перемирие объявили, и первого сентября подписали мир на

десять лет. А по истечении этого срока по приказу царя Ивана на границе с Ливонией, напротив Нарвы, построили крепость и город, названный именем царя, Иван-городом.

Возвращались из похода уже осенью, по слякоти. Воеводы довольны, будет чем Ивану похвастать. И войны при трофеях, чего не было после стояния с Ахматом.

Этой же осенью на Пермь напали вогуличи, которых вёл князь Асыка. При помощи устюженской рати пермякам удалось отбиться. Но Иван об угрозе помнил, и в 1483 году в поход на вогуличей пошла московская рать с воеводами Фёдором Курбским-Черемным и Иваном Салтыком-Травиным. Поход был долгим, но властям московским были подчинены вогуличи (манси), вместе с землями их, прозываемыми Югрой.

Осенью 1482 года Менгли-Гирей пошёл в набег на земли литовские, взял Киев, разорил Подолию, огнём и мечом прошёлся по всем южным землям литовским, чем значительно ослабил Литву окаянную.

В 1483 году тверской князь Михаил Борисович попытался отложиться от Москвы, вёл тайные переговоры с Литвой, желая заключить союзный договор. Бояре тверские, большинство из которых не желало этого союза, донесли Ивану о сговоре. Осерчал царь Иван, послал войска к Твери. Однако осады и боя не случилось. Михаил прислал к царю Ивану посольство, где в послании называл себя «меньшим братом» Ивана. Войска были отозваны. Однако Михаил и не думал вести себя достойно. В январе 1485 года на заставе поймали гонца от Михаила тверского в Литву. В послании, которое доставили в Москву, было предложение о союзном договоре и совместных действиях против Москвы. Иван собрал войско и двинул на тверские земли. В сентябре 1485 года москвичи осадили Тверь. Значительная часть тверских бояр и удельных князей сразу перешла на сторону Москвы.

Войска московские стояли недалеко от городских стен. Напротив въездных ворот, которых было несколько, выставили пушки, показывая тверичам серьёзность намерений. Жители и ратники тверские кричали со стен:

– Ступайте в Москву, мы вам не враги!

Царю Ивану Тверь нужна как союзник. После присоединения к Москве новгородских земель нужен был прямой путь к Новгороду, но его перекрывали тверские земли. Если Тверь войдёт в союз с Литвой, войскам пройти к Новгороду или самой Литве невозможно.

Однако боёв не случилось, через два дня стояния войск московских Тверь сдалась. Распахнулись городские ворота, духовенство и бояре вышли

к царю. Иван потребовал выдачи князя Михаила Борисовича. Как оказалось, ночью князь уплыл по Тверце на лодье, прихватив казну, позже объявившись в Литве. Бояр и «тверской двор», принесших клятву верности Москве и целовавших крест, Иван принял на службу, сохранив за ними их земли и чины. Царь поставил наместником в Твери своего старшего сына Ивана Молодого, его матерью была тверская княжна Мария Борисовна, рано умершая первая жена Великого князя. Независимое тверское княжество прекратило своё существование.

И воинство московское, и тверичи весьма рады были, что не случилось кровопролития. Полки в Москву вернулись, не успели после марша отдохнуть, новые походы. Часть конной дружины Иван III отправил на помощь Менгли-Гирею, который пошёл войной на Большую Орду. Поход крымского хана случился неудачным, потрепал ордынцев, но цели не достиг. Такой же поход Менгли-Гирей повторил в 1491 году с таким же результатом. И только в 1502 году крымчаки нанесли Большой Орде сокрушительное поражение.

Фёдор же со своим полком попал в поход на Казань. Отношения Московского государства с Казанским ханством были сложные. То казанские татары на Русь ходили, то русские подступали к городу. Первый раз при царе Иване рати подошли к городу и вернулись, не совершив активных действий. Было это в 1478 году, и вое-воды объяснили неудачный поход непогодой. Несколько недель лил дождь, дул сильный ветер. Местность для коней стала непроходимой из-за грязи. Во второй раз Иван направил войско в 1484 году. В Казани властвовал хан Ильхам, низложения которого хотела Москва. В столице ханства были мурзы, желавшие присоединиться к Ногайской Орде, но была и промосковская партия. Русское войско простояло на берегу Волги как весомый аргумент в сторону Москвы. В результате хан Ильхам был низложен, а во главе ханства встал шестнадцатилетний Мухаммед-Амин, ставленник московский. Ещё десятилетним ребёнком он был увезён в Московию. Царь Иван дал царевичу на кормление город Каширу. Однако, став ханом, Амин надежд Ивана не оправдал. Подняли голову ногайские сторонники, сместили Амина, и ханом вновь стал Ильхам. Казанское ханство граничит с Русью, ближний сосед, причём беспокойный. Царь снова направляет войска на Казань. Сбор ополчения из разных городов был назначен во Владимире по весне. Полк, где служил Фёдор, выступил из Москвы в начале апреля, как подсохли дороги. За конными стрельцами тянулся обоз. И всю колонну то и дело обгоняли ратники из других земель. Через неделю прибыли под Владимир, расположились лагерем у города. На лугу – сколько хватало глаз

– шатры воинства русского. Силы собрались большие и 12 апреля двинулись на Казань по левому берегу Волги. Путь, если пеши, неблизкий, да ещё переправы – через Оку, а затем Каму, и к Казани подошли 18 мая.

Город осадили, чтобы перекрыть подвоз продовольствия. Хан сдаться отказался, начались бои. Татарская конница под командованием мурзы Али-Газы регулярно делала вылазки и доставляла немало хлопот. Первая конная атака привела к потерям в русском войске. Пушки в войске были, и установили их напротив многочисленных городских ворот, да зарядить не успели. На второй день осады внезапно открылись ворота, из города вырвалась конница. Сколько их, никто даже приблизительно посчитать не успел. Всадники к русским пешцам кинулись. Рубка пошла. Наши ни укреплений поставить не успели, ни рогаток против коней. А главное – жаровни не разожгли, запальные труты не накалили, оттого пушки и тюфяки бездействовали. Фёдор, пока татары пешцев рубили, приказал фитили на затинах поджечь, потом строиться шеренгами.

А как стрелять, если татары и русские перемешались? В своих ратников попасть опасались. Наша конница наконец подскакала. Татары наутёк кинулись, в ворота все убралась. А перед русской конницей ворота захлопнули. Мало того, из луков всадников обстреливать стали. Однако печальный опыт впрок пошёл. С того дня и жаровни у пушек круглосуточно горели и дозорные за воротами наблюдали. Татары, воодушевлённые успехом первой вылазки, попробовали напасть ещё раз. Рано утром из ворот снова конница вынеслась. А только уж и бревенчатые щиты гуляй-города русские поставили и к внезапной атаке готовы были. Как только за татарской конницей ворота закрылись, грянул пушечный залп, затем ещё один. Сразу даже дым не развеялся, две сотни затынщиков выступили шеренгами. Один залп, перестроение шеренг, и ещё залп. А слева уже русская конница летит, дабы от ворот городских татар отрезать. Да только из всадников Али-Газы мало кого осталось. Оставшихся добились. Со стен татарские лучники стрелы метать начали, так и им укорот дали. Из пушек ядрами по стенам бить стали. Деревянная щепка летит. Часть ядер через стены перелетела в город. Лучники попрятались, а наши кричат:

– Будете стрелы пускать, мы калёными ядрами палить по городу зачнём!

Калёными, это нагретыми, в городе от таких «гостинцев» пожары вспыхивают.

Притихли татары. В верхах борьба за ханское место идёт, а простому люду плохо. Если воду можно из пруда брать, из колодцев, то запасов продовольствия нет. За осень и зиму всё съели, а новых сделать не смогли,

русские под городом по весне появились. Посовещались мурзы и муфтии, да после двухмесячной осады 9 июля городские ворота открыли, согласились выдать хана и его семью. Хан Ильхам был сослан в Вологду, царица Фатима с дочерьми и сыновьями Мелик-Тагиром и Худай-Кулом в Белозёрскую губернию в город Карголом.

Сторонники Москвы сразу к воеводам побежали. Повторялось то, что Фёдор уже видел в Новгороде. Указывали, где сторонники проногайской партии живут. Начались аресты. Вместе с доносчиками по улицам Казани воины ходили, обыскивали дома, арестовывали и бросали в зиндан задержанных. Тогда Фёдор увидел впервые земляные ямы. Глубокие, в два-три человеческих роста, сверху крепкая деревянная решётка, чтоб воздух поступал. И откидной люк, замыкающийся на замок. Заключённый спускался по лестнице, которую сразу вытаскивали. И солнце арестованных жгло, и дожди поливали. А хуже всего вонь, испражнялись заключённые в этой же яме. Условия более суровые, чем в русских узилищах. Долго арестованных не держали, предъявляли обвинение и казнили на площадях десятками. Воеводы поторапливались. Уже середина лета, войску вернуться надо на зимние стоянки в свои города до дождей, иначе дороги непроходимыми станут из-за грязи.

Первым двинулся к Нижнему Новгороду огромный обоз с артиллерией. Город взят, пушки не нужны, как и огненные припасы. У обоза скорость невелика, от силы двадцать вёрст за день проходят. Конница их на полпути до Москвы догонит. И полк затынщиков из Казани отправили обоз сопровождать. И охрана, и лишние рты город покинут. На русское воинство в своём городе татары косо смотрели. Двигались по левому берегу Волги и сразу первое препятствие.

Марийцы, язычники. Леса в этих краях густые. К Казани огромным войском шли, марийцы нападать не решались, себе дорожке выйдут. А как обоз пошёл, да рать при нём невелика, нападать отважились. Почти все мужчины охотники, луком владеют хорошо. Обоз пушкарский больше чем на версту растянулся. Это в бою тюфяк или пушка грозное оружие. А на подводе, в походе – кусок бронзы. Да и пушкарки приучены к огненному бою, а не сабельному. Первое нападение ночью случилось. Фёдор никогда наставлениями воинской службы не пренебрегал. Караулы выставил по краю большой поляны. Мари подобрались тихо, как охотники к зверью. Однако опытный караульный насторожился, когда мари неосторожно подал сигнал кукушкой. Какая кукушка ночью? Это дневная птица, уж лучше бы филином ухнул. Караульный тревогу поднял. Фёдор сразу свою сотню поднял:

– Шеренгой стройся! Фитили поджечь! По лесу пли!
Залп, серой потянуло. Из леса крики, топот ног, потом стихло.
– Заряжай!

При луне затруднительно, но зарядили. Фёдор выставил усиленный караул, в пределах видимости друг друга. Сам до утра не спал, проверял караулы. Ночью в лес заходить опасались, неизвестно, сколько нападавших было и кто они?

Как рассвело, Фёдор взял с собой десяток стрельцов, вошли в лес. Обнаружили пятна крови, следы волочения. Видимо, нападавшие утащили своих убитых и раненых.

Марийцы, или черемисы, как называли их на Руси, делились на луговых и горных. Летописцы писали: «А по Оке реке, где втечет в Волгу, мурома язык свой и черемисы свой язык». Известны с девятого века, и земли их плодородны. Однако с запада теснимы славянами, а с востока тюрками. И попали между двух жерновов. Татары казанские на Русь идут по землям черемисов и грабят, и убивают. Русские на Булгар или на Казань идут, снова по землям черемисов и опять грабят. Когда Орда в силе была, участвовали в войнах на стороне татар, да в той же Куликовской битве в 1380 году. После распада Орды оказались в подчинении Казанского ханства. Горные марийцы присоединились к Московскому государству в 1551 году, в октябре, а луговые через год, в октябре 1552 года, после падения Казани при походе Ивана Грозного. Охотились, выделывали шкуры, ловили рыбу, торговали на Арском поле, торжище известном.

И прохождение обоза по их землям приняли за новое нашествие. Бывших охотников, умевших по следам читать, в десятке едва не половина. Да собственно, только слепой пятна крови не увидит. Так по ним и вышли к селению черемисов. Завидев чужаков, забежали, засуетились жители. Бабы детей схватили и унесли в лес. Навстречу десятку Фёдора мужчины выступили. В руках луки и дубины.

Фёдор руки вскинул. Воевать он не хотел.

– Кто у вас старший? Говорить хочу!

Пошушукались, русский язык не все понимали. Но всё же вперёд вышел мужчина в годах, с ожерельем из медвежьих клыков на шее.

– Я кугуз, – объявил он.

Кугуз – старейшина племени, но Фёдор понял, что мужчину так звать.

– А я Фёдор Сухарев, сотник стрелецкий. Твои люди на ночёвке на нас напали.

– Вы на наши земли с оружием пришли, с недобрыми намерениями, – насунился кугуз.

– Мы возвращаемся к себе домой и никого обидеть не хотим. Скажи своим людям нас не трогать, и мы никого не обидим. А будешь нападать, у нас людей много и пушки есть. Всех твоих людей живота лишим и избы разрушим.

Да не избы вовсе, землянки, из земли только крыши бревенчатые возвышаются. Зимой, в снежные зимы, так теплее. Кугуз подумал немного. С ответом торопиться нельзя, вокруг его воины, вождь должен быть осмотрительным, решения принимать обдуманно.

– Пф! У тебя людей мало, десять!

Для убедительности кугуз растопырил пальцы на обеих руках.

– Разве твои воины не посчитали наших людей? Их в тридцать раз больше.

Лицо вождя осталось невозмутимым, но пробрало, в глазах тревога появилась. Противостоять такой массе русских его племя не сможет. Фёдор продолжил:

– Дай нам проводника, пусть ведёт коротким путём. А ещё пусть впереди обоза идёт ещё один и предупреждает все племена черемисов. Я слово даю, никого не обидим и вашего не возьмём.

Фёдор помнил разговоры, когда послов-переговорщиков сопровождал. Воевать – последнее дело, когда можно договориться. С обеих сторон нет потерь, а только некоторые неудобства, да и то это дело временное. Сколько дней надо, чтобы земли черемисов пересечь? От силы неделю.

Кугуз тоже понял, лучше уладить миром.

– Хорошо. Один воин с вами пойдёт, другой известит другие племена. Ты хитёр, русский, как лиса!

– Я же тебя не обманул, в чём моя хитрость?

Вернулись к обозу. Там уже и кашу приготовить успели. Стрелецкий голова появлению черемиса удивился:

– В плен взял?

– С ихним вождём, кугузом, договорился. Этот дорогу покажет кратчайшую, другой вождей известит, что с миром пройдем, если нападать не будут.

– Тебе бы в Иноземном приказе служить, – ухмыльнулся голова. – Ан хорошо придумал.

С черемисами, язычниками и вассалами казанскими, переговоров обычно не вели. Пока обоз не тронулся, Фёдор покушать успел. Предложил проводнику трапезу с ним разделить, но тот отказался. Проводник шёл впереди обоза, за ним на коне Фёдор ехал. Голова стрелецкий так решил.

– Сам с ним договаривался, сам и расхлёбывай, если заведут в болото.

Периодически Фёдор видел охотников-черемисов, которые поодаль, стараясь не показываться, обоз и стрельцов сопровождали. На ночёвках усиленные караулы службу несли, и обошлось без происшествий. Заминка вышла только у Оки. На другом берегу уже русская земля, но ещё переправиться надо. Если стрельцы ещё могут переплыть, держась за коней, то с подводами и пушками как? Только это уже забота не Фёдора, над ним стрелецкий голова. А у пушкарей свой воинский начальник.

Командиры после совета решили рубить лес и делать плоты. Дело ратников исполнять. Нарубили деревья с прямыми стволами, очистили от веток. Уже на воде вязали верёвками. Плоты небольшие, в длину три ствола, зато в два наката. Каждый плот по пять подвод с лошадьми выдержит. Мужикам к работе с топором не привыкать, кто в деревне вырос, сызмальства умеют. Плоты на воде покачиваются, а грузиться никто не решается. Плотом управлять умение нужно. Неповоротлив плот и тяжёл, движения рулевыми вёслами на носу и хвосте плота загодя делать надо, с опережением, уж больно инерция велика. Судили-рядили, пришли к мнению – канат через реку натянуть и плотом, как паромом пользоваться. Первым добровольно вызвался Фёдор. За неимением цельного каната связали из верёвок, узлы намертво затянули. Несколько добровольцев на другую сторону реки на брёвнах перебрались. Канат за собой протянули, закрепили вокруг огромного валуна. Два десятка добровольцев из сотни Фёдора на плот взошли с лошадьми. Коней к коновязи привязали. Лошадь – животное пугливое, испугается всплеска, сиганёт в воду, за ней другие. Попробуй потом всех собрать на берегу. Для первого раза затины на берегу оставили. Дружно за канат взялись, плот потянули. Вот где сказалось отсутствие опыта. Не успели на двадцать аршин отойти от берега, плот течением потянуло. Хуже того, лодья показалась, сверху по течению идёт, да под парусом, ходко. На судёнышке плот увидели, стали кричать, рулевой на ушкуе со стремнины к левому берегу уваливать судно стал, а верёвку в последний момент увидели. Не было в этом месте переправы паромной, не готова команда. Гребцы вёсла по команде опустили, пытаясь скорость снизить. А всё же судно носом в канат уткнулось. Рывок – верёвка лопнула, и плот понесло. Вот где перепугались доморощенные плотогоны! Рулевыми вёслами пытаются править, а на повороте реки плот к берегу несёт. Фёдор закричал:

– Отвязывайте лошадей, и вплавь к берегу.

Удар! Плот в берег уткнулся, от сильного толчка и люди попадали, и лошади, хоть и о четырёх ногах. Стрельцы вскочили, каждый свою лошадь под уздцы ухватил и в воду. До берега всего ничего, десяток аршин.

Лошади упираются. Плот хоть и качается, а всё же опора под ногами. Но стоило первой лошади в воду прыгнуть, подняв тучу брызг, как и другие её примеру последовали. Стрельцы кто за гриву держится, кто за луку седла или стремя. Минута, и все на берег выбрались, мокрые, грязные, поскольку дно у берега илистое. Фёдор всех по головам пересчитал. Все целы! На лошадей сели и к месту переправы поскакали, где обоз и стрельцы стоят. Стрелецкий голова, как увидел всех, дух перевёл. Ему только небоевых потерь не хватало. Стали команде лодьи руками махать, шапками. Лодья к берегу подошла. Начальники уговаривать лодейщиков стали, чтобы помогли переправиться. Кормчий руками замахал:

– Да я на одной лодье вас до осени переправлять буду!

Однако к воинству относились благожелательно на Руси. Защитники, без них нельзя. Кормчий почесал затылок:

– Вот что, я в Нижний иду, на ярмарку. Пока купцы торгуют, командам делать нечего. Поговорю, обязательно выручат.

До Нижнего Новгорода судном полдня ходу. Вариантов нет, придётся ждать. Помощь пришла ещё раньше, из Городца, старинного русского города на левом берегу Оки. Две лодьи утром подошли. На каждую входила телега с лошадью и десяток ратников. К вечеру следующего дня от Желтоводской ярмарки ещё с десяток судов подошёл – лодьи, ушкуи. И уже к ночи следующего дня весь обоз и ратники на другой берег переправились без потерь.

Фёдор после происшествия с плотом да переправы на судах для себя сделал вывод – речная служба не для него. Это ещё ни ветра не было, ни дождя, когда видимость скверная и суда столкнуться могут. То ли дело на суше. Идёшь пешком, устал, в любом месте прилёт.

И пушкар с обозом, и стрельцы до Москвы вместе шли. Многие перезнакомились. Хоть не родная изба воинская, а всё равно ощущение, как к себе вернулся, каждый гвоздь знаком. А ещё чувство безопасности. В чужих землях – у татар, черемисов – всё время настороже, пакостей ждёшь. В первый же свободный день Фёдор в город пошёл. Новую рубаху купить, поглазеть на столицу. Ба! В центре города, особенно в Кремле, изменения. Вместо деревянных построек каменные стоят, да красоты необыкновенной! Лепо! Белый камень и резьба искусная. Фёдор ходил, разинув рот от удивления. Ещё бы, царица Софья пригласила итальянских мастеров – архитекторов, чеканщиков, пушкарей-литейщиков, лучших в своём деле. Причём и придворный этикет изменился, как и одежды придворных бояр.

Походил, поглазел, потолкался в Кремле. Народу здесь всегда много. Кто в монастырь помолиться, кто в Приказы, кто челобитную принёс, а кто,

как Фёдор, – поглазеть. Повернулся Фёдор неосторожно да девице на ногу наступил. Взвизгнула девица.

– Медведь косолапый!

– Прощения прошу великодушно!

– Ты мне ногу отдал.

– Отвык от толчеи, первый день, как из похода на Казань вернулся.

Девица с интересом Фёдора оглядела. Сотник, дабы вину загладить, у офени леденец на палочке купил, на меду сваренный. Девица леденец благосклонно приняла. Слово за слово разговорились. Девица смешливой оказалась, да симпатичной, во вкусе Фёдора и одёжа справная.

– Как звать-то тебя, красавица?

От похвалы девица зарделась, видно, нечасто слышала в свой адрес.

– Авдотья.

– А меня Фёдором звать, сотник стрелецкий.

Девица незамужняя, простоволосая, мужние жёны при выходе в люди либо кину, либо плат надевают. И на безымянном пальце обручального колечка нет. В традициях русского народа было не знакомиться в людных местах с первым встречным, а случилось. Обычно невесту или жениха родители присматривали. Во-первых, старались подобрать из своего круга. Купец из купеческого, да капиталы сложить. Крестьянин с крестьянкой, боярин с боярыней, купец уж не ровня. Да хороша ли невеста, да рукоделен ли жених? Венчание да свадебка дело серьёзное, на всю жизнь. Хорошо ещё, если молодые до свадьбы друг друга видели, знали, да так и у царей бывало не всегда, вот как у Ивана и Софьи.

Фёдор девушку до дома проводил, пожалел, что близко живёт, в Зарядье, от Ивановской площади совсем рядом. Испросил разрешения заходить.

– Ой, не знаю, что батенька скажет, позволит ли?

– Я ведь не шаромыжник какой или амбал, я всерьёз.

Не ответила Авдотья, отворив калитку, во двор зашла. Фёдор избу за забором осмотрел, насколько увидеть мог, забор-то выше трёх аршин, только поверх и видно. Память у Фёдора хорошая, дом запомнил и улицу. Да и то сказать, жениться давно пора, избу построить или купить, семьёй обзавестись. Несolidно в его годы бобылём быть.

После знакомства в каждый свободный от службы день Фёдор шёл в Зарядье. Путь не близкий, удобнее бы на лошади, да куда её ставить, коли свидания тайные? А то ли челядь купцу в уши надула, то ли сам выследил, а только в один из дней из калитки вышла не Авдотья, а сам купец. Оглядел Фёдора грозно, молвил:

– Чего, как тать, к девке шастаешь? Зайди, поговорим рядком, коли намерения серьёзные.

В избу зашли. Хоромины большие, после воинской избы с её аскетической обстановкой, уютно и богато. На полах коврики домотканые, везде чисто, а ещё из поварской запахи умопомрачительные домашней еды.

Фёдор никогда в гостях не был, чувствовал себя немного неестественно, неуверенно.

– Сначала откушаем, – сказал купец.

Как по сигналу, из поварни кухарка, а следом служанка, стали готовые кушанья носить. Не дожидаясь, пока накроют на стол, купец из жбана разлил по кружкам пиво.

– Ну, со знакомством! Меня Ефимом Кузьмичом звать.

– Меня Фёдором.

Выпили пива. Купец за жареную курицу взялся, с треском и хрустом отломил ножки, стал есть. Глядя на него, принялся за курятину Фёдор. А тут и пряженцы принесли – с творогом, а пироги с визигой, а потом щи. Наелся Фёдор, аж дышать тяжело. Всё вкусное да разнообразное, не то что в полку. Служанки стол прибрали.

– Теперь потолкуем о делах. Ты, я вижу, человек служивый.

– Так и есть, сотник в стрелецком полку, что в Воробьёвой слободе.

– Давно ли с Авдотьей знаешься?

– Уж месяца три как.

– Нравится девка?

– Не нравилась бы, не ходил.

О родителях Ефим Кузьмич расспрашивал, о жалованье сотника, да есть ли своё жильё.

– Своей избы нет, так куплю, – ответил Фёдор.

– А деньги есть ли?

– Сколько-то есть.

Купец аж подскочил.

– Неуж не знаешь? Я каждую копейку чту. Дочь у меня одна, других детей Господь не дал. И не желаю, чтобы кровиночка моя в нужде жила.

– Да кто же этого желает?

Долго говорили, Фёдор от расспросов устал. Потом купец дочь позвал, да с матерью. При их появлении Фёдор с лавки встал, поклон отбил, что явно мамаше понравилось. Женщины уселись на лавке с другой стороны стола.

– Доча, люб ли тебе Фёдор?

Запунцовела Авдотья, кивнула, едва слышно сказала:

- Люб, батюшка.
 - Пойдёшь за него замуж?
 - Пойду, – едва слышно прошелестела.
- Купец задумался.

– Не обижайся, Фёдор, думал я за сына купеческого её отдать, а ты человек государев. Сделаем так. Купи избу, а я гляну. Коли понравится, шли сватов, свадебку играть будем. А за приданым дело не встанет. А покамест к Авдотье не ходи. Вот тебе мой сказ.

С Авдотьей и не поговорили. Фёдор в полк возвращался. Дотошный у Авдотьи папаша, как в пыточной избе допрашивал. А может, оно и верно? Уже в воинской избе все деньги достал, пересчитал. А сколько приличная изба стоит? Хватит ли денег? К другому сотнику пошёл, Назару. Тот человек семейный, трое деток у него, изба большая.

- Посоветоваться хочу.
- Советы давать легче всего. Слушаю.
- Избу купить хочу, жениться надумал.
- Наконец-то! Давно пора. А в чём вопрос?
- Сколько изба стоит?
- Это смотря какая и где? В центре, в Белом городе, завсегда дороже. А подальше от Кремля, подешевле. Отец избраницы-то кто?
- Купец. Был я у них дома, хорошо живут.
- Удачливому купцу сотник не ровня, я доходы имею в виду. Так и быть, помогу подобрать. Идём завтра на торжище.

Завтра воскресенье, выходной. С утра заутреня, потом завтрак, а уж затем на торг. Фёдор и не подозревал, что в одном из углов торгога собираются продавцы изб или домов каменных. Но на каменный дом Фёдор не рассчитывал. Назар сразу стал расспрашивать – какие избы. Продавцов много, наверное, час, как не больше, на переговоры ушёл. Потом пошли смотреть. Фёдору изба понравилась. Добротная, не старая, жучками не поедена. Но Назар потащил его за руку другую избу смотреть. А эта ещё лучше. Пятистенка, во дворе все постройки добротные. Стали торговаться, Назар цену немного сбил. Ударили по рукам. Фёдор деньги отсчитал, написали купчую. Назар, как видак, подпись поставил. И соседа пригласили, требовалось двое свидетелей сделки.

– Владей! – Бывший хозяин ключи протянул. До этого Фёдор понятия не имел о покупке избы и рад был, что Назар в курсе. Поблагодарил сотника горячо, а тот в ответ.

- На свадьбу пригласишь?
- Для начала прошу сватом стать. У меня ни матери, ни отца нет.

– Обязательно!

Засмеялся и ушёл. Фёдор ещё раз избу обошёл и дворовые постройки. Неужели это всё теперь его владения? Дом на берегу Москвы-реки, от службы далеко, зато на коне можно ездить. Конюшня своя есть. Не откладывая в долгий ящик, направился к Ефиму Кузьмичу.

– Пожалуй, избу посмотреть, Ефим Кузьмич!

– Неуж купил?

Купец велел выезд заложить. К приобретению Фёдора на подводе ехали, всё лучше, чем ноги бить. Купец местоположение оценил, потом всю избу дотошно осмотрел, дворовые постройки.

– Хороша изба, без изъянов. Ну что же, моё условие ты исполнил. Засылай сватов.

Суетные дни пошли. Сватовство, потом свадьбу играли в избе купца. Со стороны Фёдора три сотника и стрелецкий голова. Зато со стороны купца полсотни человек. Родни немного, остальные – сотоварищи Ефима Кузьмича. Подарки дорогие дарили. Во дворе приглашённые музыканты на гусях и дудках наяривали. Гости и тесть выпили изрядно, в пляс во дворе пустились. Молодым по традиции выпивку не наливали и вечером отвели в светёлку дочери. А уже утром гулять продолжили, но в значительно меньшем составе. К вечеру Ефим Кузьмич и Фёдор подарки на телегу погрузили и в новую избу перевезли. Утром, едва Фёдор проснулся, стук в калитку. Снова тесть с подводой, где приданое привёз. Пока разгрузили, да ещё Ефим Кузьмич каждой вещью похвастать хотел.

– Ты полюбуйся, какая камка! Не хуже, чем у царицы самой.

В общем, не евши Фёдор на службу убежал и едва не опоздал к разводу. Стрелецкий голова покосился на Фёдора, но не попрекнул.

На службе всё по накатанной идёт, а в личной жизни всё по-новому, привыкать надо. Авдотья всю рухлядь по сундукам определила. Кухарку не нанимали, Авдотья сама готовила неплохо. Фёдор радовался. Возвращаешься со службы домой, а тебя любимая жена ждёт, да в избе пахнет вкусно.

Только совместное счастье недолго длилось. Царь Иван войско в новый поход собирать стал, на вятичей. Сложные отношения у Москвы с Вятским краем были. Славянские поселения вятчан появились в ходе новгородского освоения северных и восточных земель Руси. И основали Хлынов, столицу Вятского края, новгородские ушкуйники. Через Вятку шли торговые пути из Сухоны и Северной Двины, промысловых районов, через Устюг, на юг, в Поволжье. По новгородскому образцу в Хлынове вече, республика. Первую попытку подчинить себе Вятку сделал Василий

Тёмный, отец Ивана III, в 1458 году, которая оказалась неудачной из-за продажности московских воевод, принявших щедрые дары от вятичей. На следующий, 1459 год из Москвы снова послано войско под командованием Ивана Юрьевича Патрикеева, представителя славного княжеского рода, и воеводы князя Ряполовского. На стороне Москвы выступала и устюжская рать, немало претерпевшая от вятичей. Московское войско захватило вятские города Котельнич и Орлов, осадило Хлынов. До сечи дело не дошло, Хлынов покорился. Когда войско ушло, знать вятская разделилась. Одни за Москву радели, другие за независимость. А удалцы лихие совершали набеги на владения московские. В марте 1466 года вятичи набегом прошли по левому берегу Сухоны, пограбили волость Кокшеньгу, которая являлась частью северных владений Ивана III. При движении к Кокшеньге стороной обошли Устюг, а на обратном пути, отягощённые добычей, вручили дары местному воеводе Василию Сабурову, который удалцов пропустил. Приказ разгневанного царя Ивана – поймать разбойников – исполнен не был. В 1467 году вятчане вместе с пермяками ходили в набег на земли вогуличей (манси) и немало людишек побили, вернувшись с ценной добычей – мехами и рыбьим зубом, как называли моржовые клыки, ценившиеся высоко.

Казанское ханство взяло под своё влияние Нижнюю Каму и Поволжье. Ханы наложили руку и на вятскую торговлю. Москва жаждала присоединить Вятский край, очень удобный плацдарм для наступления на Казань с севера. Уже тогда воеводы московские разрабатывали план удара по Казанскому ханству с севера – с Вятки, и с запада, от Нижнего Новгорода.

Казань тоже хотела подчинить Вятку, и в 1464 году хан Ибрагим повёл войско на Хлынов. Не воевали вятичи, признали над собой хана, обязались платить дань хлебом. Однако же в 1471 году совершили дерзкий набег на Сарай флотилией ушкуев. Казанские татары дважды зимой пытались пройти по льду Моломы, правому притоку Вятки, к Устюгу. Однако зимы тогда случались в этих краях тёплые, лёд конницу не выдержал, и тогда татары прошли с грабежом по землям вятчан. В 1487 году Иван III взял Казань. Дав войску отдохнуть, решил подмять Вятку. Поводом стало нападение в мае 1486 года вятчан на три волости под Устюгом, причём набег в одном году был повторён дважды. Царь Иван распорядился поставить в Устюге войско, отряды из Двины, Важи и Каргополя, под командованием воевод – князя Ивана Владимировича Лыко-Оболенского и боярина Юрия Ивановича Шестока.

Вятчане, прознав о войске в Устюге, притихли, набегов на соседей не

делали. Но царь Иван от принятого решения присоединить к Москве Вятский край не отступился. По весне к Москве стало собираться войско, причём огромное, 60 тысяч ратников со многих областей. В четверг, 11 июля 1489 года, многочисленная рать вышла из Москвы под командованием воевод Даниила Васильевича Щени и Григория Васильевича Морозова. Щеня был отпрыском могущественного и многочисленного рода Патрикеевых, в жилах его текла кровь литовских князей Гедиминовичей и Рюриковичей. Не придворный князь, служивый, достиг чинов и уважения достойной воинской службой, прошедший не одну сечу, ныне он был воеводой Большого полка. В его полку были ратники из Устюга, Каргополя, Вологды, Белоозера, Ваги и Вычегды. А ядро, основу всего войска, составляла московская рать, имевшая пушки. Воевода Морозов командовал Передовым полком. Стар был Морозов, да хитёр изрядно, ныне занимал пост вологодского наместника.

О приближении войска, продвигавшегося медленно, жители и охотники бояр и честной народ в Хлынове известили. Затворились вятичи в городе, ворота заперли, ополчение на стенах выставили. Бояре народ подбадривали:

– Не впервой, отсидимся, как прежде бывало, дарами откупимся.

Со стен городских было видно, как по дороге со стороны Котельнича приближается московская рать, и не видно ей конца. Пешие и конные, а ещё обозы. На подводах пушки медью отливают. Войско город со всех сторон обложило, кроме выхода к реке. Хлынов на холмах стоял, с южной стороны крутой спуск к реке Вятке. Да ещё город овраг прорезал, деля его на две части. С водой в городе проблем с началом осады быть не должно, как и с провизией. Запасы продуктов есть, да и по воде судами пополнять можно. Противники Москвы настроены решительно, народ призывали:

– Отсидимся за стенами, не впервой.

Не впервой – это правда. И московское войско уже к Хлынову подходило, и казанские татары, и устюжане. Когда хитростью и дарами город откупали, когда и воевали.

Следующим днём сторонники Москвы из бояр вышли посольством к воеводам с дарами щедрыми. Тяжкие были переговоры. Даниил Щеня потребовал выдачи крамольников из знатных, да ворота отворить и жителям крест целовать на верность царю Ивану, да наместника принять и впредь под рукой московской быть. Послы выторговали три дня на раздумья. Все дни бояре да знать вятская в жарких спорах провели. Силы сторонников Москвы и её противников равны, а ещё не хотелось терять независимость. Всё же сказывался вольный нрав новгородцев, основавших

Хлынов. Но и знали уже, чем новгородская вольница кончилась, бояр-то переселили во Владимир или уезды, а кого и далее, в места и вовсе глухие.

Вновь посольство к воеводам московским пошло, челом било, отказавшись город сдать и знать выдать.

Даниил приказал готовиться к штурму. Стены городские деревянные, что штурм облегчало. Воевода приказал войску собирать днём хворост в лесах вокруг города, а ночью подбрасывать под стены со всех сторон. А ещё готовить смоляные факелы и стрелы с паклей.

Устрашились вятичи. Как ни отбивайся, а если стены подожгут, от них весь город запылает. Почти все строения в городе деревянные, пожар город уничтожит, как и его жителей. И никакого боя не будет, Москва займёт пепелище. Отворили ворота, впустили рать. Щеня приказал никого из города не выпускать, ратников на берег выставил, чтобы ни один противник Москвы на ушкуе по реке не ушёл. Наказы строгие воевода от царя имел – действовать по новгородскому примеру. Вятчанам деваться некуда. Выбор невелик – сгореть в огне либо знать выдать. Промосковские бояре руки потирали, списки составили. Больше двух недель по городу ратники неугодных Москве бояр и знать собирали, да с семьями. Крики и вой по всему городу, плач великий.

Воевода Иван Волк с войском московским пленных в Москву повёл. Воевода Даниил Щеня с ратями – вологодским, устюжским да каргопольским в Хлынове остался. Бояре да знать пешком шли, но в железо не закованные. А семьи их на подводах ехали, с узлами, с пожитками. Долго до Москвы добирались. Царь Иван повелел злостных крамольников – Ивана Аникеева, Пахомия Лазарева и Палку Богодайщикова прилюдно кнутами бить, а после повесить. Остальных же пожалел, дал поместья в Боровске и Алексине, да Кременце. Но урок помнить и впредь супротив Великого князя московского не злоумышлять. Так 16 августа 1489 года закончилась вятская республика, земли вошли в состав Московской Руси, в Хлынове посажен был наместник московский.

Полк стрелецкий в числе других конвоировал пленных до Москвы, а после сотня Фёдора сопровождала обоз с вятичами до Кременца. Города и уезды царь Иван выдал не самые хорошие, обезлюдившие после татарских набегов, после них тот же Алексин едва половину жителей насчитывал. А кроме того, от Москвы близко, под приглядом, чтобы не сговорились бояре, не утекли.

Глава 6

Служба

Войско торжественно, под звон колоколов, вошло в столицу. Стрелецкий полк сразу к своему расположению направился. И Фёдор со стрельцами. Надо проследить, чтобы пищали в пирамиды определили да порох сдали. А уж потом домой, к супружнице. Тем более стрелецкий голова обрадовал – завтра жалованье выдавать будут. Деньги за службу всегда получать приятно. На уставшем от долгого перехода верном коне к владению своему подъехал уже в сумерках. Соскочив с коня, в калитку постучал. Хлопнула дверь, с крыльца Авдотья осведомилась:

– Кто там?

– Открывай, жена, муж вернулся.

Охнула Авдотья, поспешила ворота открыть. Обнял Фёдор жену, заметил, как округлился живот. Ладонью по нему провёл.

– Тяжёлая я, – зарделась супруга.

О! Наследник будет! Фёдор обрадовался. Авдотья кинулась накрывать на стол, пока Фёдор рассёдлывал коня да заводил в денник. А ещё мерку овса в кормушку засыпал, принёс из колодца воды пару ведер. Конь запросто ведро воды за раз выпивает. А уж потом в избу вбежал, Авдотью обнял, поцеловал.

– Долго тебя не было, пять месяцев!

– Служба такая. Вятку прилучали под руку царя Московского отойти.

– А где это – Вятка?

– Далеко, тебе лучше не знать.

– Кушать садись. Помыться бы тебе, конским потом пахнет.

– Завтра.

Поев, упал в постель, даже любовными ласками не занимался, уснул сразу. Утром проснулся от аппетитных запахов из поварни. Умылся, а Авдотья уже шанежки с творогом напекла, да под молочко.

– Откуда молоко? Коровы-то у нас нет.

– У соседей беру.

Хозяйственная у меня жена, подумал Фёдор. И, оседлав коня, на службу. Сотня уже позавтракала. Короткий смотр провести пришлось. Для начала – коней. Все ли кованы, не отвалились ли подковы, да в порядке ли сёдла и упряжь? Потом пищали проверил, заставил чистить и смазывать.

После похода оружие пыльное.

После полудня полковой казначей жалованье выдавать стал. Деньги всем потребны, в первую очередь семейным. Очередь быстро продвигалась. Получив деньги, Фёдор домой отправился. Не успев с молодой женой пожить, к избе привыкнуть, в длительный поход ушёл. А теперь наслаждался. Холопом был, жил в нужде, хлеба не каждый день досыта ели. А ноне сотник, женат, своя изба. А всё через верную службу.

Дома на стол серебро выложил. Деньги изрядные. Ратникам всегда жалованье серебром выдавалось, не медяками.

– Ой, откуда деньги? – всплеснула руками Авдотья.

– Жалованье за службу.

Авдотья деньги пересчитала, сразу затараторила:

– Люльку купить надо, да детское. А ещё сарафан мне посвободнее, живот-то растёт.

– Завтра с утра и сходим. А сегодня банька.

Банька на заднем дворе. Пока воды натаскал двадцать ведер, да котёл горячей воды согрел, вспотел. А жена в предбанник уже чистое исподнее и одежду несёт. Вместе помылись не спеша. Хорошо-то как! А после баньки прохладный квасок. Фёдор начал ощущать все прелести семейной жизни. А с утра на торг. Выбрали люльку – плетёную из ивы кроватку для младенца, с высокими бортами и полукруглыми опорами, чтобы качаться могла. Фёдор люльку нёс, а Авдотья пелёнки из мягкой байки. Уже дома Фёдор сказал:

– Давай прислугу наймём. Тебе тяжесть носить нельзя, да и родишь, забот много будет, а служанка и на торг за харчами ходит, и щи сварит, тебе легче.

– Сама так мыслила, да тебя спросить стеснялась.

Фёдору, как и другим стрельцам, отдыху дали десять дён. А потом сотню разбили на десятки и каждый отправили по разным городам, куда определили вятских бояр и дворян. У каждого десятника список. Фёдору выпало ехать в Алексин. Думал – обернётся быстро. К исходу третьего дня скачки прибыли в город на Оке. Фёдор сразу к земскому старосте в управу. Только он знает, куда определил вятичей. Для ускорения проверки Фёдор провожатых вытребовал. Себе выбрал дальний уезд, вместе с одним стрельцом утром поскакал. Осень сухая, самое начало. Листья на деревьях ещё не пожелтели, тепло, красотища! Чтобы не сбиться с пути, спрашивали у прохожих. Деревня, где боярину землю на кормление дали, на самом краю уезда. Да не голая земля, с деревнями и холопами. Пока ехали, Фёдор надел оценил. Река есть, леса тоже, поля небольшие из-за холмистой

местности, но земляца неплохая, хорошие урожаи получать можно. Добрались до деревни. Выглядела она не лучшим образом, после того как по этим землям татары Ахмата прошли, пожгли избы, поразорили. Часть холопов, что поразворотливей была, да мужики в семьях были, успели новые избы поставить, желтевшие свежестругаными брёвнами. Коли боярин рачительный, можно деревни поднять, особенно в Юрьев день. По судебнику Ивана возможен переход холопов от одного помещика к другому только в этот день, причём без всякого на то согласия помещика, от которого холоп уходит. К закупам, попавшим в холопы за долги, это не относится.

Дом боярина узнали без расспросов. Срублен недавно, забором обнесён. Спешились у владения, в калитку постучали. Из-за забора мужской голос:

– Пошли прочь!

– Открывай, боярин. Стрельцы московские для надзора по велению царскому.

Тихий разговор за забором.

– Боярин, добром открой, – предупредил Фёдор.

Калитку открыл сам боярин. Ба! Никак бежать собрался? В подводу пара коней запряжена, на подводе узлы высятся, на рухляди двое детей сидят, видно – погодки, лет десяти-одиннадцати. На облучке супружница, на коленях малый сундучок. Ещё бы немного и уехали. Фёдор спросил вежливо:

– И куда же ты, боярин, собрался? Царь наш милостив, крамолу вам простил, всем вятичам наделы дал.

За побег переселенцу наказание грозит серьёзное. Но то не Фёдору решать, на то суд есть. Земский или княжий, не Фёдора дело. Боярин понял, что попал как кур в ощи́п. Царь милостив один раз, но второй – не простит. На глазах боярина трёх его земляков казнили, сначала кнутом бивши, а потом на эшафот возвели и пеньковую верёвку на шею накиннули. И себя жалко, и семью. Без мужа супружнице и детям выжить трудно, если только попрошайничать на паперти.

На колени боярин рухнул, руки к Фёдору протянул:

– Не губи, служивый! Рухлядь заberi, сделай вид, что не видел ничего. А хоть – денег дам. Сейчас вечер. Пока до Алексина доберёшься, нас уже след простынет. Мария, сундук открой, не сиди истуканом.

Боярин вскочил, к супруге кинулся. Фёдор раздумывал, что делать? Отпустить? А ежели задержат на порубежье? Литовские земли уже в ста верстах от Москвы начинаются, на телеге их за четверо суток одолеть

можно, если нигде не задерживаться. Да и подорожная грамота потребна. Как без неё пробраться? Хотя – заставы далеко друг от друга, да на дорогах наезженных, где через реки мосты возведены или броды мелкие есть. С другой стороны посмотреть – зачем государству предатель? Он и в Хлынове против Москвы злоумышлял, и здесь не успокоился. Будет исподтишка пакостить. Без него воздух чище будет. Боярин тем временем сундучок открыл, запустил туда руку, сгрёб монеты, к Фёдору кинулся:

– Вот, возьми. Отпусти только. Скажешься – не застал.

– Если не застал, в погоню пуститься должен.

– Глаза прикрой. У меня одна дорога, а у тебя сто. Как узнаешь, по какой я поехал?

Фёдор колебался. Повернул голову. Стрелец Акинфий в сторону отвернулся, вроде не видит и не слышит ничего.

– Акинфий, поди за лошадьми пригляди.

Стрелец кивнул, вышел со двора. Боярин тут же Фёдору в руку монеты совать начал. Фёдор выпрямил ладонь. Три рубля серебром и с десяток золотых. Да Бог с ним, пусть едет!

– Вот что, боярин. Сроку тебе даю до утра. Потом назад в Алексин поеду. У тебя ещё пол-дня будет. А дальше пеняй на себя. Если по шляху Смоленскому поедешь, в заставу упрёшься. Без подорожной грамоты тебя схватят и в узилище бросят, и дни твои сочтены будут.

– О том ведаю, не попадусь. Спасибо тебе. Даст Бог, свидимся ещё.

Боярин ногой на ступицу тележную, с неё на облучок.

– Но, милые!

Кони тронулись, Фёдор в сторону отошёл.

– Акинфий, заводи коней в конюшню. Сегодня здесь ночуем, дом-то пустой. А завтра в Алексин.

Стрелец коней в опустевшую конюшню завёл, овса засыпал. Фёдор подождал его на крыльце, отдал три рубля серебряных.

– Ты чего-нибудь видел-слышал?

– Ты о чём, сотник?

Стрелец монеты взял, опустил в свою мошну.

– Приехали мы, а боярина нет. В какую сторону уехал? Неведомо! Мы по одной дороге пяток вёрст проскакали, по другой, нет боярина, – сказал Фёдор. А уж после в Алексин.

– Так оно и было, – кивнул стрелец.

Ну да, не дурак. А деньги каждому потребны. Предать своих, изменить, Фёдор никогда бы не смог. А гниль отпустить, так государству лучше.

Выспались на перинах, утром воды попили, коней оседлали, проехали в одну сторону, другую. С селянами встречными поговорили. Не видели ли боярина Фомичёва? А куда девался? Вот и мы не знаем, жаль. И в неспешном темпе в Алексин. Далеко за полдень в город въехали, земскому голове доложили.

– Как так нет? А искали?

– Все дороги объехали, холопов опросили. Сутки, как не более, не видел его никто.

– Убёг, сволочь! Да разве теперь догонишь? У него сутки форы. Теперь его в Вятском краю искать надо, туда подался. Небось родня там. Уйдёт в леса глухие, будет на заимке жить-поживать.

– Так ты запиши Фомичёва в нетутях, чтобы, значит, с нас спроса не было. И так коней едва не загнали, разыскивая.

– Не виню. Сбежал так сбежал. С семьёй, говоришь?

– Именно!

– Поймают, далеко не уйдёт.

Фёдор с десятком вернулся в полк. О пойманном боярине ничего слышно не было. Фёдор встретился с ним значительно позже.

В Москве Фёдор пробыл недолго, недели две. А потом его сотня наряду с другими стала обеспечивать охрану обозов со знатными людьми, переселяемыми в Великий Новгород. При царе Иване переселение когда принудительное, когда переселяли новгородцев во Владимир и Нижний или вятчан в подмосковные земли, а когда и добровольное, как москвичей в Великий Новгород. Занимали они дома выселенных за крамолу новгородцев. Многие и не поехали бы, да засиделись в своих чинах и должностях, а Иван при переезде в Новгород обещал повышение в чине да поместья обширные. Соблазнились дворяне, бояре и служивые люди в основном из боярских детей. И холопы с ними отправились, и слуги, да только кто спрашивал их желание?

Обозы шли из Москвы до Великого Новгорода почти сплошным потоком. К каждому обозу охрана, поскольку на дорогах беспокойно. Сказать по совести, лёгкая зависть у Фёдора была. Видел, в какие хоромы заселялись служилые люди. В Москве земляца дорогая, наделы под владения маленькие. А Великий Новгород по площади не меньше Москвы, хотя народу меньше. А ещё жители от иноземных купцов зачастую манеры одеваться перенимали и вольный дух ещё не весь войско московское вышибло. В Москве государю или боярам поясной или земной поклон отбивали, а в Новгороде этого в привычке не было, кивали или руку к сердцу прикладывали.

Так зима в походах между Москвой и Новгородом пролетела. Вернулся из похода, а супружница уже родила. Мальчик, продолжатель фамилии. В своей избе Фёдор и повивальную бабку застал, и служанку, и тестя с тещей. Купец от счастья, что дедом стал, прослезился. А потом с укорами к зятю:

– Просил бы ты у начальства службы поспокойнее. Супружница почти всё время одна.

– Служба такая. Состарюсь, тогда и посадят на место спокойное, – оправдывался Фёдор.

Через сорок дней малыша крестили, Петром нарекли по святцам. По этому поводу посиделки знатные устроили.

А через два месяца снова в поход, уже к землям литовским. Сложные отношения у Москвы с соседями. То с ливонцами воюют, то с Литвой, то со шведами, а уж с магометанами – Ордой да с Казанским ханством почти каждый год.

Ещё в 1481 году в Киеве был раскрыт заговор князей – Ивана Юрьевича Гольшанского, Михаила Олельковича и Фёдора Ивановича Бельского с целью убийства Великого князя Литовского Казимира. Князя желали отойти от Литвы со своими владениями и отойти под руку Москвы. Гольшанского и Олельковича казнили, а князя Бельского предупредили верные люди из окружения Казимира. Успел в последний момент вместе с семьёй бежать в Москву, где Иваном обласкан был. Князю выделили надел на землях московских, но граничащих с Литвой. В 1482 году в Москву бежал князь Иван Глинский. В том же году посол литовский Богдан Сокович потребовал от московского князя признать права Литвы на Ржев и Великие Луки с их волостями. Иван отказался, сам послал посольство крымскому хану Менгли-Гирею. Союзник Москвы пошёл на Литву с набегом. Сжёг Киев (входивший в состав Литвы), прошёлся по южным землям литовским. Литва все силы бросила, чтобы крымских татар выдворить.

Весной 1489 года уже дошло до вооружённых пограничных столкновений между Литвой и Москвой. В Литовском княжестве русские проживали, вера православная, устройство войска одинаковое с московским. Да Великий князь Литовский Казимир ещё и король польский, где католическая вера. Потому многие князья литовские, испытывая давление, хотели под руку Москвы отойти. Иван не прочь земли литовские в состав своего государства включить. Литва – сосед грозный, а граница её земель в сотне вёрст от Москвы, войску три дневных конных перехода. Конечно, Ивану, как правителю мудрому и дальновидному, хотелось эти границы отодвинуть. В декабре 1489 года на сторону Москвы перешли пограничные

литовские князья – Одоевские и Воротынские, а с ними их уделы.

А вскоре и события повернулись в сторону Ивана. Седьмого июня 1492 года умер Казимир. Королём польским стал старший сын Казимира – Ян Ольбрехт. На литовском престоле утвердился второй сын Казимира – Александр. Как всегда, смена власти привела к смене верхушки придворных дворян, неразбериха пошла, ослабление власти. Этим обстоятельством Иван обрадовался как подарку судьбы. В августе уже на Литву были посланы войска. Во главе их вое-вода, князь Фёдор Телепня-Оболенский. Были взяты литовские города Мценск, Любуцк, Мосальск, Серпейск, Хлепень, Рогачёв, Одоев, Козельск, Перемышль и Серенск. Сразу же на сторону Москвы перешёл целый ряд князей литовских со своими ратями.

Полк, в котором служил Фёдор, тоже попал на войну. Царь Иван придавал большое значение «огненному бою». В обозе к Литве тянулись пушки и полк затинщиков, кавалерия сама собой. Три дня спешного перехода, и вот уже бывшая литовская граница. Конечно, никаких пограничных знаков не было. Стояла на берегу реки сожжённая литовская застава.

Рать русская на несколько частей разбилась, каждая со своим воеводой. Фёдор поперва под Мосальск попал, что в степи стоит. Ни реки, ни леса, укрыться негде. Гарнизоны литовские в этих городах маленькие, да и сами города невелики. Не мудрствуя, рать московская сожгла опустевшие посады, пригрозив спалить и деревянные стены крепости. Жители и гарнизон сдались без боя.

Разоружив и пленив ратников, рать направилась к Козельску. Город старый, ещё во времена Батыя в 1238 году противостоял Орде в течение семи недель. Батый потерял при штурмах больше четырёх тысяч воинов, число немыслимое. Татары взяли город, когда пали последние защитники. Батый распорядился убить всех – женщин, детей, стариков, а город сжечь дотла. Татары впоследствии название Козельск не упоминали, говорили «злой город». В дальнейшем на пепелище отстроили город, который вошёл в Карачаровское княжество, а в союзниках имел Рязань. В 1402 году захвачен был Москвой, потом обменен на Ржев. А с 1445 года входил в состав литовских земель.

Фёдор как сотник прикидывал, как штурмовать город. Стены городские высокие, да ещё город на берегу реки, с одной стороны не подступишься. А город сопротивляться не стал, открыл ворота. Город входил в верховские княжества, название от верховьев, истоков Оки. Князья верховские потомки Рюриковичей от черниговской ветви.

Воротынские, Одоевские, Белёвские, Мосальские, Мезецкие, Оболенские. И за каждым княжеским родом удел, города. Рюриковичи всегда к Москве тяготели, да выйти из Литвы, пока сильная была, не просто. А тут удобный случай. После Козельска сдались Серпейск и Окопов, Мезецк. И как карточный домик посыпались литовские города – Вязьма, Мценск, Любуцк, Хлепень, Рогачёв, Одоев, Перемышль.

Да ещё Александр, новый правитель Литвы, допустил непоправимую ошибку. Под давлением старшего брата Яна основал в Полоцке бернардинский костёл, отдав под него земли православной церкви Святого Петра. А поселение православное, чужую веру – католическую – принимать не хочет. На сторону Москвы сразу переходить с уделами стали князья. Князь Семён Бельский передал Ивану город Белый, князь Семён Можайский – Чернигов, Стародуб, Гомель и Любеч. Князь Михаил Шемячич – Рыльск и Новгород Северский. Город Трубчевск оказался отрезан от Литвы, и его владелец князь Трубецкой без боя попросился под руку Ивана.

Царь московский воевать не любил, но если положение складывалось для него удачным образом, то не медлил. После присоединения многих литовских городов и земель на восточных рубежах Литвы образовалась ничем не прикрытая дыра в обороне в несколько сот вёрст. Литовцам закрыть её было нечем. Князья из этих земель ушли вместе со своими дружинами. И Иван ввёл через брешь свои полки. Дружины и ополчение имели лёгкую конницу по образцу татарской, перемещались быстро. Войско Ивана взяло Брянск, затем Путивль. Литва попробовала отбить Брянск, но не смогла. Всадники князя Юрия Захарьина-Кошкина захватили Дорогобуж, ещё одна русская рать – Торопец, огнём и мечом прошла по витебской земле.

Александр, Великий князь литовский, спохватился, послал к царю Ивану посольство договариваться о мире. Даже с предложением породниться, он желал взять в жёны Елену, дочь Ивана.

Царь Иван предложение о женитьбе пока отклонил, а переговоры о мире затянулись. Александр начал переговоры с Менгли-Гиреем, пытаясь заключить с ним союз, тогда бы войско, которое вынужден был держать на южных границах Литвы, освободилось. Хан крымский от союза с Литвой отказался, оставаясь верным союзу с Москвой, но царю Ивану о посольстве литовском сообщил. Понял Иван, что слаба Литва, войск не хватает, дальше давить надо. Переговоры обе стороны затягивали. Иван хотел отбить побольше городов, чтобы поторговаться, Александр тянул время, чтобы захваченные земли отбить.

Фёдор с полком тогда в Вязьме были. Городу этому Иван придавал большое значение. От Москвы недалеко, стоит на важной дороге в Смоленск, которым московский царь тоже хотел овладеть, отодвинув западные границы от Москвы подальше.

Вязьму заняли недавно, кое-где видны следы недавних боёв. Население к московской рати относилось благожелательно. И вдруг тревога, к городу литовцы подходят. Около тысячи всадников появилось, а только как город взять? Стены хоть и деревянные, но крепкие, не порушены, и ворота целы. На смотровых площадках стен густо русские ратники стоят. Подскакали литовцы, начали из луков стрелять. Сотня Фёдора залп из пищалей дала. В подвижную цель попасть трудно, но когда цели близко друг от друга, да их много, добрая половина свинцовых пуль во всадников или лошадей попала. Не ожидали такой «встречи» литовцы. Сразу прочь унеслись, побросав раненых и убитых. Хоть и литовцы, а всё же славяне, язык и вера одна. Воевода велел ворота открыть, да раненых подобрать, в город занести, помощь оказать. Не одну ходку ратники сделали. Теперь на поле вокруг стены только мёртвые, добыча воронов и диких зверей. Но литовцы не отступились. На следующий день ещё раз на приступ пошли. На этот раз катили таран на колёсах. Здоровенное дубовое бревно, с одного торца железом оковано, подвешено на цепях. А над тараном дощатая крыша, как защита от стрел или кипящей смолы со стен. Лучники московских ратников стрелами засыпать стали, головы над стеной поднять не дают. Десятка два дюжих мужиков за таран взялись, раскачивать бревно стали под «раз-два, ухнули!», и тараном в ворота. Крепки ворота, из дуба и медными полосами окованы. Удары такие, что стены сотрясаются. У московской рати пушки есть, но перед воротами «мёртвая» зона. Участок слева от ворот защищала сотня Фёдора. Сотник принял решение.

– Второй полусотне залп по лучникам, первой полусотне сразу после второй по крыше тарана стрелять.

Фёдор исходил из того, что доски тонкие, в пару пальцев толщиной. Стрела такие доски не пробьёт, застрянет, а пулей можно попробовать.

– Готовы? Пли!

Затинщики головы на секунду приподняли над стенами, дали залп. Стена дымом окуталась. Тут же вторая полусотня высунулась почти по пояс. Пищали-то к подножию стены поворачивать надо да после выстрела удержать, отдача сильная, приклады «дерутся».

– Пли!

Залп! Кто попал в крышу, кто промазал, однако от тарана крики

раздались, зацепили пули литовцев. Ага, есть на атакующих управа!

– Заряжай!

Фёдор выждал несколько минут. Затинную пищаль быстро не зарядишь, даже опытному стрелцу время требуется.

– Вторая полусотня! Пли!

И сразу.

– Первая полусотня, по крыше – пли!

Наверное, получилось удачнее. Снова крики, один из литовцев из-под навеса выпал. Остальные кинулись убегать. Стрельнуть бы в них, да пищали разряжены. Так и утекли. Зато внутри города перед воротами наши всадники собрались, сотни две. После выстрелов ворота открыли, откатали таран да кинулись в атаку на литовцев. Те атаки не ожидали, начали принимать боевой порядок. Построиться успели, но для отражения конной лавы ещё и коней разогнать надо, да не успели. Врезались в литовцев московские бояре и дети боярские, да холопы боевые. Сеча пошла жестокая. А потом побежали литовцы. Сначала один всадник вырвался из схватки и коня вскачь пустил, за ним другой. Да и ушло немного, десятка два-три, остальных вырубил. У москвичей большой опыт с татарами рубиться, хоть с ордынскими, хоть с казанскими, а литовцы с магометанами не схватывались. Бились с крымчаками, но не эти, а киевляне да запорожцы, коих здесь не было.

Два дня литовцы не показывались, защитники в напряжении были, выставляли усиленные караулы. На третий день показалась конная сотня, а за ней обоз. Очень шустро с подвод три пушки сняли, установили на станки. А только у московской рати свои пушкарки есть и пушки заряжены, к бою готовы. Пока литовцы готовились, москвичи уже залп успели сделать. Первый блин по поговорке комом вышел. Несколько ядер с перелётом упали, другие недолетели. Попадания в землю со стен хорошо видны. И обстрел русскими пушкарями заставил литовцев нервничать. Московские пушкарки работали рьяно, успели пушки ещё раз зарядить. Литовцы залп сделали. Два ядра с недолётом упали, одно в деревянную стену угодило, пробив бревно. Стены городские из двух рядов брёвен, между ними земля засыпана. Так что вреда ядра не нанесли. А второго шанса москвичи литовцам не дали, накрыли залпом литовцев.

Несколько человек из прислуги убило, а одно ядро угодило в деревянный станок пушки, разрушив его. Ратники, наблюдавшие за пушечной перестрелкой с городских стен, завопили от радости. Пушки ратники не любили и побаивались за скрытую мощь, старались держаться от них подальше. Грохот выстрела, огонь, дым, воняющий серой, прямо

преисподняя.

Отстояли Вязьму. В город прибыли ещё ополченцы из Ярославля, усилив гарнизон.

Сотню Фёдора послали в разведку.

– Езжай в сторону Литвы, посмотри, где литовцы стоят, а ещё лучше – сочти, сколько ратников.

Посмотреть можно, счесть труднее. Но, получив приказ от стрелецкого головы, надо исполнять. Сотня коней оседлала, выехала. Вёрст десять одолели, когда головной дозор сигнал тревоги дал. Ехали по грунтовке. Слева лес, справа луг.

– Всем быстро в лес, приготовить пищали!

Спешились, завели коней в лес, при конях двух стрельцов оставили. Сами к опушке. Каждый местечко удобное присмотрел. Пищаль тяжёлая, в руках долго при прицеливании не удержишь. Стрельцы поставили оружие на ветки, так выстрел точнее будет.

Через короткое время показался литовский дозор, десять всадников.

– Приготовились! – тихо сказал Фёдор.

Литовцы не спеша доехали до места, где сотня в лес свернула. На большой дороге остались следы от множества копыт. Первый из всадников с коня соскочил, стал следы разглядывать. Сейчас «следопыт» тревогу поднимет. Фёдор махнул рукой, грянул залп. Опушку дымом затянуло. Мда, встреча неожиданная, Фёдор не успел обговорить, что хотя бы одного живых оставить надо было. А сейчас вся сотня залп сделала, и у литовцев шанса выжить не было. Фёдор подошёл к телам. Все пулями изрешечены, никто не дышит.

– Зарядить пищали!

Залп сотни пищалей могли слышать окрест. И дозор мог идти впереди большой рати и столкнуться с ней с разряженным оружием чревато потерями. Несколько минут, стрельцы пищали зарядили. К Фёдору дозорный подскакал, который сигнал тревоги подавал. Он тоже в лесу прятался, и дозорный десяток литовцев мимо себя пропустил.

– Сотник, пыль на дороге, пока далеко.

Пыль – это плохо. Пыль взбивает множество копыт. И самое разумное – повернуть назад, в бой не вступать.

– Вот что, скачи вперёд, прикинь, сколько войска идёт.

Ещё не факт, что литовцы, вполне могут быть русские из другой рати. Чётких границ нет, а с набегами ходили как наши, так и литовцы. Оружие, шлемы, щиты, всё схожее. Разница только в одежде, да прапор другой. Дозорный ускакал. Фёдор приказал выводить коней из леса. Если литовцы

и много, надо к своим галопом возвращаться. Ежели врагов мало, стоит бой дать. Дозорного долго ждать пришлось, около часа. Показался на дороге, стрелой летит, к шее скакуна припал, рукой машет! Доскакав, спрыгнул с коня:

– Полторы сотни идут. Если и ошибаюсь, немного.

Фёдор решил дать бой. Сидеть в крепости и стрелять из-за укрытия скучно. Он воин, а не плотник или хлебопашец. Его дело ратное. Поскольку чужая рать сюда сама шла, решил стоять на месте. А чтобы не отвернули, увидев русских, обманку придумал. Половину сотни в лес завёл.

– Стоять здесь наготове. Как рукой махну, выбегаете, строитесь шеренгой и залп даёте.

Если сразу дать залп из всех пищалей, литовцы обязательно воспользуются, в атаку пойдут, а встретить огнём не получится, времени на перезарядку много уходит.

Коней снова в лес завели. У литовцев лучников хватает, ранят или убьют коня, а это средство передвижения, и заменить его другим не всегда возможно. У селянина отобрать можно, только конь будет тягловым, привыкшим ходить с телегой или плугом. И никогда он быстро не побежит, как лошадь верховая. И стоит скаковой конь дорого, до двух рублей, когда годовое жалованье рядового ратника первого разряда пять рублей в год.

Чужая конница показалась. Увидели горстку стрельцов, сабли выхватили, с посвистом удалым на полусотню Фёдора помчались. Сто шагов осталось, когда Фёдор скомандовал:

– Пли!

Залп. И кони, и люди литовские падать стали, на них налетали задние, тоже падали, а Фёдор рукой машет, сигнал подаёт. Отстрелявшаяся полусотня в лес побежала заряжаться, её место другая полусотня заняла. Литовцы себя в порядок привели. А тут ещё один залп! И снова смена полусотен. Ещё залп! Не выдержали литовцы убийственного огня с близкой дистанции, развернули коней, кто уцелел, и уходить стали. На месте побоища трупы, и людские, и конские. Кони, что без всадников остались, за ратью литовской поскакали.

– По-быстрому собрать трофеи! – распорядился Фёдор.

Оружие собирали, срезали или срывали с поясов кошель. Трофей в бою добыт, не мародёрство. Монеты литовские чудные, на рубли не похожи, с профилем Казимира, уже умершего. Да всё равно, чей профиль на монете, купцы русские любые монеты принимают по весу, хоть золотые, хоть серебряные.

К вечеру сотня в Вязьму вернулась, нагруженная трофейным оружием,

шлемами и кольчугами. Хорошее оружие или броню казна выкупала, а что похуже, брали кузнецы-оружейники. Подремонтируют или вовсе перекуют и продадут. А ратнику, что трофеей на меч взял, приварок к жалованью.

Столкновения продолжались ещё всю осень и зиму. И лишь пятого февраля 1494 года был заключён мир. По нему большая часть земель, завоёванных войском Ивана или присоединённых путём перехода князей на службу Московскому государству, входили отныне в состав земель московских. Вязьма стала частью русского государства, но литовцам вернули Любуцк, Мезецк, Мценск. Также Иван дал согласие на брак дочери Елены с Великим князем литовским Александром. Выставив заставы на новом порубежье, русские рати ушли. Но на вновь обрётённых землях остались дружины князей, перешедших на службу к Ивану.

Полк Фёдора на постоянное место квартирования вернулся. Для женатых стрельцов радость, с семьями повидаться, домашней еды откусать, в баньке помыться, душой отмякнуть. А ещё и жалованье домой принести. Исправно царь Иван войску платил. Да и было из чего. Государство его многими землями приросло, увеличилось кратно. Налоги в столицу стекались. А без рати, чтобы царь сделал, когда окружение спит и видит земли русские растащить. Не Орда, так Литва или Ливония зубы точат, а то и шведы.

По Ореховецкому договору 1323 года новгородцы уступили шведам часть территорий. Теперь, по мнению Ивана III, настал черёд вернуть эти земли. В 1492 году на реке Нарове, напротив литовской Нарвы, была построена крепость Иван-город. Восьмого ноября 1493 года царь Иван через послов заключил союзнический договор с датским королём Иоганном, соперником давним и врагом правителя Швеции Стеном Стуре. В 1495 году русское войско осадило шведский Выборг. Город, как и стены, был каменный, в городе сильный гарнизон. Опыта штурма каменных крепостей у русских не было. Понеся потери, русское войско вернулось в Новгород. Зимой и весной 1496 года русские совершили ряд рейдов по территории шведской Финляндии. Воеводой был князь Василий Патрикеев по прозвищу Косой. В ответ шведы в августе 1496 года спустились по Нарове на семидесяти судах, высадились у крепости, в то время ещё недостроенной, начали штурм. Князь Юрий Бабич, наместник Иван-города, трусливо сбежал. Защитники ожесточённо оборонялись, но шведы 26 августа в крепость ворвались. Недалеко от крепости в это время были с войском воеводы Иван Брюхо и Иван Гундор, но на помощь не пришли, трусили. Шведы, ворвавшись в крепость, устроили резню, убив три тысячи человек, не пощадив женщин и детей, небольшую часть ратников

взяли в плен.

Имущество крепости разграбили, подожгли строения и отбыли. Царь снова послал к Иван-городу войска и строителей, и крепость в короткое время восстановили, причём учли ошибки, которые позволили шведам ворваться в укрепление. В марте 1497 года со шведами было заключено перемирие сроком на 6 лет. Но Иван ждал подходящего случая, кроме того, войска были задействованы в мятежной Казани и Литве. Сражаться на три фронта, если считать Швецию, просто не было сил.

В среде казанской знати, недовольных политикой хана Мухаммеда-Амина, сформировался заговор, во главе которого стояли мурзы (князья) Кель-Ахмед, Урак, Садырем и Агиш. Они пригласили на ханство сибирского царевича из ногайцев Мамука, который летом 1495 года прибыл с войском в Казань. Мухаммед-Амин с семьёй бежал на Русь. Однако Мамук стал конфликтовать с пригласившими его мурзами и знатью. Когда Мамук пошёл в набег, произошёл переворот. На престол казанский был приглашён проживавший в Московском государстве Абдул-Латиф, брат Мухаммеда-Амина. Мурза Урак попытался в 1499 году посадить на ханство Агалака, брата смещённого Мамука. Абдул-Латиф запросил помощи у царя Ивана, и государь послал войско. Абдул-Латиф удержался у власти при помощи русских.

Практически в тот год от наместника московского в Вязьме поступило донесение о притеснении православных в Смоленске. Дочь Елена тоже письмом пожаловалась отцу, что её склоняют принять католичество. Царь Иван послал к своим западным границам московскую рать. Литва за время перемирия собрала силы, их возглавил гетман, князь Константин Острогожский. Иван, памятуя о крымском союзнике, сразу направил Менгли-Гирею просьбу выступить походом на Литву.

Театр военных действий был велик, около девятисот километров по фронту, от Валдайской возвышенности и до земель Большой Орды. И располагались на нём многие города, из которых главными были Смоленск и Дорогобуж. Русская рать состояла из четырёх частей. Одна стояла в Твери в резерве, готовая выступить в любой момент. На восточном направлении действовал Александр Владимирович Ростовский, на среднем – Юрий Захарович Кошкин. Его целью был Дорогобуж. Южнее действовал Яков Захарович Кошкин, быстро овладевший Брянском и Северской землёй. В Брянске пленили литовского наместника Станислава Борташевича и вместе с брянским епископом отослали в Москву. Князь Василий Шемячич и Семён Стародубский сразу перешли со своими дружинами под московскую руку. Гомель и Рыльск последовали их

примеру. Вместе с русскими ратниками позже сражались против литовцев под Мстиславлем. В мае 1500 года Юрию Кошкину удалось овладеть Дорогобужем. Но войско его было невелико, да и потери понесло. Кошкин разбил лагерь на Митковом поле, поджидая подхода войска тверского Даниила Щени.

Великий князь Александр отрядил на борьбу с москвитями князя Острожского Константина Ивановича. Князь, прибыв в Смоленск, получил известие, что за рекой Ведрошей на Митковом поле стоит малая русская рать. Острожский со смоленской ратью и воеводой Станиславом Петровичем Шишкой поспешил к Ведроши, надеясь разгромить войско Кошкина. И надежды эти имели под собой основу: шедшая с Острожским рать имела численность в сорок тысяч человек, да при пушках и пищалях, тогда как Кошкин имел в пять раз меньше. Уже у Дорогобужа дозоры Острожского поймали русского ратника. Тот сказал, что ожидается подход русских войск. Острожский не поверил, и пленного повесили. Но когда он через день подошёл к селу Лопатино, что южнее Миткова поля, увидел большую русскую рать. Это успел подойти Даниил Васильевич Щеня. К большому полку примкнули перебежавшие князя литовские Семён Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич. Передовым полком командовали князя Михаил Фёдорович Телятевский-Микулинский, Пётр Васильевич Телепень-Оболенский и Владимир Борисович Туренин-Оболенский. Полк Правой руки возглавлял Иосиф Андреевич Дорогобужский, Фёдор Васильевич Телепень-Оболенский, Иван Михайлович Перемышлевский и касимовские татары. Полклевой руки – князя Владимир Микулинский, Дмитрий Васильевич Киндырев и Пётр Иванович Житов. Сторожевым полком заправляли Юрий Захарьевич Кошкин и Иван Васильевич Щадра-Вельяминов.

В итоге у москвитян тоже вышло сорок тысяч ратников. Силы противостоящих сторон случились равны. Теперь всё решали стойкость войск и полководческое умение воевод. Основные силы московские стояли от деревни Еловки до Хатуни. Правый фланг московской рати прикрывал Днепр, а левый – густой лес. Щеня отправил на западный берег реки Ведроши Передовой полк, на восточном оставался Большой полк. Сторожевой полк и татарскую конницу Даниил Щеня определил в засаду. Именно засада с Кошкиным во главе в дальнейшем переменила исход битвы.

Битва началась 14 июля, когда Острожский атаковал Передовой полк. Малочисленная русская рать не выдержала, стала отступать, переходить по мостам через Ведрошу и за реку Тросну (ныне Рясна) к Миткову полю.

Часть войск Острожского перебралась на правый берег реки и была атакована Большим полком. Завязался долгий и тяжёлый кровопролитный бой.

Фёдор со стрелецким полком стоял на левом фланге Большого полка, артиллерия была собрана на правом. Когда литовцы прорвались на восточный берег Ведроши, стрелецкий голова отдал команду:

– Первая сотня, целься, пли!

Фёдор командовал первой сотней. Прицелились в конную лаву, дали залп, тут же отошли назад, уступив место второй сотне, и так по очереди. Когда выстрелила четвёртая сотня, первая уже перезарядила пищали. А стрелять невозможно. Большой полк, его конница, ринулся в атаку. Всадники смешались, стрелять нельзя, вероятность попасть в своих велика.

Пушки с правого фланга тоже прекратили огонь. Литвины начали теснить, и Щеня ввёл в бой полк Кошкина из засады. В первую очередь русские ратники стали подрубать деревянные опоры мостов, чтобы лишить возможности литовцев отступить. Татары, бывшие в засаде, ударили войску Острожского в тыл, получалось – окружены ратники Александра. Бой шёл долго, уже солнце давно перевалило за полдень. Потери с обеих сторон ужасающие. Гонец привёз распоряжение от воеводы Щени для стрелецкого головы – оставить пищали, седлать коней и идти в бой. Фёдор понял – положение серьёзное сложилось. Для многих стрельцов конно идти в атаку и поработать сабелькой – дело привычное. Кони в лесу спрятаны, под седлом. Сотня за сотней выезжали – и в бой. Фёдор во главе своей сотни. Врубились в литовцев с фланга. Ратники с обеих сторон притомились уже, бой шестой час шёл. И свежая подмога очень кстати. Фёдор с ходу срубил молодого литовца, схватился биться с ратником. Вроде лицо знакомое, но опознать наносник шлема мешает. Обменялись ударами, стрелец из сотни Фёдора сотнику решил помочь, извернулся, саблей по левому бедру литовца полоснул. Вскричал ратник, вот тут припомнил его по голосу Фёдор.

– Вятский боярин Фомичёв? – вскричал он.

– Так это ты, пёс московский? То-то я вижу, харя мне твоя знакома!

Вскипел Фёдор. Он боярина пожалел, больше из-за детей. А он с саблей да ещё псом обозвал. Боярин, хоть и ранен в ногу, стал остервенело саблей рубить. У Фёдора щита нет, пищальникам он не положен. Пришлось все удары на саблю принимать. Боялся только – как бы не сломался клинок, тогда верная смерть.

Недалеко щелчок тетивы, боярину стрела в шею угодила. Кровь ртом хлынула, зашатался в седле, да и упал. Видно, так зол на царя Ивана был,

что в ополчение литовское пошёл, а нашёл смерть свою. Фёдор обернулся. У опушки несколько лучников русских стоят и почти непрерывно стрелы пускают. Фёдор с лошади соскочил, забрал у убитого боярина щит, с ним надёжнее. Стрельца литовец теснит, роста огромного. Фёдор на выручку кинулся, напал с левого бока, ударил саблей по шлему, аж искры высек. Удар литовца оглушил только. Замер на миг, а стрелец ему саблей в глаз ткнул.

Мёртвых тел было столько, что бой уже стал невозможен. Часть ратников Кошкина смогла ранить и захватить в плен князя Острожского, а с ним десяток бояр. Литовцы, лишившись руководства, побежали. А мосты разрушены, сзади русские ратники. Кто посообразительнее, скинули шлемы и кольчуги, побросали оружие и, держась за коней, переправились на другой берег Ведроши. Русские преследовали литовцев до реки Палмы. Потери литовского войска были ужасающими, убитыми и утонувшими до тридцати тысяч. Удалось уйти от погони смоленскому воеводе Кишке и несколькими сотням воинов. Вместе с князем Острожским были пленены и доставлены в Москву новогрудский наместник Иван Хребтович, князя Друцкий и Мосальский, также захвачены пушки и обоз. Смоленская рать была наиболее многочисленной и боеспособной и в один день практически прекратила существовать. К слову, потери московитов были немного меньше, их число доходило до двадцати тысяч, но из всех стычек с Литвой самые кровопролитные.

Гетман Острожский сидел в темнице и был помилован и освобождён уже сыном Ивана III, Василием III. Александр, Великий князь литовский, убоился захвата и развала своего государства, объединился с Польшей в 1502 году, подписал союзный договор с Ливонским орденом. А 25 марта 1503 года был подписан с Москвой мирный договор на шесть лет. Русские приобрели 19 низовских городов, из них важнейший Брянск.

Через три недели после боя на Ведроше Яков Захарьевич Кошкин взял Путивль, самый южный в этой войне.

Ситуация с Литвой осложнялась тем, что 17 июня 1501 года в Торуне умер старший брат Александра, Ян Ольбрехт, король польский. Сеймом был избран новый король – Александр, произошло это 12 декабря 1501 года. И теперь Александр мог задействовать против Московского государства не только литовское войско, но и польское.

Но мирный договор был подписан 6 марта, а через месяц, 7 апреля 1503 года умерла великая княгиня и царица Софья. К ней в народе, среди священнослужителей и придворных отношение было разным. Одни ненавидели, другие боготворили.

Но царь Иван Софью любил, она часто подсказывала ему правильные ходы в политике.

Похоронили Софью со всеми подобающими царице почестями в саркофаге, в усыпальнице Вознесенского собора в Кремле, рядом с Марией Борисовной, первой женой Ивана III.

В браке с Софьей родились двенадцать детей. Анна и Елена умерли в младенчестве. Дочь Елена стала супругой Великого князя литовского, а затем и короля польского Александра. Иван Молодой был соправителем отца с 1477 года. И Иван III предполагал завещать ему государство. Иван Молодой женился на Елене Волошанке, дочери господаря Молдавии Стефана Великого. В браке родился сын Дмитрий. В 1490 году Иван Молодой заболел «камчучаю в ногах», как тогда называли подагру. Софья выписала из Венеции лекаря Леона, который пообещал Ивана Ивановича вылечить. Но 7 марта 1490 года княжич скончался. После тризны врача казнили. Подагра не та болезнь, от которой умирают.

Князь Курбский заподозрил, что Ивана Молодого отравили, причём его жена Елена, окружившая себя разного рода колдунами. Иван III наложил на Елену Волошанку и сына её Дмитрия опалу. Сын Василий Иванович был жалован великим княжением, наследовал государство. Елену Волошанку и её сына Дмитрия заключили в узилище, где она умерла 18 января 1505 года. Сын пережил мать на четыре года и в 1509 году скончался в «нужде великой от глада».

Сын Ивана, Юрий, стал князем Дмитровским, Дмитрий Жилка – князем Угличским, дочь Евдокия – супругой татарского царевича Худай-Кула. Феодосия вышла замуж за воеводу, князя Василия Даниловича Холмского. Симеон Иванович стал князем Калужским, а Андрей – князем Старицким.

После смерти жены Иван, жену любивший и уважавший, как-то разом сник, постарел, а вскоре ослеп на один глаз.

Но жизнь продолжалась. Ещё в 1500 году великому магистру Ливонского ордена Вальтеру фон Плеттенбергу было направлено литовское посольство с предложением о союзе против Москвы. Поскольку магистр прекрасно знал об увеличении земель и воинства московского, он долго раздумывал. И согласие своё дал в 1501 году, когда уже было известно поражение литовцев под Ведрошей. Успехи московитов сильно обеспокоили ливонцев, и договор с Литвой был подписан 21 июня 1501 года в Вендене. Немного ранее, в мае 1501 года в Дерпте были арестованы под надуманными предлогами более двухсот русских купцов, а имущество их разграблено. Направленных в Ливонию псковских послов задержали.

Это уже прямой вызов Пскову и Москве. Царь Иван направил в Псков отряд из Великого Новгорода под командованием князя Василия Васильевича Шуйского, а из Твери рать под руководством Даниила Александровича Пенько. В начале августа обе рати встретились в Пскове, соединились с отрядом псковского воеводы, князя Ивана Ивановича Горбатого. Соединённое войско вышло из Пскова и 22 августа подошло к ливонской границе. Навстречу им двигались ливонские рыцари, которые 26 августа перешли русскую границу.

Войско ливонцев вёл сам великий магистр, двигались в сторону города Остров, где уговаривались с Александром соединить силы и ударить по Пскову. Ливонская рать имела 6 тысяч ратников, столько же соединённые русские силы. Столкнулись внезапно, на встречном марше 27 августа. Но у ливонцев было значительное превосходство в пушках и пищалях. Битва произошла на реке Серице в 10 верстах от Изборска. Передовой полк, состоявший из псковичей, под командованием псковского посадника Ивана Теншина, атаковал авангард ливонцев и опрокинул их, погнал рыцарей. Преследуя, горя азартом, псковичи натолкнулись на основные силы ливонцев. Пока псковичи бились с авангардом Ордена, ливонцы установили и зарядили пушки и, когда показались псковичи, дали залп. Воевода Иван Теншин был убит в числе первых. Псковичи понесли серьёзные потери, а хуже того, было потеряно управление войском. Передовой полк стал отходить. Ливонцы перенесли огонь на подходившие основные силы русской рати. Потери, сумятица, русские стали отходить, бросив обоз, отступили к Пскову. Ливонцы не преследовали русскую рать, а пошли к Изборску, осадили крепость. Гарнизон нападение отбил. Ливонцы не стали задерживаться, двинулись к Пскову. Через броды реки Великой им перейти не удалось, псковичи заранее поставили крепкие заслоны при пушках, и ливонцы направились к небольшому городку Остров, который осадили 7 сентября. На деревянный городок обрушили огонь пушек, причём стреляли калёными ядрами, вызвав многочисленные пожары. В ночь на 8 сентября начали штурм. Противостоять шеститысячному войску хорошо вооружённых, обученных, опытных рыцарей малочисленные защитники не смогли. Ливонцы ворвались в горящий город и вырубili всех жителей и защитников, всего четыре тысячи. Практически не захватив трофеев, ливонцы вернулись на свою территорию. Рыцари бы и дальше продолжили свой поход, но в войске вспыхнула эпидемия, и сам великий магистр заболел. Кроме того, хоть и была договорённость, литовцы свою рать не прислали. Александру, новому королю Польши, было не до войны, он занимался престолонаследием.

Когда ливонцы ушли, литовцы прислали небольшой отряд, который безуспешно осадил Опочку, взять её не смогли и ушли.

Обеспокоенный Иван, царь московский, послал на псковские земли московскую рать под командованием воевод – князей Даниила Щени и Александра Оболенского. С ними шёл союзный отряд казанских татар. Соединившись с псковичами, рать в конце октября пересекла границу и вторглась в Ливонию. Восточные земли Ордена, особенно Дерптское епископство, подверглось опустошению. Только убитых и пленных насчитывалось 40 тысяч. С ратью шёл полк, в котором служил Фёдор. Московская рать, в отличие от татар и ливонцев, тяготела к зимним кампаниям. Зимой по льду передвигаться легче и быстрее, к холоду и снегу русские привычны, одежда соответствующая. А главное – меньше трудностей со снабжением. Царь Иван урок с походом на Смоленск запомнил, когда неудача была следствием недостаточного снабжения, из-за чего войска начали голодать, был падёж лошадей. За любым московским войском следовал обоз. К примеру, на 40 тысяч рати требовалось ежедневно 10–12 тонн крупы, 16 тонн мяса, 800 кг соли. Лошади – строевые, запасные, выючные, тягловые потребляли ежедневно 600 тонн твёрдого фуража – овёс, ячмень, и 950 тонн сена. На ратника ежедневно выделялось 300 г сухарей, 400 г мяса, 20 г соли и 2 литра пива. Учитывая, что рать проходила в сутки 25–30 км, дальние походы требовали время, расходов больших и огромных, растянувшихся на несколько вёрст обозов.

Ливонцев Фёдор, как и все ратники, ненавидел люто. Литовцы тоже враги, но у них и вера православная, и язык русский. А Ливонский орден – по большей части немцы, хотя есть и датчане. Вера римская, жестокости чрезвычайно, спесивы. Но враги сильные, опытные, обучены, с ног до головы в латы закованы, а ещё огненным боем горазды. И пушки есть, и кнехты из немцев, ливов и эстов аркебузами вооружены. Эсты и ливы из коренных народностей, служить немцам шли охотно за жалованье и трофеи и дрались стойко. Так что поход не представлялся лёгкой прогулкой, как по некоторым уездам Литвы, когда иной раз города без боя ворота открывали.

Первое столкновение с небольшим отрядом немцев случилось в Дерптском епископстве. Так у ливонцев именовались уезды. Ливонский орден – организация военная, но религиозного толка, якобы несущая свет истинной веры язычникам, коими рыцари считали всех, кто не исповедовал католицизм. Правда, и у рыцарей появилась «ересь», как они сами называли лютеранство, ведь почти все ливонцы католики.

Защита русских уступала орденской. Щиты деревянные, обитые кожей и окантованы железом, шлемы и кольчуги. Лишь у части ратников наножи

и наручи. А у союзных татар защита вообще смешная – тегиляй, поверх которых нашиты железные пластины. Одно слово – лёгкая конница. Но она сыграла значительную роль.

Глава 7

Ливонцы

Немцы вывернули из леса по лесной дороге, а русская рать уже выехала на поле. Ливонцы стали строиться в боевые порядки, растекаясь вширь, любимой «свиньёй». Русские пошли в атаку, перестраиваясь на ходу. С одной стороны, правильно – не дали ливонцам выстроить порядки, с другой стороны, ошибка, ударили не всей массой. Рубка пошла. Мечи немцев прорубали русские щиты, сразу заминка получилась, выручили татары. В отличие от русских, у них всегда к седлу приторочены волосянные арканы. Перерезать или перерубить конский волос, из которого плелись арканы, непросто. Или опыт столкновения с рыцарями татары имели, или действовали по наитию, а только стали набрасывать на рыцарей арканы, стаскивать с сёдел. Один конец аркана к седлу татарской лошади привязан. Бросали татары ловко. Бросок, и аркан на шее рыцаря, прикрытой бронёй, сразу лошадь вскачь пускали. Инерция лошади и всадника такие, что тяжеловооружённого рыцаря вышибало из седла и он грохался, гремя железом, наземь. Многие ливонцы после такого удара некоторое время лежали недвижно, дух перехватывался. А татарин лихо спрыгивал с седла и саблей или боевым ножом резал шею рыцарю. Шлем надевался сверху, щель между латами на груди и шлемом прикрывалась плетёной кольчужкой. В эту щель кололи клинком. И никакая защита не спасала. Русские и татары не сговаривались, а получилось ловко. Но в дело вступили кнехты, вооружённые аркебузами. Выстроились в ряд, дали залп. В промежутки между стрелками шагнула ещё одна шеренга, и снова залп.

– Руби! – закричал кто-то из сотников.

Одна часть русской рати поскакала к стрелкам. После двух залпов кнехты лихорадочно перезаряжали оружие и встретить русскую конницу пулями не могли. Обозлённые москвитяне остервенело рубили кнехтов. Десяток минут, и от кнехтов осталась горстка. Под удары сабель они подставляли своё оружие, держа аркебузы двумя руками. Но их участь уже была предreshена.

Другая часть москвитян добивала рыцарей. Иной раз татары накидывали по два-три аркана на шею одного рыцаря, пускали лошадей вскачь, и рыцарю буквально отрывало голову. Татары вошли в раж. Когда наши ратники пытались добить упавшего с коня рыцаря, магометане

кричали:

– Ванька! Уйди!

Даже потеху устроили. Упавшего рыцаря таскали по полю. Тот подскакивал на неровностях и кочках, гремел боевым железом. Ремешки, крепящие латы, не выдерживали, рвались. Часть лат отскакивала, обнажая руку или ногу. Татары радовались, кричали от удовольствия. Фёдору это напомнило праздник «козлодрания», только в более жёстком варианте.

В общем, отряд полностью уничтожили – как рыцарей, так и кнехтов. А потом едва не передрались за добычу в обозе рыцарском. Там и провизия была, и сосуды из серебра, и иконы в дорогих окладах.

– Русские, забирайте парсуны, – кричали татары, – а нам оставьте сосуды и миски.

Кое-как поделили. В момент захвата обоза ратники были просто неуправляемы. Фёдор смотрел со стороны, и оторопь брала. Напади в этот момент ливонцы, и побоища не избежать.

Формально власть над ливонскими землями имели германский император и папа римский. Фактически земли воинства делились на епископства. Духовную власть осуществляли епископы, а военную и светскую – комтуры. Ниже их были фогты, над ними обербург. В каждом бургe или земле был конвент из 12–20 рыцарей. Ливонский орден – филиал Тевтонского, объединял пять земель – Рижское, Курляндское, Дерптское епископства и Эзель-Викское, а также непосредственно земли Ливонии.

Формальным поводом для начала войны со стороны ливонцев стало закрытие в Великом Новгороде ганзейской торговой конторы. И получалось – Орден защищал торговые интересы немцев, а не религиозные.

После одержанной победы, пусть и небольшой, рать отдыхала. С рыцарей сняли всю броню, собрали оружие, уложили на телеги обоза. Трофеи – это деньги. Тем более многие телеги освобождены были, войско съело большую часть припасов. Особенно ратникам понравились ветчина и копчёная рыба. Обоз отправили на псковские земли, а сами с утра принялись громить сёла и городки. Население пыталось убежать в леса, сопротивляться. Отлавливали, вязали и гнали в плен. Кто противостоял с оружием в руках – убивали. О том, как немцы расправились с псковским городом Остров, уже все знали и жалости не испытывали.

Русские ратники действовали несколькими отрядами. Под замком Гельмед ливонцы вечером атаковали москвитян. В самом начале боя погиб воевода Александр Оболенский, попав под огонь из аркебуз. Татарская конница лихим налётом разгромила противника, а потом москвитяне общими силами гнали врага более десяти вёрст, и только ночь спасла

ливонцев от полного уничтожения.

Наступившей зимой московская рать под руководством воеводы Даниила Щени направилась на Ревель (ныне Таллин). Немецкие земли опустошили. Кого убили, а многих угнали в плен. Сёла и хутора жгли, над всем епископством стояли пожары и стлался дым.

Рыцари опасались, что московские рати двинутся на Венден, Феллин и Ригу, и весной 1502 года собрали силы и двумя отрядами пошли на Иван-город и псковскую крепость Красный городок. Уже 9 марта бои завязались на ближнем подступе у Иван-города, на заставе. Новгородский наместник Иван-города Иван Колычев послал гонца к воеводе Даниилу Щени, прося о подмоге. Даниил смог выслать только небольшой отряд, поскольку считал, что главный удар ливонцев придётся на Псков.

Помощь Иван-городу подоспела вовремя, сеча была жестокая, во время боя новгородский наместник Иван Колычев погиб, но крепость удалось отстоять. Второй отряд ливонцев, после безуспешных штурмов Красного городка, отправился к Изборску. Но и его не взяли, и 6 сентября с пушками подступили к Пскову. Рыцари начали обстрел города, псковичи совершили вылазку, побили кнехтов. На третий день магистр снял осаду. Щеня с москвитянами и новгородцами под командованием Василия Шуйского, а также псковичей нагнали ливонцев у озера Смолино 13 сентября. Это был тяжёлый бой. Ратники Передового полка догнали рыцарские обозы и начали грабить. Воеводы полка Андрей Кропоткин и Юрий Орлов-Плещеев грабёж остановить не сумели, боевой порядок нарушился. Этим не преминули воспользоваться рыцари. Внезапным ударом тяжёлой конницы они разбили Передовой полк. Потери русских были велики. Остальные полки Щени были на марше. Положение рати невыгодное, но Щеня решил атаковать, иначе немцы беспрепятственно уйдут и сохранят силы. Русским ратникам противостояла артиллерия ливонцев и полторы тысячи кнехтов с аркебузами.

Русская конница пошла в атаку. Четыре сотни кнехтов погибли сразу. В сече погибли начальник кнехтов ливонцев Матиас Пернауэр и его брат Генрих, отвечавший за пушки, было захвачено знамя кнехтов вместе со знаменосцем Шварцем. Потом столкнулись конницы противостоящих сторон. Рыцари пытались прикрыть отход сильно потрепанной пехоты. Большие потери понесли всадники с обеих сторон. Бой закончился вечером. Даниил Щеня с войском решил возвращаться в Новгород, ослабевшее войско ливонцев разбило лагерь у озера Смолино. Орденовому войску был нанесён такой урон, что магистр прекратил набеги на псковские земли. И только через год, оправившись, снова пошли на Псков. Но

лазутчики своевременно известили Великого князя, и Иван послал к Пскову давнишнего противника немцев, Даниила Щеню. Ливонцев встретили на их земле, не дав перейти границу. Наученный горьким опытом, московский воевода выставил впереди конницы пушки. Как только рыцарская конница подошла ближе, пушкари дали залп, причём стреляли и ядрами, и так называемой железной сечкой, когда толстую стальную проволоку рубили на куски. Обычно по пехоте стреляли из тюфяков свинцовым или каменным дробом, но они серьёзного ущерба рыцарям в пластинчатых доспехах не нанесли бы. А залп железной сечкой принёс успех. Кони рыцарские тоже бронёй прикрыты, получили ранения или были убиты, как и рыцари. Сразу завал обобразовался, рыцарский строй нарушился. Вперёд вышли стрельцы, дали залп из пищалей, отбежали к пушкам, потому что вперёд ринулась русская конница. Началась битва, как всегда при стычке с Ливонским орденом – тяжёлая, кровопролитная. Русская рать превосходила числом, начала ливонцев теснить. Ливонцы превосходство имели в пушках и аркебузах, но использовать его не могли, в свалке боя можно угодить и в своих. К тому же русские хорошо подготовились к встрече с ливонцами, у многих ратников, кроме сабель, ещё имелись боевые шестопёры, оружие тяжёлое, дробящего действия. Проломить им латы невозможно, но вмятины такие, что ломают рёбра, руки, а если удар по шлему пришёлся, то в лучшем случае тяжёлое ранение, а в худшем – смерть. Шестопёры в таком массовом количестве русские применили впервые и не зря. С ливонской стороны сразу появилось много раненых. Рыцари стали медленно отходить. Русские не отрывались, висели на хвосте, дрались с арьергардом, не давая возможности ливонцам применить огнестрельное оружие. А уж как захватили пушки с пороховым припасом и часть обоза, рыцарей преследовать бросили.

Русская рать направилась к Пскову. Щеня полагал, что войско вернут в Москву, но ошибся.

Союзник Литвы, хан Большой Орды Ахмед-хан, летом 1502 года вёл тяжёлые бои с Крымской Ордой и на помощь Литве подойти не мог. Хан потерпел сокрушительное поражение, бросив войско, бежал в Литву, где вскоре был арестован бывшим союзником и заключён в темницу. Большая Орда развалилась.

Царь Иван, желая воспользоваться моментом, выжидал удобный случай, и он настал. Орда зализывает потери, ливонцы притихли после боёв.

Уже в Пскове Щеня получил от царя указание – часть войска

отправить под Смоленск, ещё часть в Великий Новгород и третью часть в Москву.

Смоленск – очень важный в стратегическом плане город. По Днепру открывался важный путь к Киеву и далее к Чёрному морю. На запад от Смоленска – путь к землям Литвы. Потому 2 июня 1502 года из Москвы вышла двадцатитысячная рать с пушками, воеводой в которой был Дмитрий Иванович Жилка, сын Ивана III. Войско дошло до Смоленска, обороной которого руководил Станислав Кишка. Город стоял на холмах, с одной стороны река, имел хорошие каменные стены. Русские начали обстрел стен из пушек. Но артиллерия была слаба, ядра оставляли только небольшие выщербины на камнях и откалывали щепы от бревен. Опыта осады хорошо укреплённых городов не было. Для разрушения стен требовались мощные пушки крупного калибра, которых Московская Русь вообще не имела. А пуще всего слаженным действиям мешала плохая дисциплина. То ли «дети боярские» и боевые холопы недооценивали Дмитрия Ивановича как воеводу, то ли жажда наживы взяла верх. А только многие ратники отъезжали из войска и промышляли над волостью без ведома воеводы. В иные дни полки едва насчитывали половину состава.

Полк, в котором служил Фёдор, угодил волею государя под Смоленск. Стрелецкий голова и сотники были немало удивлены разбродом в войске. Уже в сентябре объявили штурм. Подготовка была скверной. Пушки сделали несколько залпов, даже не разрушили ворота, это слабое место любой крепости. Потом без всякой подготовки войско двинулось к городским стенам. Фёдор оторопел. А где лестницы, по которым взбираться на стены, где тараны, коими надлежало разбить ворота? Он хоть и сотник, но понимал – такой штурм обречён и чреват жертвами.

Так и получилось. Гарнизон крепости сопротивлялся ожесточённо. Палили из немногочисленных пушек, осыпали стрелами лучники. Затинщики Фёдора сделали залп по видимым над стенами защитникам, потом ещё один. Неизвестно, какой урон нанесли, но защитников разозлили. На пищальников обрушился град стрел. Фёдор сам был легко ранен стрелой в левое предплечье. В общем, штурм не удался. А через несколько дней лазутчики из числа русских литовцев сообщили Дмитрию Ивановичу, что к Смоленску идёт литовская рать из наёмников, которую возглавляет Станислав Яновский. Король польский и Великий князь Литовский Александр тоже осознавал важность Смоленска как западного форпоста Литвы. Жилка не стал дожидаться подхода литовского войска. Если одновременно ударят объединившиеся рати Яновского и смоленского Кишки, русским придётся туго.

Москвитяне вернулись в столицу, Жилка пожаловался отцу о поведении ратников. Царь пришёл в ярость, распорядился учинить следствие. Многие по окончании дознания были отправлены в тюрьму, а другие в назидание были прилюдно казнены. Позже и Фёдор, и воеводы поймут, что Жилка полководческими талантами не обладает, только знания эти дорогой ценой обойдутся.

А Смоленск перейдёт под руку Москвы только в 1511 году, уже при сыне Ивана, Василии III.

Король Александр был обеспокоен войной с Московской Русью, изматывающей Литву. Прислал посольство. После долгих переговоров было заключено Благовещенское перемирие на 6 лет. Обе стороны осознавали, что это лишь передышка. Литва уступила ряд уже захваченных Москвой городов. Но и Ивану пришлось пойти на уступки. Например, земли князей Глинских остались в составе Литвы, а князьям пришлось с людьми и имуществом переселяться на земли Руси, благо землицы хватало.

Полк Фёдора вернулся в Москву, на долгожданный отдых. Фёдор ласкал и тискал подросшего сына. За походами мальчонка подрос, требовал отцовского внимания. В один из дней Фёдору по службе пришлось побывать в Кремле. Определённо похорошел Кремль, появились новые каменные строения. Ходил, разинув рот, удивляясь красоте и благолепию Грановитой палаты, соборов. У Теремного дворца увидел, как в повозку подсаживают немощного старца в дорогах одеждах. Спросил у стоявшего в карауле стрельца:

– Скажи-ка, братец, что за боярин? Что-то не признаю.

– Так это же Великий князь Иван Васильевич!

Фёдор был поражён. Многожды он видел царя в походах и помнил его крепким телом и духом. После похорон любимой жены Софьи здоровье Великого князя подкосилось. Поведение стало непредсказуемым, часто гневался по малозначительным поводам. Ослеп на один глаз, перестал владеть одной рукой, на глазах дряхлел. Забросив дела, отправился посещать монастыри. Государством стал управлять наследник, сын Василий. Сначала по важным делам советовался с отцом, а потом и сам принимал решения. Великий князь Иван после смерти Софьи назначил сына своим соправителем. Иван Васильевич умер 27 октября 1505 года, прожив 65 лет и 9 месяцев, пробыв на великом княжестве 47 лет и 7 месяцев. Упокоен был со всеми полагающимися почестями в Архангельском соборе Кремля, великокняжеской усыпальнице. Власть принял 26-летний сын. Иван Васильевич оставил сыну значительно большее и окрепшее государство, чем принял из рук отца. Территории и

население выросли в несколько раз, был издан Судебник, перестали платить дань ненавистной Орде. Иван был косвенным виновником гибели хана Ахмата и великой замятицы в Большой Орде, которая быстро развалилась. Московское государство стали бояться и уважать воинственные соседи. При нём только Великий Московский князь мог выпускать деньги. До подчинения Москве и Тверь, и Великий Новгород, и Вятка, и Рязань чеканили свои.

Фёдор, как и многие в полку, узнав о смерти Великого князя, был сильно опечален, даже слезу пустил. Многие, он в их числе, отправились в Кремль проститься с Иваном Васильевичем. А не пробился к гробу. Вся Ивановская площадь народом забита, к гробу, что в соборе стоял, и близко не подойти, не протолкаться. Всё бояре, да дворня, да придворные люди. Простолюдины навзрыд плакали, бабы волосы рвали. Долго правил Иван, привыкли. А каково будет жить при его сыне Василии, ещё непонятно. Известное дело, когда меняется государь, значительно обновляется двор. К власти приходят другие царедворцы, а с ними новые порядки. Поэтому смены власти опасались не столько простолюдины, сколько бояре, дворяне, служилый люд.

Василий, сын Ивана, молод, опыта государственного управления мало. Хоть и сделал его покойный ныне Иван соправителем, а всё же решающее слово в важных делах всегда за Великим князем было.

На границах государства, доставшегося Василию III, было неспокойно. Особенно беспокоила Казань. Хан её, Мухамед-Эмин, стремился к полной независимости от Москвы. Многие царевичи и знатные татарские люди переходили на службу московским великим князьям.

После распада Большой Орды крымская знать стала считать себя единственной правопреемницей Орды, жаждала владычества, подчинения Московской Руси. Казанское же ханство тесно было связано с Крымским и Ногайской Ордой этнически – языком, привычками, традициями, одной верой, а также родственными связями. Например, супруга Мухамед-Эмина, Каракуш, была дочерью ногайского хана Ямчургея, яро ненавидевшая Русь и всё время настраивавшая хана к войне. Крымчаки, недавние союзники Ивана, ставшие вассалами Османской империи, стали нападать и грабить не только Литву, но и Русь.

Война началась ещё при жизни Ивана III с захвата московского посольства во главе с послом Михаилом Еропкиным-Кляпиком. Казань готовилась к большой ярмарке, к этому дню в город прибыло множество русских купцов свой товар продать, купить татарский.

Татары напали внезапно. Захватив посла, напали на купцов.

Множество их было убито, другие были пленены и позже проданы в рабство, а имущество их было разграблено.

После резни русских татары, объединившись с ногайцами, двинулись к Нижнему Новгороду. Войско было большим, татар сорок тысяч и двадцать тысяч ногайцев. Войско подошло к Нижнему в сентябре 1505 года, пожгло и разграбило посады. Во главе ногайцев был сын Ямгурчи, брат Каракуш.

Нижний к тому времени был достаточно укреплен, но гарнизон в нём малочислен. Воевода Иван Васильевич Хабар-Симский не имел возможности оборонить город малыми силами, обратился к пленным литовцам, захваченным в битве под Ведрошей. Литовцы, фактически русские по языку, православные, опасность нападения осознали. Если город падёт, их татары угонят в рабство и продадут на невольничьих рынках Кафы. Согласились стоять за Нижний, биться не за страх, а за совесть. Рисковал воевода, а выбора не было. Литовцам раздали оружие из арсеналов. Положение спасли крепостные пушки. Когда татары пошли на приступ, литовский пушкарь метким выстрелом снёс ядром голову ногайскому мурзе. Потеряв многих нукеров, татары и ногайцы отступили, между ними возникла ссора, закончившаяся боем. Ногайцы ушли, за ними последовали казанцы. Уходу способствовало и то, что дозоры татарские обнаружили на дальних подступах большое русское войско, идущее к Нижнему. Ратью командовал Василий Холмский. Рать дошла только до Муром. В войске шли союзные татары с мурзами Сатылганом и Джанаем. Они учинили беспорядки, отказались идти воевать соплеменников и единоверцев.

Оставляя прощённым вероломный захват посольства и убийство русских купцов Василий III не собирался. Весной 1506 года государь начал подготовку к походу на Казань. Воеводой был назначен младший брат Василия, Дмитрий Жилка, князь угличский. В войске Дмитрия не уважали. Спесив, высокомерен, самолюбив, полководческим талантом не обладает, осаду Смоленска с треском провалил. А ещё пожаловался отцу, и многие ратники пострадали. Кто за вину, а кто и безвинно. Не хотели ратники, чтобы воеводой был Жилка, но в любой армии полководца не выбирают, его назначает правитель государства. Войско обученное, опытное, при пушках. Пешцев посадили на суда, они сплавлялись по Оке, а затем по Волге. Дмитрий Иванович плыл на судне. Конная рать шла по берегу под командованием князя Александра Владимировича Ростовского. Суда подошли к Казани 22 мая. Жилка приказал спешно высаживаться и с ходу атаковать город. Не все успели высадиться, особенно с судов в конце

каравана. Не провели разведку, не возвели простейших укрытий, не поставили рогатки против конницы, не выстроились в боевой порядок. Князь сам гнал пешцев, размахивал саблей:

– Вперёд, быстрее!

Чем руководствовался Дмитрий Иванович? Единственное, что пришло в голову Фёдору, – внезапность. Но можно было причалить корабли не на виду у города, а немного выше по течению, войску подойти скрытно. У Фёдора заняло в животе, как воину опытному, ему было ясно, что штурм обречён. Многие из ратников, прошедшие не одну сечу, тоже осознали пагубность приказа воеводы.

Татары, с изумлением узрев пешую рать, которая с кораблей атакует хорошо укреплённый город, быстро собрали конницу и выступили навстречу. На русских судах были пушки, которые не успели снять на берег, и артиллерия не смогла поддержать пешцев. Часть татар, хорошо зная местность, обошла русских, напала с тыла, отрезав путь к кораблям. Не рубка была, а избиение, уничтожение войска. Личная охрана Жилки смогла прорубиться к кораблю. А ратники русские погибали. Кто в бою, противостоял коннице, а кто утонул в Поганом озере, пытаясь спастись, переплыть. Бросали оружие, снимали шлемы и кольчуги, мгновенно становясь лёгкой мишенью для татарских лучников, многие попали в плен. Фёдор чудом остался цел. Его сотня успела сделать залп, а пока перезаряжала пищали, напали всадники. Фёдор успел подставить под удар сабли пищаль, но всё равно получил ослабленный удар по голове. Клинок разрубил шапку, содрал клоч волос и кожи, контузил. Фёдор упал без чувств, и это его спасло. Кровь из раны залила правую половину головы, и татары сочли его убитым, не тронули. Очнулся он от ночной прохлады. Татары затворились в городе, только по верху городской стены расхаживали караульные с факелами в руках. С трудом поднявшись, Фёдор пошёл к реке. Суда благоразумно отогнали от берега, они стояли на якорях. Фёдор был слаб, и плыть до кораблей не решился, улёгся на берегу. К утру напротив судов скопился с десятков таких бедолаг. Одна из лодей подошла, сбросили сходни, забрали ратников.

Жилка послал с гонцом донесение государю о неудаче, дескать, войско мало. Великий князь приказал отправиться к Казани рати под командованием прославленного воеводы Василия Даниловича Холмского, а брату Жилке строго наказал к Казани не подступать, ратников беречь. Но 22 июня к Казани подошла конная часть войска Дмитрия Ивановича, что шла берегом, во главе с князем Ростовским.

Дмитрий Жилка, убоявшись, что вся слава покорителя Казани

достанется не ему, снова приказывает остаткам судовой рати идти на штурм, послушавшись прямого запрета государя. Штурм, как и в первый раз, закончился полным разгромом пещцев. За две атаки, бездарные, неподготовленные, на укрепленный город, было потеряно почти двадцать тысяч ратников, практически все пещцы.

Фёдор в атаку не пошёл, сказавшись раненым. Впрочем, он не трусил, чувствовал себя в самом деле неважно – болела голова, подташнивало, походка неустойчивая. При попытке пройти по палубе его качало, как в шторм, хотя вода в Волге была спокойная. Да, собственно, всё судно представляло собой лазарет. В поход на войну всегда шли лечцы, имея в запасе иглы и нитки для шитья ран, перевязочный материал – нарезанные ленты льняной белёной ткани, сушёный мох для присыпки ран и щипцы, доставать пули, наконечники стрел. Голова у Фёдора была перевязана, пропиталась повязка кровью, и его никто к атаке не принуждал. Он бы и через силу пошёл со своими ратниками, но видел всю бессмысленность и пагубность атаки. С борта судна было видно, как татары сначала осыпали наступающих стрелами, а потом уничтожением русских ратников занялась конница. Видеть со стороны, как добивают войско, было мучительно и противно. Раненые ратники на судне, кто имел силы встать и видеть бой со стороны, крестились о спасении воинства. Не помогло, вернулись немногие.

Князь Дмитрий Иванович на судах с жалкими остатками рати отплыл к Нижнему Новгороду. Конная рать Ростовского, Фёдора Ивановича Киселёва и царевича Джаная направилась к Мурому. Казанские татары пустили следом свою кавалерию, но войско русское отбилась.

По возвращении Василий III брата за поражение и огромные потери не наказал, однако впредь Жилку воеводой никогда не назначали. Оставить безнаказанными казанцев Василий III не мог, это значило бы «потерять лицо». Стали собирать новое войско для похода. Татары о подготовке огромного войска почти со всех земель русских узнали от соплеменников, служивших московскому государю, испугались. Весной 1507 года прислали в Москву посольство во главе с Абдуллой с предложением мира.

Мухамед-Эмин обещал отпустить всех пленных, включая посла Еропкина. Переговоры шли долго, с 17 марта 1507 года до середины декабря, попеременно то в Москве, то в Казани. От Москвы переговорщиками выступали посольский дьяк Алексей Лукин, боярин и окольничий Иван Григорьевич Поплёвин, дьяк Елизар Суков. Со стороны Казани князь и посол Барат-Сеид, бакши Бузек и чиновник ханского совета Абдулла. Разногласий было много, в основном из-за пленных, многих из

которых успели продать в Крыму, и условий договора. Договор всё же был подписан в Москве 8 сентября 1507 года и 23 декабря в Казани. Русских пленных, которые ещё не были проданы в рабство, вернули.

Мухамед-Эмин с подписанием договора в глазах казанцев приобрёл авторитет как победитель московского князя. Но хан стал наглеть, делать набеги на приграничные русские земли. Безднаказанность и мнимое величие всегда развращают, приводят к необдуманным поступкам.

По возвращении в Москву Фёдору дали отдых от службы. А честно говоря, и служить было негде. От полка живыми, пусть и с ранениями, вернулись три десятка стрельцов. Погибли все сотники и стрелецкий голова. Полк надо было пополнять, обучать, вооружать. Ведь все пищали остались там, на поле боя под Казанью, достались татарам в виде трофеев. Фёдор отлёживался дома, радовался сыну, жене. За несколько лет он получил многодневную передышку. Здоровье постепенно стало налаживаться. Голова не болела и не кружилась, кожа на голове затянулась, но волосы на повреждённом месте не росли. Фёдор сначала поглядывал в зеркало, потом махнул рукой. Боевые отметины украшают мужчину, тем более в шапке или шлеме дефект не виден. Несколько раз заходил в полк. Пополнялся он медленно. Потери во многих великокняжеских полках были велики, и пополнения не хватало. Беспокоило Фёдора – кого пришлют стрелецким головой? Про себя он не думал. Почти всегда командирами назначали из дворянских семей, а он, хоть и сотник, простолюдин, даже не из боярских детей.

В полк начали прибывать новики, большей частью деревенские парни. Поскольку Фёдор оказался в полку старшим по чину, ему пришлось заниматься всем, чем должен стрелецкий голова. Назначал десятников из наиболее расторопных старослужащих. Трёх из них назначил сотниками, хотя самих сотен не было. Но полк без строгой дисциплины и чёткой организации и не полк вовсе, а толпа необученных парней. А как обучать, если в полку три десятка пищалей? Не раз ходил в Пушкарский приказ, именно он занимался пушкарями и стрельцами «огненного боя». Видимо, надоед всем. В один из дней в полк въехал небольшой обоз. Из арсеналов привезли трофейное оружие – сабли, пищали. Фёдор и двое десятников сами по-быстрому осматривали оружие – не ржавое ли, пригодное к бою? Несколько сабель и одну аркебузу отбраковал:

– Рухлядь мне не нужна, только в переплавку пойдёт.

Вместе с трофейным оружием прибыла ещё подвода с пороховой мельницы, привезли зернёный порох в бочках. Фёдор руки потирал. Есть порох и пищали, можно учить стрельбе. Через неделю пригнали коней. В

приёмке участвовали все, поскольку стрельцы из деревенских, толк в конях знали. За всё полученное добро Фёдор расписывался, хотя стрелецким головой не был официально. А куда деваться?

За три месяца полк пополнился полностью, стрельцы научились шагать строем, осуществлять перестроения. А уж сколько бочек пороха было потрачено! Одно плохо – боевого опыта нет, слаженности. Когда в десятке или сотне костяк из опытных старослужащих, новики на них равняются.

В душе Фёдор побаивался, что в первом же бою дрогнут новики, побегут, да выбора нет. В один из дней в полк приехал для проверки дьяк Пушкарского приказа. Фёдор доложил о занятиях, о вооружении. Первое, что спросил дьяк, – а где стрелецкий голова? Почему сотник докладывает? Али голова в нетях по болезни или другой причине?

– Я старший по чину в полку, сам от ранения под Казанью толком не оправился.

Фёдор шапку снял, показал ранение.

– Позволь, а кто... э... полк снабжал, пополнение распределял, занимался обучением?

– Аз есмь, больше некому.

– Непорядок! Разберусь.

Дьяк увиденным остался доволен. Кони сытые, подкованы, упряжь в порядке. Стрельцы занимаются стрельбой, и оружие вычищено. Сам попробовал проверить, отдал команду:

– Заряжай, пли!

Десяток, выбранный для проверки, не подкачал. Всё исполнили быстро, без задержек.

– Хм, похвально. Доложу.

Фёдор, хоть похвалой и доволен, понял – надо ждать перемен. И точно. Недели не прошло, по делам пришлось в Пушкарский приказ зайти. А его столоначальник сразу к дьяку направил.

Дьяк встал из-за стола, объявил торжественно, что с соизволения государя Фёдор жалован «боярским сыном» и назначен стрелецким головой. Фёдор растерялся, уж больно возвышение неожиданное. После, обдумав всё, понял – потери сказались. Было бы кем достойным из дворян заменить, не видать бы ему этой должности. Московская Русь почти по всем окраинам государства военные действия вела. И убыль рядовых ратников, как и боярских детей, была большой.

После Приказа домой пришёл, супружнице похвастал, не удержался. Та руками всплеснула:

– Так ты отныне стрелецкий голова и «боярский сын»? Отпраздновать надо!

Ещё бы, служивый человек на первую ступень дворянства встал, да не по праву наследства, а за заслуги. Супружница следующим днём папаньке сообщила, и купец закатил по этому случаю пир с пивом, заморским вином, копчёной белорыбицей, как осетрину называли. Всё же теперь родня со служивым дворянином.

Летом 1506 года крымский хан Менгли-Гирей послал посла в Вильно, столицу Литвы, с предложением вместе выступить против Москвы. В те же дни к Александру приехал казанский посол Аикимбердей, предлагая объединить усилия для борьбы с усиливающимся влиянием Москвы. Предварительная договорённость состоялась, но планы нарушились внезапной смертью короля Польши и Великого князя литовского Александра. На его трон 20 января 1507 года был коронован младший брат Александра Сигизмунд I. Желая закрепить договорённости брата, он добился от сейма разрешения на войну с Москвой, хотя шестилетний срок мирного договора не истёк. В Москву было отправлено посольство Яна Радзивилла и Богдана Сопежича с требованием вернуть отторгнутые от Литвы земли. Государь московский Василий отказался. Литва начала собирать войско. О выступлении в поход на Москву Сигизмунд сообщил Менгли-Гирею 20 июля 1507 года, в Крым его повёз толмач Помодан. Литовцы, не дожидаясь подхода крымских татар, двинули свои войска по трём направлениям. В Смоленске сосредоточили отряд гетмана Ольбрахта Мортиновича Гаштольда, в Полоцке – рать гетмана Станислава Глебовича, в Минске – гетмана Станислава Петровича Кишки. Войско Сигизмунда совершило набег в глубь русских земель, сожгли Чернигов и разгромили окрестности Брянска. Государь московский Василий после отбытия литовского посольства понял, что литовцы начнут новую войну, и приказал готовить рать и выдвигаться к литовской границе. Фёдор Петрович Сицкий был воеводой рати, направленной к южному литовскому порубежью, а со стороны Дорогобужа наступали полки князя Ивана Михайловича Телятевского. В это же время на южные русские земли в июле напали крымские татары. Под их удары попали Белёв, Одоев, Козельск и Калуга.

Конницей крымской командовал Зянсент-мурза, Янкуватов сын. Недавний союзник Ивана III с ожесточением брал в плен русских людей, гнал их к Перекопу. Татары жгли сёла и деревни, городские посады. Но укреплённые города с ходу взять не могли и задерживаться на осаду не стали. К Белёву двинулся с ратью Иван Иванович Холмский, к Калуге войско под командованием Константина Фёдоровича Ушатого.

Под Козельском войска объединились с ополчением Александра Ивановича Стриги.

Наше войско, частично пешее, не успевало за крымчанами. Но всё же передовые полки 9 августа настигли крымчаков на Оке, завязали бой, не давая уйти. Фёдор в первый раз выступал стрелецким головой. Волновался не за себя, за стрельцов. Благо воеводой был Холмский, не допускавший поступков бездумных. Как догнали татар, сразу послал к Фёдору гонца с приказом обойти татар слева, желательно скрытно и быстро, учинить стрельбу. Крымчаки придерживались старых традиций, имели на вооружении сабли и луки, огнестрельного оружия долго не признавали – уж больно тяжело, требует «огненного припаса» и ещё в непогоду – дождь, снег – может и не выстрелить, подвести. Лук привычнее, легче, надёжнее.

Фёдор сразу по получении приказа стрельцов на коней усадил, сам впереди поехал. За кустами, за рощицей, по низине стрельцов провёл. Не совсем в тыл, получилось во фланг. Спешились, коней оставили. Фёдор выстроил полк в три шеренги, приказал поджечь фитили. Над строем лёгкий синеватый дымок поплыл.

– Вперёд!

Скомандовал Фёдор и взмахнул саблей. Полк дружно шагнул. Крымчаки пытались перегруппироваться, для них появление стрельцов было неожиданным. Но не испугались татары, сразу сотня всадников поскакала на стрельцов. Полагали – обычные пешцы. К тому же за первой шеренгой не видны вторая и третья.

– Стой! Целься! Пли!

Фёдор саблей взмахнул. Грянул залп. Фёдор тут же скомандовал выступить вперёд второй шеренге. Первая уже перезаряжала пищали.

– Целься! Пли!

И второй залп! Фёдор стоял с подветренной стороны, пороховой дым сносило в сторону, и он хорошо видел эффективность огня. После двух залпов уцелевших крымчаков осталось едва ли треть. А вперёд уже третья шеренга вышла.

– Целься! Пли!

Вся сотня крымчаков полегла под пищальным огнём, ни один и близко подскать не смог. А вперёд уже первая шеренга вышла с пищалями заряженными. Татары стали обстреливать из луков. Стрелы со зловещим шелестом втыкались в землю, ранили на излёте несколько стрельцов. Большая часть крымчаков сабельным боем связана с русской кавалерией. Фёдор командует:

– Шеренги, вперёд!

Чем ближе к татарам подойдут, тем действеннее, убийственнее огонь. Прошагали тридцать – сорок шагов, и снова остановка, залп, смена шеренг и движение вперёд. Крымчаки от конных полков воевод русских пятятся, а ещё с фланга стрельцы «огненным боем» достают. Не выдержали татары, медленно отступать стали, а потом рванули наутёк, бросив обозы с награбленным добром. Наши всадники их преследовать стали, рубить и гнали до реки Рыбницы, правого притока Оки. Погоня прекратилась из-за сумерек. Полк Фёдора в погоне не участвовал. Стрельцы «огненным боем» сильны, а в сабельном бою тяжёлая и длинная пицаль за спиной только мешать будет. Зато стрельцы к обозу кинулись, как ни останавливал их Фёдор. Мигом трофеи расхватили да перемётные сумы набили.

– Назад, сукины дети! – ругался Фёдор.

Поступи сейчас приказ от воеводы, собрать полк невозможно. Разозлился сильно, схватился за плетё и нескольких стрельцов по спине перетянул, да не для вида, а всерьёз, от кафтанов аж пыль полетела.

– Строиться всем! Считаю до трёх! Кто не успеет, получит наказание палками.

Поддействовало, построились. Фёдор прошёлся перед строем. Телесные наказания в армии были, но Фёдор прежде их не применял.

– Слушать всем! Пока бой идёт, никакого сбора трофеев! Сотникам выделить десяток с полка, пусть они трофеями занимаются. Весь обоз угонят либо ценные вещи на одну телегу перегрузят и увезут в полк. Всем остальным за неподчинение в бою буду по десять палок назначать, а при повторном нарушении изгонять из полка. И постараюсь, чтобы ослушников больше никуда не взяли! Всем понятно?

Фёдор хорошо понимал значение дисциплины. Без неё любое войско – сброд, обречённый на поражение.

Следующим днём отдых. Раненых в свои города обозом отправить, оружие в порядок привести. Затем воеводы повели объединённое войско к Литве. Рати московские 14 сентября подошли на подмогу войску русскому, осаждавшему Мстиславль. Осада и последующий штурм успеха не принесли, и московское войско вернулось в столицу.

Литва за период войн с Москвой утратила третью часть своих земель. Не добившись посольствами возвращения территорий, начала войну и оказалась в сложном положении. Московский государь начал переговоры с Казанью, и она не выступила на стороне Литвы. Крымский хан Менгли-Гирей оказался связан неожиданной войной с Ногайской Ордой, и Литва оказалась без союзников. Мало того, внутри Литвы начались переделы и войны. Придя к власти, Сигизмунд I Старый послушал наветов давних

врагов могущественного клана Глинских, а в январе 1507 года отобрал у старшего из братьев – Ивана Львовича Киевское воеводство, дав взамен в Новгороде литовском. Главный недоброжелатель Глинских, наместник полоцкий Ян Юрьевич Заберезинский, воевода Троицкий, обвинил Глинских в измене. Михаил Львович Глинский обиды наветчику не спустил и, собрав отряд из семи сотен ратников, напал на имение Заберезинского, убил его и многих его сторонников. Затем двинулся в Ковно, где содержали в заключении хана бывшей Большой Орды Шейх-Ахмета, но охранники замка нападение отбили. Великий князь московский Василий, внимательно следивший за событиями в Литве, направил Глинским в Туров своего гонца, коломенского сына боярского Дмитрия Губу-Моклакова с предложением военной помощи. Сверх ожидания, Глинские запросились на службу к московскому государю со своими людьми и землями. Войско Глинских овладело Мозырем, причём без боя, ворота городские им открыл городской голова, он же двоюродный брат Михаила Глинского, Якуб Ивашенцев. Затем, соединившись с ратью Шемячича, Глинские осадили Минск. Великий князь Василий не мог не воспользоваться выгодной ситуацией. Москва двинула войска в Литву. Из столицы на Смоленск вышло войско воеводы Якова Захарыча, из Великих Лук рать Даниила Щени. Оба войска соединились под Оршей и осадили город. В войске Даниилу Щене верили безоговорочно. Опытный, осторожный в действиях, первый – иначе главный, московский воевода рисковать не любил, действовал только наверняка.

Июль – месяц жаркий. Войска москвитян обложили Оршу со всех сторон. Щеня рассчитывал, что прошлогодние запасы продовольствия в городе на исходе, а нового урожая ещё не было, в городе начнётся голод, и Орша вынуждена будет сдаться. Но Сигизмунд, к которому прибыл гонец из осаждённой Орши, собрал большое войско. Малую его часть составляло литовское ополчение под командованием гетмана Константина Ивановича Острожского, отпущенного из русского плена. А большую часть представляли польские наёмники во главе с гетманом Фирлеем. Войско двинулось к Орше. Литовцы были ещё на подходе, когда лазутчики известили Даниила Щеню. Продолжать осаду, когда подходит литовское войско, было опасно, и Щеня 22 июля приказал отступить за Днепр. Десять дней противники стояли друг против друга на разных берегах реки. Наступать никто не решился. Кто начнёт переправляться первым, рискует быть битым, ведь переправа – всегда уязвимое место. Простояв, Щеня отвёл войско к Вязьме.

Ликуя, литовцы овладели городами Белая, Торопец и Дорогобуж.

Щеня получил от государя Василия грозный приказ – отбить сданные города. Приказ воевода выполнил. Торопец был отбит с малыми потерями, а Белая и Дорогобуж захватчики литовские превратили в пепелище.

В сентябре начались переговоры между Сигизмундом по его инициативе и государем московским Василием. Переговоры – это всегда торг, уступки. Москва возвратила Литве Любич, а также за Литвой оставались города и земли князей Глинских. Все остальные города и земли, взятые у Литвы на меч, оставались за Василием. Договор был подписан только 8 октября 1508 года. Литва осознавала, что без союзников ей свои земли не вернуть, а Москве требовалась передышка. Мирный договор с Литвой успокоил Ливонский орден. У Москвы теперь развязаны руки, и кто будет следующим? У ливонцев самих рыльце в пушку, не раз нападали. Через неделю после подписания мира с Литвой в Москву прибыл ливонский посол Голдорн, и сразу же было подписано перемирие аж на четырнадцать лет.

Но мира не наступило. На следующий год начались набеги крымчаков. А ещё Москва копила силы для похода на Смоленск. Богатый Смоленск, почти равный с Москвой по величине, имел важное стратегическое значение, географически был недалеко от Москвы, представлял угрозу. Кроме того, был ключом к воссоединению русских и белорусов. Но город стоял на холмах, был сильно укреплён. Однако русское население Смоленска было не на стороне Литвы. Великий князь понимал, что наскоком город не взять, тем более набеги крымчаков отвлекали значительные силы.

Фёдор с полком вместе с войском воеводы Даниила Щени вернулся в Москву. Отдых был кратким. Уже через месяц воевода передал приказ готовиться к походу. Задание было на сей раз не боевым. Требовалось обустроить на южных границах Московского государства засечную черту. Понятно, не всю, Фёдору выделили участок в тридцать вёрст, от села Ломинцево до Одоевской земли, деревни Тризново, что недалеко от Крапивны. Ранее граница проходила севернее, по опушке лесов от Каширы до Козельска. Полк шёл с большим обозом с провизией, с огненными припасами, рабочими инструментами – пилами, топорами.

Участок Фёдору достался самый опасный. Татары крымские шли на Русь по Муравскому шляху, как раз через будущую засеку, порученную Фёдору, назначенному засечным воеводой. Царь Василий обязал привлекать к работам жителей окрестных сёл и деревень. Прибыв на место, Фёдор за голову схватился. Надо возводить малые крепостцы – острожки и большие остроги, коих предвиделось два. Но глаза боятся, а руки делают. У

селян время уборки урожая прошло. Их призвали к работам на засечной черте. Под руководством десятников и сотников селяне валили деревья, причём пилили не под корень, а на высоте человеческого роста, а спиленные деревья валили верхушками в сторону Дикого поля. Закончив с лесоповалом, начали делать деревянные заострённые рогатки и устанавливать. Ратники меж тем делали небольшие острожки вроде застав в деревнях Ломинцево, Соломоново, Мясоедово, Панарино, Ясные Поляны, Мостовая, Кривцово, Головеньки. По центру засеки большой острог, названный Малиновыми воротами. Всё как положено: высокий тын из брёвен, внутри – избы. А перед тыном ров шириной и глубиной в две сажени. На стыке с Одоевской чертой ещё один большой острог, который назван Орловы ворота. В больших острогах по две сотни стрельцов, на малых острогах гарнизон в два десятка ратников. По такому же подобию делались и другие засечные черты.

Немного южнее и восточнее возводилась деревянная крепость Тула, которую через пятнадцать лет перестроят в каменную.

Крымчаки занимались кочевым скотоводством, малоприбыльным, целиком зависящим от урожая кормов. Набеги на соседние княжества и государства для крымчаков – как вид выживания.

С 1505 года Крымское ханство совершало набеги на Русь в течение двухсот лет. Особенно сильно страдали городки на южной окраине – Чернь, Дедилов, Епифань, Одоев, Крапивна, Белёв, Алексин. Порубежье велико, держать здесь постоянно большое войско невозможно, и крымчаки это прекрасно понимали. До снега и морозов удалось завершить земляные работы, а по зиме и завершить строительство острогов.

Фёдор, проверив все остроги и острожки, остался доволен. Не хватало одного – пушек. Он, как воевода Малиновой засеки, отправил Даниилу Щене просьбу – прислать пушек и обученных пушкарей. К сожалению, Пушечный двор в Москве, где лили пушки, делал их мало, да и калибров малых. В европейских государствах делали и осадные орудия, и крепостные калибров больших. Но для этого необходимы литейщики искусные в потребном количестве. Да и не дело Пушечный двор держать в центре столицы, недалеко от Кремля. От литейного производства не раз пожары случались. И свободной земли для расширения нет. На просьбу его приехал князь Александр Ростовский в сопровождении ратников. Как понял Фёдор – проверить засечную черту. Осмотром остался доволен, о чём воеводе Щене пообещал доложить. А ещё посулился прислать несколько пушек в оба острога. По зиме крымчаки не нападали, и ратники успели отдохнуть.

Зато по весне начали появляться малыми отрядами, по сто-двести сабель. Вероятно, искали слабые места, где бы потом всё войско пройти смогло. Началась беспокойная пора. То с одного острожка мчался гонец с известием о крымчаках, то с другого. Малый острожек фактически дозор, его задача известить о появлении противника. Продержаться при нападении он долго не сможет. Слабые деревянные укрепления, малый гарнизон. Но как только появлялся гонец, Фёдор тут же на коней сажал одну сотню и мчался к тревожному месту. Вторая сотня всегда оставалась в остроге. Зачастую татары бой не принимали. Завидев мчавшуюся конницу, уходили. Их задачей была разведка. Но несколько раз бои случались, особенно если отряд крымчаков был больше по численности. В один из солнечных дней около полудни примчался гонец из острожка у деревни Панарино на взмыленной лошади.

– Татары! – выдохнул он. – Много, две сотни, не меньше. За мной гнались, удалось уйти!

Фёдор поднял по тревоге сотню. Мчались галопом. До Панарино десять вёрст, в таком темпе лошади к прибытию к острогу выдохлись, на многих – пена. Острожек татары с ходу взять не смогли, вертелись вокруг него, осыпая маленький гарнизон стрелами. Засевшие за бревенчатым тыном стрельцы отстреливались из пищалей.

– Стой! – скомандовал Фёдор.

Пробиться к острогу невозможно. Большая часть татар кинулась к деревне Панарино грабить. Другие осаждали мешавший им острожек. Но столь малое укрепление сыграло важную роль, задержало крымчаков, и жители деревни успели убежать в лес. Разделение противника сыграло на руку сотне Фёдора. Накинулись бы все вместе, не исключено, что и смяли.

Фёдор выстроил две шеренги, татары сразу кинулись в атаку. Половина сотни дала залп, вперёд выдвинулась вторая половина, но Фёдор медлил. И лишь когда татары подскакали на сорок-пятьдесят шагов, отдал приказ. Рисковал, конечно, сильно. Но на малой дистанции вероятность промаха меньше. Второй залп оказался эффективным. Из нападавшей полусотни в живых остался едва ли десяток. Крымчаки развернули коней, кинулись к деревне, где были основные силы. Фёдор приказал бежать в острожек, который был недалеко. Коней вели с собой под уздцы. Ехать сейчас на конях – значит попросту угробить их. После бешеной скачки животным требовался отдых.

Укрылись за стенами острога. Сразу тесно сделалось, не рассчитан малый острожек на такое число «гостей». Зато за тыном в безопасности. Стрельцы сразу пищали заряжать стали. Фёдор распорядился к каждой

бойнице по три стрельца приставить. Один выстрелит, сразу место для другого освободит, пока первый пицаль заряжать будет. Бойницы по кругу острожка, но их немного. У каждой сектор обстрела невелик, бойницы узкие, но перекрывают соседние сектора обстрела.

Татары не заставили себя ждать. С визгами и криками, держа сабли в руках, подскакали и тут же навалились на залп из нескольких пицалей. Задействовать сразу все пицали невозможно, острожек круглый. Но татары сгруппировались, стали острожек окружать, держась в полусотне метров. Фёдор приказал стрелять по готовности. Это когда каждый стрелец может прицелиться и успеть выстрелить. Татары на лошадях, перемещаются вокруг острожка быстро. По движущейся цели попасть сложно. Пока фитиль порох на полке подожжёт да выстрел произойдёт, проходит полсекунды. За это время лошадь с татаринком на некоторое расстояние переместится. Конечно, про упреждение стрельцы знали, но в азарте боя не все следовали правилам. Промашов было много, но острожек настолько плотно огрызнулся огнём, что крымчаки не стали осаждать, теряя бойцов. Потеряв десяток-полтора, сочли за лучшее уйти. Деревень в окрестностях много, а острожков мало, зачем рисковать? Фёдор приметил сотника или мурзу в лисьем малахае, рядом с ним всё время воин был с бунчуком. Явно начальник отряда.

– Дай! – Фёдор протянул руку к стрельцу.

Тот послушно протянул пицаль. Фёдор уложил её стволом на бревно бойницы, прицелился, повёл стволом, нажал спусковой рычаг. Выстрел! Мурза покачнулся в седле, к нему тут же воин с бунчуком подскочил, помог удержаться в седле. Весь отряд татарский ускакал. Русские ратники перевели дух. Острожек малый, да деревянный. Подожги его татары зажжёнными стрелами, тушить нечем. Воду для питья, приготовления пищи брали в ручье по соседству. И тогда выбор невелик – либо сгореть живьём, либо открыть ворота и сдаться на милость победителя. Фёдор, убедившись, что татары ушли, послал двух стрельцов в Панарино посмотреть, успели ли жители спастись? В конце концов это подданные князя Василия, и задача стрельцов – защищать и земли, и людей государства.

Глава 8

Конец Псковской Республики

А через несколько дней в острог прибыл обоз с обещанными пушками. Собственно, пушек было две и два тюфяка. С пушками огненный припас – порох в бочонках, ядра, свинцовый дроб. При пушках обученные пушкар. Фёдор рад был, пушки значительно усиливали возможность острога к обороне. Как рачительный хозяин, одну пушку и один тюфяк оставил в своём остроге, а половину отдал в острог Орловы ворота. Стрельцам и пушкарям пришлось потрудиться – прорубали бойницы для пушек, делали крышки для бойниц. Не забыл князь Александр Ростовский, усилил оборону засечной черты. Вполне вероятно, по велению Великого князя.

Население деревень близ острогов и острожков вначале приняли стрельцов настороженно, тем более стрельцы сразу привлекли их к работам по обустройству засечной черты. Но потом отношение переменялось. Защитники Малиновой засеки давали защиту, а ещё время, чтобы укрыться, убежать в лес. Земли в этих местах хорошие, и свободной земли много. А ещё леса рядом, где ягоды и грибы, дичи много, в реках изобилие рыбы. Но селились самые отчаянные, да всё из-за набегов татарских. С приходом ратников, отодвинувших засечную черту с берегов Оки южнее, народ стал переселяться активнее. Новые избы в деревнях прибавлялись почти ежемесячно. И ратникам хорошо. Провизию на казённые деньги приходилось покупать у селян, и чем больше село или деревня, тем ниже цены и обильнее выбор.

Второй раз татары напали уже летом. Сразу из нескольких острожков гонцы примчались. Фёдор гонцов порасспросил. Получалось – у каждого острожка по полусотне крымчаков. А в итоге – полутысяча. Но это передовой отряд, татары всегда впереди основного войска разведку высылают, дозор. И коли дозоры велики, жди большой рати. Фёдор сразу послание написал и отослал гонца в Серпухов. Пусть воеводы собирают и выдвигают к засечной черте войско. Не быстрое это дело, а до подхода рати самим надо держаться. Фёдор приказал гонцам ехать в острожки, всем ратникам прибыть в остроги. Соломоново, Мясоедово, Панарино и Ясные Поляны – в Малиновы острог, а Мостовая, Кривцово, Головеньки и Воздремо – в Орловский. Фёдор исходил из того, что татары могут прорваться через засечную черту в промежутках между острогами. А

оставь он стрельцов в острожках, не смогут отбиться малые гарнизоны, только людей своих зря потеряет. Большому гарнизону отбиться легче. Из четырёх острожков удалось пробиться к острогу только трём гарнизонам. Самый дальний, из Ясной Поляны, не прибыл. То ли окружили их плотно, то ли сгинули в бою?

Татары и к острогу подошли. Стрелы начали пускать, которые вреда не нанесли. Стрельцы за брёвнами, лошади в конюшне. Фёдор сознательно на обстрел не отвечал. Обнаглевшие крымчаки поближе подойдут, и тогда можно стрелять. Фёдор привычки татар изучил. Татары уже вблизи стен скачут, вокруг острога круг сделали, кричат:

– Сдавайтесь, живы останетесь!

Ну да, живы, да только в полоне долго никто не живёт. Крымчаки полоняников не берегут, даром достались. Два-три месяца, максимум полгода на скудной еде и тяжёлых работах не протянешь. Воевод или дворян Великий государь через послов выкупал или обменивал рядовых ратников, случаи единичные были.

Фёдор подгадал момент, когда напротив тюфяка татар много собралось, махнул рукой пушкарям. Те уже давно сигнала ждали. Грянул выстрел, деревянный тын дымом затянуло, а когда он рассеялся стали видны результаты. Не меньше десятка убитых и коней пяток. Фёдор тут же, пока татары не очухались, крикнул:

– Всем стрельцам пали беглым! Пушке стрелять!

И пушка выстрелила, жаль – калибр маловат, но ядро убило двух крымчаков и лошадь. Но залпы пищалей, причём во все стороны острога, следующие один за другим, в три смены, произвели опустошение. Многие крымчаки убиты, кто уцелел, уносится прочь. А вдогонку им ещё выстрел из тюфяка. Сотни свинцового дроба, катаных тяжелых шариков, за крымчаками понеслись. Трёх басурман убило, из острога вслед неслись восторженные крики и свист разбойничий стрельцов. Надолго запомнили не-удачный приступ татары, за лето не приблизились ни разу.

Зато прорвались через засечную черту мимо брошенного острожка. А далеко не ушли и пограбить не успели. Из Серпухова на рысях конное ополчение спешило. Дозоры татарские сразу свою рать предупредили. Не стал мурза или нойон в открытую сечу ввязываться. Какой смысл? Своих соплеменников положишь, а трофеев никаких. Крымчаки, как в своё время Большая Орда, не силой приходили помериться, удаль проявить, а за трофеями, пленными. Назад татары повернули. Как позже выяснилось, повернули на южные литовские земли, по ним прошли, хоть и союзниками были. Татары, что ордынские, что крымские, договоры

нарушали с лёгкостью чрезвычайной. Даже клятвы, данные единоверцам на Коране, и те не соблюдали, чего уж говорить о православных?

Когда татары ушли, Фёдор взял с собой десяток стрельцов, направился в острожек Ясная Поляна. Недалеко от острожка всех своих стрельцов обнаружил убитыми. Проклятые басурмане посекали стрелами, почти все смертельные ранения в спину. Видимо, стрельцы, исполняя приказ Фёдора, на конях рванулись к острогу, татары пускали стрелы в спину, догоняя. Крымчаки даже пищали не забрали. Тяжелы, огненный припас нужен, а кроме того – умение. Сам острожек цел остался, крымчаки не сожгли, опасались – по дыму их обнаружат, всполошатся жители окрестных сёл. По тёплой погоде погибших к родне в Москву не довезти. Вырыли рядом с острожком братскую могилу. Фёдор, как старший по чину, заупокойную молитву счёл. Крест поставили, Фёдор, как единственный грамотный, ножом фамилии стрельцов упокоенных вырезал на дереве. Память останется для тех, кто потом в острожке служить будет.

Осенью татары повторили набег малой ратью. Скорее всего не по велению хана Менгли-Гирея в набег пошли, а волею мурзы, хозяина малого улуса. Ночью в селе Кривцово колокол бить начал. Удары один за одним, набат! Фёдор на смотровую площадку поднялся. Зарево не видно, стало быть – нападение. Поднял острог по тревоге. Полсотни оставил в крепостице, а с полутора сотнями конно, на рысях, к селу поскакал. Скорее всего татары к селу вечером подошли, выждали, пока селяне спать лягут. Отдыхать деревенские рано ложились. Солнце село – спать пора. Чего лучины почём зря в избе жечь? Но и вставали рано, с восходом солнца, в этих краях в четыре часа утра. Правда, отсчёт времени вёлся с шести утра, например, восемь часов утра именовалось двумя часами дня.

Подскакали к селу, слышны крики, плач, мычание коров, бление овец. Ночью скотина спит и звуков не издаёт. Фёдор отдал приказ окружить село, чтобы ни один крымчак не ушёл. А сам с тремя десятками в село ворвался.

– Парни, пока соблюдайте тишину, чтобы не заподозрили басурмане ничего. По пять стрельцов на избу, начали!

Пищали не брали, ночью видимость несколько сажень, а дальше цель не видна, пищаль только лишнее обременение. Стрельцы в кольчугах и шлемах, при саблях. Первая пятёрка в крайнюю избу забежала, вторая в следующую. В шести домовладениях сразу схватки начались – звон оружия, крики на русском и татарском. Сам Фёдор на деревенской улице остался. Дело военачальника руководить порученным ему войском. Но и самому пришлось за саблю взяться. К Фёдору крымчак подскакал, приняв за своего, спросил что-то. Темно, ошибиться запросто можно. Фёдор сказал

единственное слово, которое знал по-татарски:

– Якши.

А сам саблю выхватил и рубанул клинком по шее татарина. Упал крымчак с лошади. Из одного двора, куда стрельцы зашли, выбежал татарин, кричал что-то заполошно. Видимо – тревогу хотел поднять. Кинулся к Фёдору, приняв за своего. Голова стрелецкий ещё саблю в ножны убрать не успел, ударил крымчака по плечу, поскольку на голове татарина шлем-мисюрка был. Вторым ударом добил врага Фёдор. И пожалел, надо было двух-трёх стрельцов при себе оставить. Довольно скоро к Фёдору стрелец подбежал.

– Чиста изба, троих басурман убили.

– В другую избу идите, не ждите указаний.

Когда стрельцы добрались до седьмой избы, одному из татар удалось выбраться, по задам кинулся к своим. Татары поняли, что обнаружены, один десяток кинулся уходить, помчались по единственной улице к околице, да стрельцы уже начеку, схватка завязалась. Единственный уцелевший крымчак назад помчался, кричал по-своему во всё горло. Из изб другие крымчаки выбежали, поскакали ко второму выезду, в сторону Фёдора. По топоту коней слышно – десяток-полтора скачет, одному устоять нельзя. Фёдор тоже к окраине села поскакал. Вот и стрельцы, в темноте только клинки мерцают. Фёдор крикнул:

– Приготовьтесь, татары скачут!

Сшиблись. Стрельцов-то поболее в этом месте оказалось, в пять минут крымчаков изрубили. А уже слышны звуки сечи на другой стороне села. Ещё одна группа пыталась прорваться. До утра стрельцы село блокировали, не давали никому выйти. А утром два десятка по владениям нашли. Обыскивали избы, амбары, конюшни, сеновалы, все те места, где крымчаки спрятаться могли. И нашли неверных, в их числе предводителя отряда, мурзу. Селяне на небольшой площади собрались, на татар злые. В некоторых избах мужиков убили пришельцы, а где девок насильничали. Фёдор с речью обратился:

– Народ честной! Что с басурманами делать? Вас услышать хочу!

– Казнить смертью лютой! Казнить!

Фёдор и сам не собирался татар отпускать, но хотел услышать волю селян.

– Повесить или утопить?

Можно ещё головы отрубить, по обычаю такая казнь считалась более милостивой и почётной, чем повешение. К тому же крымчаки грабители, насильники, а таких по Судебнику Ивана III вешали. Услышав народное

мнение, Фёдор приказал стрельцам:

– Ведите к лесу и всех вздёрнуть на их же арканах. Мурзу непременно последним, пусть видит конец бесславный своего набега.

Стрельцы собрали с коней татарских, где на задней луке седла привязаны были, арканы, живо перекинули через толстые сучья. Трёх крымчаков сразу вздёрнули, заставив мурзу глядеть. Толпа селян неожиданно кинулась к татарину. Мужики били его, бабы царапали лицо. Мурзу повалили, стали пинать. Фёдор не препятствовал, пусть спустят пар. Мурзу забили до смерти, и стрельцы повесили уже бездыханное тело в назидание другим непрошеным пришельцам.

Деревни и сёла пограничные, порубежные, и князья или служилые дворяне, владельцы этих поселений, бывали здесь редко. В селениях власть вершили сельские старосты. Иной раз обиженные крестьяне прибегали искать справедливость у Фёдора. Но он засечный воевода, в его руках военная власть и вмешиваться права не имел. Однако память об обидах, полученных им в детстве от такого же сельского старосты, была жива, и несколько раз он выезжал на правёж разобраться. Старостам, понятное дело, не нравилось. А что они могли возразить, если при Фёдоре стрельцы?

Особенно его возмутил случай, когда староста за мелкое упущение приказал бить кнутом мужика, главу большого семейства. Тот после побоев долго встать не мог, болел. А староста за невыход на работу ещё и штраф наложил. К Фёдору в острог прибежала супружница Прохора, как звали избитого мужика. Захлёбываясь слезами, рассказала о горе.

– Тебя как звать-то? Матрёна? Так я воевода, а тебе хозяину жаловаться надо.

– Да не было его в деревне никогда, в глаза не видела.

– А кто хозяин?

– Князь Патрикеев.

– О! – вырвалось у Фёдора.

Знал он князя в своё время, и впечатление было не из лучших. Но князь плохо кончил. Ещё в бытность Ивана III участвовал в заговоре против царицы Софьи и был казнён. И кто был владельцем села – не знал. Наследники Патрикеева? Так они в опале, в ссылке, и, пока правит Василий, их точно не вернут.

– Веди!

Фёдор взял с собой двух стрельцов, ехали за бабой в деревню.

– Вот где обидчик живёт! – ткнула пальцем в избу старосты Матрёна.

Изба выделялась на фоне остальных добротностью, крепким тыном.

– Стучи! – приказал стрельцу Фёдор.

На стук вышел староста – дородный, в новой рубахе, в сапогах. Сапоги в деревне редкость. Деревенские ходили в лаптях или заячьих поршнях. Рожа сытая у старосты, лоснится, борода оправлена, расчёсана, маслом умащена.

– Кто таков? – жёстко спросил Фёдор.

Такое обращение живо сбивает спесь.

– Ануфрий, сын Ермолаев, староста. – Мужик ответил спокойно, но глаза забежали.

– Чьё сельцо?

– Князя Патрикеева, – вздёрнул подбородок староста.

– Врёшь, подлец! Патрикеев казнён!

– Так сына его, – попытался оправдаться Ануфрий.

– В опале он, от Москвы ныне далече.

– Моё дело маленькое – интерес хозяина блюсти.

Ануфрий понял, что на Фёдора фамилия Патрикеева впечатление не произвела. Тем временем крестьяне стали собираться. Молча вокруг стояли. Фёдор к Матрёне повернулся:

– Сколько раз кнутом мужика твоего били?

– Десять, воевода.

Фёдор к стрельцу обратился:

– Отвесь старосте десять плетей.

Стрелец с лошади соскочил, повернул старосту, рванул на нём рубаху, разорвав до пояса и лупцевать плетью начал. Плеть – она полегче, чем кнут, но кожа на спине у старосты вспухла, покрылась багровыми рубцами. Староста орал и блажил, но сочувствия у деревенских не вызвал.

– Встань, – приказал Фёдор.

Староста, кряхтя и охая, стал подниматься.

– Поторопи, уж больно медленно он встаёт.

Стрелец с видимым удовольствием перетянул плетью старосту ещё раз. Тот взвизгнул, народ засмеялся.

– Так вот, услышу ещё раз, что измываешься над народом, рыб в реке кормить будешь!

– Права не имеешь, воевода! Жаловаться буду!

Фёдор на стрельца посмотрел. Стрелец ещё пару раз плетью старосту ударил.

– Я на засечной черте воевода! – жёстко сказал Фёдор. – И порядок поддерживать государем поставлен. Можешь Великому князю челобитную подать!

Стрельцы засмеялись, за ними деревенские. Челобитный приказ

жалобы принимал, но рассматривал уж очень долго, годами. Порядок был другой. Староста мог отписать об обиде владельцу, и уж тот разбирался с обидчиком. Но что такое сельский староста против воеводы?

Тем не менее по зиме, когда в полк нагрянул князь Ростовский, попенял:

– Своевольничаешь?

– Это ты о чём, князь?

– Старосту высек. А впрочем – поделом. Сельцо-то выморочное. Патрикеева-старшего нет, а сын его в опале и от двора отодвинут. Кабы не староста с челобитной, о селе не вспомнили. Желающих его в дачу взять не нашлось. Сюда почти каждый год набег.

Князь острожки осмотрел стрельцов да оружие.

– Молодец, Фёдор, в порядке всё держишь, от татар обороняешься. Наслышан, как ты набег на Кривцово отбил. Готовься к смене, по весне другой полк заступит. А вам в Москве отдохнуть, да потом в Псков идти.

Служба царская – такое дело, сам себе не волен, что приказали, то и исполнять. Как дороги подсохли, на смену стрелецкому полку пришёл другой. Фёдор, как воевода, построивший засечную черту, свой участок её передавал позиции новому воеводе. И неожиданно встретился с братом Иваном. Судьба кидала братьев в разные города и веси, оба не в одной сече были, но повезло – уцелели. Встреча радостной была, обнялись, даже прослезились. Хлопали друг друга по плечу, делились новостями. Ратники братьев не торопили, деликатно отошли в сторону.

– Женился я, брат, на купеческой дочке, дом купил рядом с Берсеневской набережной. Будешь в Москве, обязательно заезжай в гости.

– Возвысился ты, как я посмотрю. Стрелецким головой стал.

– И сыном боярским жалован, – похвалился Фёдор. – А ты-то как? А то я всё о себе да о себе.

– Десятником, как видишь. Тоже женился, дочь у меня. Служу в Твери с недавних пор.

– Эка незадача. Мой полк, насколько я знаю, в Псков вскоре отправляют.

– А мы на засечной черте надолго застрянем. Как тут?

– Пошаливают басурмане. Как ни год – два-три набег. Так что держите порох сухим и ушки на макушке, если живыми хотите остаться.

Новостей много, поговорить бы подольше, а дела не позволяют. Новому воеводе все острожки и остроги показать надо, гарнизоны сменить. Так неделя и пролетела.

Перед убытием Фёдор ещё раз к брату съездил повидаться, всю ночь

проговорили, а утром полк стрелецкий маршем на столицу выступил. За ним пустой обоз тянулся. Все оставшиеся припасы Фёдор новому воеводе передал.

За четыре дня полк дорогу одолел. Расположив стрельцов в воинской избе и отдав распоряжения сотникам, Фёдор поспешил в свой дом, к семье. Соскучился по жене и сыну.

Две недели отдыха пролетели быстро. В полку дел полно – жалованье получить, «огненные припасы», проследить, чтобы лошадей подковали, упряжь починили, да форма у стрельцов поизносилась, поменять надо.

Утром из дома уходил рано, приезжал поздно, уставший. Поужинав домашней едой, по которой соскучился, спать ложился. Не отдых получился, а сплошная суeta и заботы.

Полк выступил вовремя, всю дорогу его преследовала непогода – ветер, дожди. Фёдор предполагал – готовится новый поход на Литву, но ошибся.

Василий, Великий князь московский, был ещё большим деспотом, чем его отец. Не зря Иван III получил прозвище не только Сутулого, но ещё и Грозного, как в последующем его внук. Василий считал, что великокняжеская власть ничем и никем ограничена быть не может – ни церковью, ни боярской думой. Он всячески ограничивал и урезал права бояр и думы, вмешивался в дела церковные, поддерживая иосифлян. Но хитёр был и планы строил долгосрочные, выжидая удобный момент, в чём превзошёл отца.

Полк Фёдора простоял в Пскове почти полгода. Стрельцы от семей оторваны, от своей дислокации. Безделье разлагает, это Фёдор твёрдо знал. Потому выводил полк за город, устраивал стрельбы. Но в январе 1510 года пригодились другие качества. Царь Василий к январю прибыл в Великий Новгород. Туда же вызвал из близкого Пскова посадника и купеческих старост, с которыми приехали и знатные псковские люди. Псковичи – посадник и старосты кончанские и купеческие, всего 9 человек, были сразу обвинены Великим князем в неуважении к своей особе. Василий не слушал оправданий и посадника, и старост велел казнить, что и было выполнено 9 января. Знатные люди псковские обеспокоились. Ехали они в Великий Новгород царю жалобы на утеснения подать, справедливости просить, а попали в оборот, самим бы в живых остаться. Псковичи на коленях умоляли Великого князя взять их в вотчину. Василий согласился, но поставил многие условия – отменить вече, снять вечевой колокол. Испугались псковичи, многие помнили, что точно так же действовал отец Василия, Иван, в Великом Новгороде. А отступать поздно, да и

невозможно, в Пскове уже стоят великокняжеские полки. Января 13 дня вечевой колокол был снят в Пскове и отправлен в Великий Новгород, к князю Василию на показ. Государь с двором и многими ратными людьми, огромным санным обозом прибыл в Псков 24 января. А перед этим, в ночь с 20 на 21 января, в Пскове силами стрельцов и московских дружинников были схвачены и с семьями и небольшим скарбом отправлены обозами в московские земли триста знатных людей псковских. Списки заранее были составлены дворянами, желавшими жёсткой московской руки.

Фёдор только тогда понял, зачем его полк стоял в Пскове столь долго. При согласии псковичей отойти в вотчину московскую, как и произошло, стрельцы для арестов нужны и конвоирования в пути. А вздумай Псков держаться за вече и не признать над собой владетелем государя московского Василия, полки должны были подавить «бунт». Все возможные варианты Василий продумал и учёл. Мало того, сразу после приезда в притихший Псков тут же раздал своим служилым дворянам дачи, изъятые у изгнанных людей. Так бесславно исчезла с русской земли последняя республика.

Фёдору дача не досталась, чином не вышел, хотя выслугу имел приличную, тридцать девять лет государству служил, уже и седина начала пробиваться в бороде и волосьях на голове.

А ныне ехал зимней дорогой во главе огромного обоза. Каждой семье переселенцев двое саней выделяли. На одной семья, на другой барахлишко. Триста семей, шестьсот саней. Да ещё стрельцы и их обоз. Вот и получалось, что Фёдор от головы обоза конца не видел. И ехал он не весел. Приказание государя исполнил в точности, одного понять не мог – в чём вина псковичан? Если виновны в измене, чего не было, так судить. А коли вины нет, зачем переселять, у всех семьи. Бабы и дети малые при чём? Но о мыслях своих крамольных молчал, иначе можно и языка лишиться, а то и головы. Крут государь был, без вины неугодных казнил, опале подвергал. Потому Фёдор своё мнение даже супружнице по приезде не сказал. Бабы болтливы, скажет соседям или родне, боком выйдет. После женитьбы Фёдор осторожен стал не только в действиях, скажем – в сече, но и в словах. С начальством не лебезил, но и слова против не говорил. Видел – не все сотники, не говоря о более высоких чинах, от старости в своей постели помирали. Казалось ему или правда, но при Великом князе Иване свободнее дышалось и жилось легче.

По морозцу в Москву вернулись, Фёдор задержанных псковичан сдал по списку, полк в воинскую избу вернул, сам домой вернулся. Устал сильно, морально и физически, всё же годы своё берут, не мальчик. За завтраком на

сына посмотрел. Как-то незаметно вырос парень. Усовестился Фёдор. Сына видел наездами, а всё служба. В его возрасте он уже новиком в княжеской дружине был.

– Пётр, пора тебе определяться. Хочешь – в свой полк новиком возьму?

Жена Авдотья руками всплеснула:

– Да ты что, муженёк? Часто ли ты со своей службой дома бываешь? Не увидел, как единственный сын вырос. Он уж давно Ефиму Кузьмичу в лавке помогает.

Сын у Фёдора был один, других детей Господь не дал. Впрочем, у Великого князя Василия ещё хуже. Государству наследник нужен. Василий Третий женился на Соломонии Сабуровой, выбрав её из полутора тысяч девиц на выданье. А брак оказался бесплодным. Василий надавил на митрополита, и Собор добился развода с бесплодной женой в 1525 году. А на следующий год венчался с Еленой Глинской, дочерью литовского князя Василия Львовича Глинского, перешедшего со всем кланом Глинских на службу московскому царю. Только через пять лет родился сын, наречённый Иваном, ставший затем Иваном IV Грозным.

– Купцом хочешь стать? – удивился Фёдор.

– По крайней мере, всегда дома будет, при семье, не как ты, седина уже, ранен не раз, а что нажил? – ответила жена.

М-да, в самое больное место угодила. Фёдор до недавнего времени считал самым достойным, мужским делом – ратником быть. На его глазах небольшое Московское княжество превратилось в огромное государство и в первую очередь благодаря войску, таким ратникам, как он. Вот только последний поход в Псков поколебал устои, веру в избранность, в справедливость Великого князя.

Крякнул Фёдор. Получается – права супружница. Ну что же, выбрал сын другую стезю, пусть занимается, он перечить не будет.

– Получается ли? – только и спросил у сына.

– Дедушка Ефим Кузьмич всему учит. Я вроде приказчика у него в лавке.

– А лавка-то где?

– На Сретенке. Дедушка-то уже стар, дело мне передать хочет.

– Похвально.

Вырос парень, дело себе выбрал по душе, и отец ему не пример. Досадно Фёдору. Но, подумавши, выбор сына одобрил. Вот уйдёт он со службы по возрасту или подвинет с поста кто-нибудь из бойких дворян, коих при дворе много появилось, что тогда? Кто кормить будет? Ох, зря у

Великого князя в Пскове дачу не попросил. Пусть небольшую, в одну деревеньку, да с холопами. Ежели дела рачительно вести, не то что в убытке, с хорошим достатком будешь. Конечно, дело купеческое тоже рискованное, в один момент прогореть можешь. И такие примеры он знал, так там невезение, случай. Через две избы такой несчастный жил. Купец средней руки, своё судно имел да небольшой соляной промысел за Устюгом. А судно возьми да и на бревно-топляк наткнись. Ко дну пошло, только один кормчий и спасся. И разом всё благосостояние купчины рухнуло. Фёдор в тайничок залез, деньги пересчитал. Негусто за трудную и рискованную жизнь нажил, пятьсот рублей серебром. Хотя как посмотреть. Хорошая корова рубль стоит, верховая лошадь от двух до пяти рублей. К сыну подошёл, о деньгах пока ни словечка.

– А не купить бы тебе свою лавку, сынок?

– Лавку купить можно, да товарами её наполнить надо. Связи налаживать. А лучше помощников иметь надёжных. С подводой на Желтоводскую ярмарку послать. Там купил оптом за рубль, здесь продал за два.

Фёдор приуныл. Лавку купить, товары для торговли, тягловую лошадь с подводой, да помощника нанять.

– А ежели денег дам на открытие своего дела, сколько потребуется?

– Смотря чем торговать.

– Это уж сам решай. Но думаю – хлебом или солью. Без этого русскому человеку никак. Будь ты хоть босьяк, а как щи без соли хлебать? Или в деревне сальцо по осени посолить. Ты прикинь, сколько для начала надо?

– Я с дедом посоветуюсь, он в торговле дока.

И в самом деле Фёдор решил в долю войти, будет в старости копейка на кашу.

Как же потом Фёдор мысленно хвалил себя! Сын лавку купил и занялся торговлей мукой и солью. Начали с соли, людей набрали, купили тягловых коней и подводы, а в зиму сани пришлось покупать. Пошло дело, прибыль появилась. И снова наняли людей, купили лошадей и подводы. Из южных областей стали возить пшеницу и рожь, мололи на мельницах и продавали мукой, так выгоднее оказалось. Сын умел считать каждую копейку. Когда в 1515 году из-за неурожая в московских землях начался голод, семейство тягот не почувствовало. И хлеб на столе был, и соль. Цены тогда на зерно и муку взлетели втрое-вчетверо.

Но Фёдор смотрел на успехи сына со стороны и радовался. Стало быть, есть способности у человека. Сам же он тянул ратную лямку.

Государь никак не мог забыть про Смоленск. Отец его, Иван III, не смог у Литвы отбить, так он решил завершить начатое. Смоленск – исконно русский город. И язык русский, и вера православная. Что Иван III, что Василий были собирателями русских земель в одно большое и мощное государство, которому враги не страшны.

Первый поход состоялся в ноябре 1512 года. Продуман был воеводами и начался хорошо. Из Вязьмы, этого пограничного плацдарма, выступило войско во главе с князем И. М. Репней-Оболенским и конюшенным, боярином Челядиным. Им предписывалось взять смоленские посады, далее не задерживаться и поспешить к Орше и Друцку. К Орше выдвигались из Великих Лук полки князей Одоевского и Курбского, а также новгородские и псковские пищальники. Эти передовые отряды должны были пройти по окрестностям Смоленска, очистить их от вероятных отрядов противника, а потом прикрыть с запада, чтобы Смоленск не смог получить военную поддержку от Сигизмунда. Свою задачу полки выполнили. К тому же, чтобы отвлечь внимание и силы Литвы, из северских земель войско под командованием Василия Шемячича совершило стремительный рейд на Киев и сожгло городские посады.

Великий князь с выступлением основного войска медлил. В октябре крымчаки напали на Рязань и осадили её. Войском татар руководил Бурнаш-Гирей, сын Менгли-Гирея. И было непонятно, куда повернут после Рязани татары. Рязань устояла, татары взяли полон, сожгли городские посады и ушли на юг. Получив об этом известие, 19 декабря московские войска выступили в поход. С войском шёл сам Великий князь Василий, главным воеводой был Даниил Щеня. С Василием ехал его брат, Дмитрий Жилка, этот неудачник и бездарь. В войске, узнав о присутствии Жилки, приуныли, слухи пошли о возможной неудаче.

Полк Фёдора тоже шёл в этом походе. Полки великокняжеские прибыли в Можайск 28 декабря, где к ним присоединились рати из Дмитрова, Волоколамского и Городца. Войско получилось огромным, Василий выглядел довольным, особенно ласкали его взгляд пушки. Как он полагал, были учтены все недочёты предыдущих походов. Даже обоз был велик, и армия не должна была страдать от недоедания. В начале января русское войско подошло к Смоленску, осадило его. Уже на следующий день пушки начали непрерывный обстрел. Калибры у пушек большие, ядра сокрушали могучие дубовые стены, выбивая большие куски дерева. Ратники потирали руки. Ещё несколько дней обстрелов, и стены рухнут. Тогда город не устоит перед штурмом. В полках готовили фашины – связки из хвороста, дабы ими завалить рвы вокруг стен. А утром ратники

удивились. За ночь смоляне успели восстановить все повреждения.

Обстрелы из пушек стали ежедневными, и столь же упорно жители восстанавливали повреждённые стены. Воевода смоленский Юрий Глебович старался продержаться до подхода литовской рати, подмоги от Сигизмунда, но она не пришла. Великий князь оказался в трудном положении. Шесть недель его армия безуспешно стояла у города. Припасы провизии таяли, подходил к концу порох для пушек. Уже понятно было всем – и Великому князю, и рядовому ратнику, что город не взять. Тем более в феврале ударили сильные морозы, снегу намело много. Василий принял единственно верное решение – снять осаду и вернуть войско на тёплые квартиры. Армия московского государя двинулась на свою землю. В Вязме, на литовской границе, был оставлен Большой полк во главе с Даниилом Щеней. Остальные рати в начале марта 1513 года вернулись в Москву. Ратники между собой обвиняли Дмитрия Жилку в неудаче, хотя его вины в нынешнем походе не было.

Через несколько дней после возвращения Великий князь собрал совет. После обсуждения было решено этим же летом вновь двинуться на Смоленск.

Поход состоялся 14 июля. Полки из Москвы двинулись к Вязме, соединились с Большим полком и направились к Смоленску. Ныне обоз был значительно меньше, не везли сено и зерно для прокорма лошадей. Лето выдалось благополучным, травы стояли обильные, по пояс. Сам Василий до Смоленска не дошёл, остановился в Боровске. Смоленск был окружён, воеводы, как и в зимнем походе, приказали начать обстрел городских стен из пушек. Орудия грохотали целыми днями, пороховой дым затянул позиции русских войск. На этот раз учли ошибки, почти всю тяжёлую артиллерию расположили в одном месте. Ядра крушили дубовые стены, но смоляне за ночь восстанавливали разрушенное. В один из дней наместник смолян решил дать бой. Внезапно открылись ворота, из города начала выезжать конница. Выступления смолян никто не ожидал. В русском войске тревога, суeta. Пушки смолкли, их прикрывала сотня всадников и стрелецкий полк Фёдора. Пушкарки спешно грузили орудия на подводы. Исход предстоящей атаки смолян непредсказуем, а за утрату пушек государь спросит строго. Фёдор приказал полку строиться в три шеренги, что и было исполнено. Фёдор оборачивался назад с тревогой. Успеют ли русские рати выстроиться в боевой порядок? Войско смоленское тоже теряло время, выстраиваясь для атаки.

Крупного калибра осадные пушки хороши для сокрушения неподвижных целей и непригодны для отражения атаки кавалерии. Но

пушкари действовали быстро, успели вывезти с поля боя все осадные орудия. Теперь получалось, что впереди строящейся русской рати стоял стрелецкий полк. Не было такого допреж. Стрельцы «огненного боя» обычно ставились по флангам, прикрывая их. Фёдор приказал зажечь фитили. Над стрельцами поплыл сизый дымок.

Всадники литовские выстроились первыми, начали разгоняться для атаки.

– Целься! Пли!

Прозвучал залп.

– Вторая шеренга – вперёд! Пли!

Ещё залп.

– Третья шеренга – вперёд! Пли!

После третьего залпа Фёдор отдал уж вовсе редкую команду:

– Налево и бегом марш!

Надо было срочно освободить пространство для атаки своей конницы. Сейчас полк мешал русским и сам подвергался опасности быть уничтоженным. Пищали разряжены, стрельцы пеши, без коней, представляют лёгкую добычу. Но три залпа всем полком сделали своё дело. Даже если половина выстрелов достигла успеха, потери смолян были велики. Поражённые пулями лошади сбивали строй, не давали разогнаться. Да ещё многие всадники убиты или ранены. Полк Фёдора своей стрельбой сбил наступательный порыв смолян и позволил выгадать немного времени русским.

А уже слышен конский топот сотен, тысяч коней слева. Повернул голову Фёдор – конная лавина несётся. Стрельцы успели в последний момент убраться с пути. Конная лава, разогнавшись, уже не может повернуть или остановиться.

Конная вылазка смолян – решение чрезвычайно смелое и рискованное. Ведь численность русского войска в несколько раз превосходит смоленскую, и если русские оттеснят смолян в сторону, то отрежут им путь отступления в город.

Конница противоборствующих сторон столкнулась, сеча началась страшная. Со стен города за боем смотрели пешцы и городское ополчение, за русскими смотрели и поддерживали наши пешцы, пушкари, обозники.

Фёдор ситуацию с уязвимостью смолян просёк. Скомандовал стрельцам:

– Заряжай!

Когда все исполнили команду, повёл их за собой, забирая левее, обходя дерущихся. Он полагал подобраться поближе к открытым воротам города.

Повезёт – захватить, в худшем случае нанести защитникам значительный урон, когда смоляне будут возвращаться. В победе русских Фёдор не сомневался, слишком велик перевес. Но полк его добраться до ворот не успел. Смоляне, неся большие потери, стали пятиться, а потом вовсе побежали. Фёдор приказал остановиться, строиться в шеренги, а стрелять команды не дал, слишком далеко, шагов четыреста-пятьсот. На такой дистанции пули теряют убойную силу, и стрелять – попусту жечь порох.

За смолянами неслись русские, задумав ворваться в город на плечах отступающего противника. Но горожане, впустив большую часть своей конницы, ворота заперли. Тех всадников, что не успели укрыться за стенами, русские добили или взяли в плен. Со стен городских стали стрелять из луков, палить из малых пушек и пищалей. Русские во избежание потерь отошли от города на безопасное расстояние. В войске Василия радостное возбуждение, смолянам нанесён серьёзный ущерб в людях. Воевода Даниил Щеня послал к Великому князю гонца, и через несколько дней Василий сам прибыл к Смоленску. К сожалению, дальнейшая осада успеха не принесла. Горожане заделывали пробоины в стенах, а воевода смоленский Глебович вылазок больше не предпринимал.

Опустошив окрестности города, войско Василия сняло осаду и в начале ноября возвратилось в Москву. Царь был вне себя от злости. Ни отец, ни он не могли покорить Смоленск. Василий ушёл вовремя. Сигизмунд за четыре недели осады Смоленска успел собрать 30-тысячную рать и готовился идти к Смоленску. А ещё с наступлением осени «подоспели дни студёные, а корму конского скудно было», как писал монах, автор «Повести о Смоленском взятии».

И Сигизмунд, и Василий понимали, что уход русских войск – это только передышка. Напряжение между Литвой и Москвой нарастало. Мелкие стычки на границе, слухи о насильственной смерти в Литве вдовствующей великой княгини, сестры Василия, Елены Ивановны и отказ Москвы выдать Литве князя Михаила Глинского, устроившего в 1507–1508 годах мятеж, а также заключение Литвой союза с Крымом против Москвы разрядке не способствовали. Кроме того, Великий князь считал Смоленск своей вотчиной, поскольку смоленский князь Юрий Святославич после захвата его града и земель бежал в Москву и принял над собой руку Великого князя и крест на том целовал.

Сигизмунд поход Василия ожидал, но не так скоро. Он успел снабдить гарнизон порохом в достаточном количестве и пищалами. Кроме того, заменил воеводу, им стал Юрий Сологуб.

В феврале 1514 года Великий князь решился на новый поход на

Смоленск. Через Михаила Глинского из немецких земель были приглашены несколько наёмников, в том числе опытные пушкарки во главе со Стефаном. Чтобы обезопасить себя от вероятного нападения крымчаков, заранее отправили полки в Рязань, Серпухов и на Угру. А ещё пять полков отправили в Тулу. Не случись нападения, они могли быстро быть переброшены под Смоленск. Так же были приняты меры обезопасить русское войско от удара с запада ратью Сигизмунда. Новгородским наместникам Василию Шуйскому и Ивану Морозову приказали идти 7 июня на Оршу.

В начале июня во главе малой рати к Смоленским посадам подошло войско Даниила Щени. Пока ратники возводили туры и рогатки, Михаил Глинский начал вести тайные переговоры со знатными смоленскими людьми, склоняя их к сдаче города.

Сам Василий с братьями Юрием и Семёном выступил с большим войском из Москвы 8 июля. Войско было велико, до восьмидесяти тысяч. В их основе было две тысячи служилых татар и огромный обоз с «пушками великими». В середине июля войско подошло к Смоленску, окружило город плотным кольцом, чтобы мышь не проскочила, не то что посольный к Сигизмунду. Василий распорядился поставить шатры для себя и приближённых в виду города, чтобы самому наблюдать за осадой и штурмом.

После возведения укрепления 29 июля начался обстрел города из осадных орудий, в чём немало преуспел Стефан. Наёмник-пушкарь точно клал в цель одно ядро за другим. Стены города представляли тогда дубовые срубы, на манер избы сложенные, внутрь засыпалась и утрамбовывалась земля, а снаружи дубовые брёвна обмазывали толстым слоем глины от поджогов. Но ядра из «великих» пушек крушили прочный сруб. Пушки стреляли с утра до вечера. «...заколебалась земля и друг друга не видели, ибо весь град в пламени и дыму вздымался. И страх великий напал на горожан, и начали из града кричать, чтобы Великий государь пожаловал, меч свой унял, а бою велел перестать, и они хотят государю бить челом и град сдать».

Сто сорок пушек сделали своё дело, над воротной башней выбросили белый флаг. Смоленский наместник Юрий Сологуб и местный епископ Варсонофий пришли в шатёр Великого князя просить о перемирии. Василий Иванович потребовал сдать город. Сологуб просил дать один день на размышления и переговоры с князьями смоленскими и боярами. Василий Иванович отказал, и на следующий день пушечный обстрел продолжился. Простой люд собрался на площади и стал требовать сдачи

города на милость московского князя. Под давлением и угрозами ночью открыть ворота власть имущие согласились сдать город. В Смоленск отправились для обсуждения условий сдачи сын боярский Иван Шигона-Поджигин и дьяк Иван Телешов. Государь московский пообещал в случае сдачи города отпустить всех воевод и ратных людей, кто не пожелает пойти на московскую службу. Бояре и князья, хоть и нехотя, 31 июля отворили городские ворота, пошли к шатру Великого князя челом бить и крест на верность целовали. Юрий Сологуб, а вместе с ним до сотен разного чина ратных людей присягать Москве отказались и были отпущены. По прибытии в Литву Сологуб был обвинён в сдаче крепости без боя и казнён.

Василий Иванович распорядился войти в город с частью войска Даниилу Щене и велел всех людей смоленских к целованию привести. После молебна, совершённого епископом Варсонофием, люди клялись в верности московскому государю и крест на том целовали. Смоленск почти на сто лет стал русским. Позже, в 1522 году, при подписании перемирия, Литва признала принадлежность Смоленска Москве. Город был снова захвачен поляками в период Великой Смуты.

На радостях по взятию Смоленска по возвращении в Москву на месте сбора большой рати перед походом Великий князь основал Новодевичий монастырь.

Почти сразу после сдачи Смоленска Москве присягнули Мстиславль, Кричев и Дубровна. Михаил Львович Глинский, перейдя на сторону Москвы со своим кланом после мятежа 1507–1508 годов, получил на кормление в московских землях два города – Ярославль и Боровск. После взятия Смоленска князь рассчитывал получить город в свой удел, но Василий Иванович отказал. Глинский обиделся. Как так? Он способствовал – выписал наёмников-пушкарей, подговаривал знатных людей города к сдаче, и вдруг отказ? И Глинский предал снова.

После взятия Смоленска Великий князь повелел продолжать военные действия. На Оршу пошёл отряд Михаила Глинского, на Борисов – Михаила Голицы-Булгакова, на Друцк – его брата Дмитрия Булгакова, на Минск – Ивана Челядина. Когда войско Глинского подошло к Днепру, к Михаилу Булгакову прибежал один из доверенных слуг Глинского, сообщил, что Михаил Львович переписывается с Сигизмундом. Михаил с сотней ратников помчался к Глинскому, который уже собрался бежать, бросив своё войско. Михаила Львовича схватили, под сильным конвоем отправили к Смоленску, к Великому князю. Глинский на допросе отпираться не стал, да и бесполезно, при нём нашли письма к Сигизмунду. Князя заковали в железо и отправили в Москву.

Великому князю бы остановить наступление, вернуть отряды Челядина и братьев Булгаковых, ведь Сигизмунд через предателя Глинского узнал о маршрутах, численности отрядов, поставленных им задачах. Василий Иванович совершил ошибку, не отменив своё приказание о походе.

Глинский в темнице оставался долго. В 1526 году Василий Иванович женился во второй раз, на племяннице Михаила Глинского, Елене Васильевне. Молодая княгиня через год смогла выхлопотать у правящего супруга для дяди свободу под поручительство многих бояр и пять тысяч рублей, сумму по тем временам огромную. В 1530 году Михаил уже ходил воеводой казанским, после смерти Великого князя в 1533 году Глинский вошел в опекунский совет при малолетнем Иване, в котором были оба брата Василия и двадцать бояр. Вдовствующая Великая княгиня сыном не занималась, завела любовную связь с конюшим, боярином Иваном Фёдоровичем Овчиной-Телепнёвым-Оболенским. Михаил Глинский прямо обвинил Елену Васильевну в неподобающем поведении, за что его бросили в тюрьму, где он и умер через год.

Сигизмунд собрал сильное войско, 14 тысяч польской тяжёлой конницы, три тысячи польской пехоты, две с половиной тысячи наёмников и ополчения шестнадцать тысяч. Поляками командовал гетман Ян Свирщевский, наёмниками Войцех Самполиньский, а литовцами Константин Острожский и Ежи Радзивилл. Войско пошло от Минска к Борисову. Сигизмунд надеялся, что Глинский без боя сдаст свой отряд. При поляках множество пушек, наёмники имели аркебузы и пищаля, а конница – латные доспехи максимилиановского типа. Воины отрядов русских – Челядина и братьев Булгаковых – были вооружены легко: луки, сабли, шестопёры. Огнестрельного оружия – пушек, пищалей не имели.

Польско-литовское войско 24 августа перешло реку Березину, сбило сторожевой дозор русских на реке Бобр. Гонец из дозора успел предупредить воевод о приближении противника. Русские отошли на левый берег Днепра и встали на реке Крапивне, между Оршей и Дубровно. Константин Острожский стал вести переговоры с русскими воеводами, на другом берегу Днепра стояли московские ополченцы. Между тем поляки немного выше по течению возводили мост через Днепр для переправы артиллерии и конницы. Острожский затягивал переговоры, чтобы поляки успели завершить строительство. В ночь на 8 сентября поляки переправили пушки, пехоту и конницу. Утром Острожский уже выстроил на поле войско в две линии. В первой – конница, во второй – пехота, пушки спрятали в ельнике.

Русское войско выстроилось в три линии. Бой начался атакой полка правой руки под командованием Михаила Булгакова. Атака сначала развивалась удачно, погибли знатные польские паны – Ян Заборовский и барон Слуцкий.

В контратаку пошла тяжёлая польская конница Януша Сверчовского, и атака русских захлебнулась. Челядин смотрел на бой со стороны и Булгакову не помог, старая зависть помешала.

Челядин ввёл в бой основные силы. Литовцы стали отступать, причём преднамеренно, продуманно втягивая русских в узкое место между оврагами и ельником, под пушки. Засада полякам удалась. Множество пушек открыли огонь и расстреляли русских. Избиение русской рати завершила польская тяжёлая конница. Уцелевшие русские полки обратились в бегство, но значительная их часть оказалась прижата к берегу Крапивны, где понесла огромные потери. В плен попали 611 человек только знатных людей – бояр, детей боярских. В их числе И. Челядин, Булгаков-Голица, Пронский, И. С. Семитно-Ярославец, Сивиндук-мурза, Борис и Пётр Ромодановские, К. Д. Засекин, Пётр и Семён Путяшичи, Борис и Иван Стародубские, Данила Басманов, И. Колычев, многие другие. Счёт пленных простых ратников шёл на тысячи.

Василий Иванович пленных на произвол судьбы не бросил. С 1522 по 1538 год через послов вёл переговоры с Сигизмундом по обмену «всех на всех», поскольку после литовских походов у русских было много пленных. Сигизмунд отказался. И только в 1552 году удалось обменять тех, кто дожил. Вернулись немногие. Например, Булгаков-Голица провёл в темнице 38 лет, не сломился, вернулся стариком. Приняв схиму, последние годы жизни провёл в Троице-Сергиевом монастыре, где умер 6 августа 1554 года.

Когда к Великому князю под Смоленск добрались первые ратники из разбитых под Оршей отрядов и сообщили о полном разгроме 12-тысячной русской рати, в войске случилось уныние. Многие воины имели в разгромленном отряде родственников и знакомых. Да и что сказать, польско-литовское войско превосходило отряд Челядина – Булгакова в три раза и имело пушки.

После совета с воеводами Василий Иванович решил открытого боя в чистом поле не принимать. Он с основным войском и Даниилом Щеней вернулся в Москву, оставив в Смоленске сильный гарнизон во главе с Василием Шуйским. Городу был оставлен запас продовольствия, пушки и огненный припас. Узнав о поражении русских под Оршей, вновь перекинулись к Литве Кричев, Мстиславль и Дубровно.

Полк Фёдора в Москву не вернулся. Великий князь распорядился остаться в Смоленске. Предвидя осаду города польско-литовским войском, горожане укрепляли стены, делали запасы провизии. И поляки с литовцами не заставили себя долго ждать. Буквально через неделю после ухода московской рати объявились под стенами.

Горожане и ратники уже успели отремонтировать стены, разрушенные местами пушками московского войска. Когда появились под стенами поляки и литовцы, штурмовать не стали сразу. Подъезжая к стенам, кричали:

– Сдайтесь на милость Жигмунта!

Поляки называли Сигизмунда по-своему, по-польски.

– Откройте ворота! Мы возьмём в плен русских ратников, а жителям король дарует своё благословение и милость!

Василий Иванович после сдачи Смоленска тоже явил милость. Боярам подарил богатые собольи и бобровые шубы, никого не казнил, не урезал в правах. Горожанам раздали деньги, отрезки тканей. С боярами и знатными людьми подарки царские сыграли злую шутку, натолкнули на крамольные мысли. Коли русский царь после сдачи города отнёсся благосклонно, то и недавний властитель города не накажет, не обидит. Того же мнения придерживался епископ Варсонофий, фактически идейный вдохновитель заговора.

Фёдор, проходя по торгу, услышал, как один из мужей городских, явно человек не бедный, судя по солидной золотой цепи на шее, вещал:

– Мы натерпелись страху и нужды, когда город осадил московский государь! А открыли ворота, сдали город, и никто не пострадал. Надо и сейчас открыть город для войска Жигмунта.

Очень кощунственной показалась эта речь Фёдору. Он спросил у мужа по соседству, судя по одежде – мастеровому.

– Это кто такой?

– Купец Зотов, кровопийца известный!

И сплюнул под ноги. Фёдор насторожился. Можно задержать болтуна, но никаких доказательств нет. Решил последить. Покричав ещё немного, побаламутив народ, Зотов отправился восвояси. Не сторожился, не оборачивался, хотя Фёдор в десяти шагах следом шёл. Зотов дошёл до церкви, внутрь нырнул. Фёдор следом. Зотов разговаривал со священником. Это был Варсонофий, Фёдор его узнал, видел, как он молебен читал совсем недавно, первого августа. Э, да получается настоящий заговор! Немедля Фёдор направился к воеводе, наместнику смоленскому Василию Шуйскому.

– А, стрелецкий голова! Садись. Что за нужда привела? Али пороха не

хватает?

– Другое, князь! Заговор зреет! – выпалил Фёдор. Благодушный при встрече, Василий переменился в лице, взгляд жёстким стал.

– Кто? И как узнал?

Фёдор рассказал подробно. Князь задумался, потом распорядился:

– Посиди.

Вернулся с невзрачным человеком в гражданской одежде.

– Перескажи ему всё, так же подробно.

Фёдор повторил рассказ.

– Что скажешь, Матвей?

Фёдор никогда прежде Матвея в войске не видел, предположил – пыточных дел мастер, либо дьяк Разбойного приказа. Да засомневался зря. Князь сказал:

– Ты, Фёдор, большую услугу оказал. И не напраслину на Зотова возвёл. Если что ещё узнаешь, сразу Матвею сообщи. Засим – некогда мне.

Князь встал, Фёдор с Матвеем откланялись, вместе вышли. Матвей сразу сказал:

– Пойдём, покажу, где обитаю. В случае чего там сыщешь меня.

По дороге Матвей рассказал, что и среди простолюдинов разговоры о сдаче города ведутся, только причины другие.

– Говорят, что убоялся царь Василий Сигизмундова войска, потому ушёл, бросил город на растерзание. А коли так, зачем животы класть за слабого государя.

– Хм, ежели рассудить, будучи горожанином, вроде всё верно.

Матвей глянул из-под бровей остро, аж мурашки по спине у Фёдора пробежали. Ох, не хотел бы он попасть в руки этому Матвею. Дошли до деревянной избы с поверхом, у ворот подворья караульный.

– Вот мои владения. Не позже как сегодня с Зотовым в подвале поговорим с пристрастием. А ты заходи, как новости будут.

– Прощай, желаю удачи! – попрощался Фёдор.

Глава 9

Смоленск

Поляки город не штурмовали, а зачем, если горожане сами ворота в нужный момент откроют? Фёдор теперь точно знал, чего ждёт Константин Острожский. Шуйский после известия Фёдора усилил караулы на стенах, а также у городских ворот.

Заговорщики могли ночью попытаться открыть их. Видимо, Матвей со своими подручными хлеб свой даром не ел. Под пытками схваченные заговорщики выдавали сообщников, связь с литовцами. Ночью у участков стен, где редко стояли караульные, спускали на верёвочках послания и таким же путём получали. Способ старый, давно известный, но работающий.

Через неделю на площади глашатай объявил о раскрытии измены и предстоящей казни заговорщиков. Князь Шуйский, наместник Смоленска, имел право от имени государя московского вершить суд согласно Судебнику.

И воевода и наместник настаивали – повесить. Изменников, коих набралось немало, вывели на городские стены. Причём все одеты были в богатые шубы, дарованные Василием Ивановичем. Всем накинули на шею пеньковые верёвки и сбросили со стены. Так они и болтались на виду у поляков и литовцев.

Попритихли сразу горожане, почувствовали жёсткую руку московскую. И Острожский, гетман и воевода объединённого войска, понял, что заговор раскрыт и надеяться на сдачу города не следует. Не хотелось ему штурмовать знакомый город. Пушки у него есть, но потери горожан будут велики. Однако деревянные стены, выглядящие грозно и неприступно, в век пушек уже не служили надёжным укрытием. Разрушить их – лишь вопрос времени. Острожский не подозревал, что значительную часть пушек Великий князь оставил в городе. А огненного припаса полно, от государя московского и от Сигизмунда, который присылал порох и свинец перед появлением московской рати. Правда, наёмника-пушкаря, непревзойдённого Стефана, в городе не было, но и русские пушкари кое-чему у него научились.

Войско Острожского стало готовиться к штурму. Острожский в городе бывал не раз, хорошо знал укрепления. Воины его стали вязать вязанки

хвороста – заваливать рвы, делать лестницы. А пушки литовские начали обстрел. Однако калибр их был мал, в поход брали орудия полевые, а не осадные, ядра большого вреда стенам городским не наносили. Выбивали щепу, а большей частью из-за малого веса отскакивали от прочного дуба, оставляя вмятины. Русские какое-то время на пушечный огонь не отвечали, высматривали местоположение пушек, определяли дистанцию. А на второй день мощные пушки крепости накрыли огнём батареи войска Острожского. Для гетмана, знавшего о пушках через изменников, это был неприятный сюрприз. Горожане, видевшие пушки издали, не ведали о калибрах, да и число орудий было велико, почти вдвое превосходило таковую у литовцев.

Но уйти, не попытавшись отбить, вернуть крепость, не позволяла шляхетская гордость.

Атака состоялась. К городу побежали наёмная пехота и литовское ополчение. В руках держали вязанки хвороста, лестницы.

Защитники города видели приготовления, с утра заняли позиции на стенах. Фёдор расположил своих стрельцов через каждую пару саженей, а между ними ещё и лучники городские, и дружина Шуйского. Пушкарки зарядили пушки не ядрами, а свинцовым дробом и сейчас выжидали. Когда пехота подошла саженей на двести, пушки ударили залпом. Стена крепости окуталась дымом, а когда его снесло в сторону, защитники увидели множество убитых и раненых. Но пехота, подгоняемая десятниками и сотниками, продолжала бежать к городу. Лучники стали осыпать наступающих стрелами. По литовцам получалось удачно, а наёмники имели латные доспехи и стрелы большого ущерб не причиняли. Наёмники приободрились, начали победно вопить. И тут Фёдор сделал отмашку. До пехоты было саженей пятьдесят-шестьдесят, а пули пищальные были тяжелее стрел, мяти латы, сбивали с ног. Дистанция невелика, и промахов у стрельцов было мало. До городской стены добежали не-многие, штурмовать не решились ввиду своей малочисленности, повернули назад. Причём, убегая, не помогали своим раненым товарищам, бросая их на поле боя. Защитники города лихорадочно перезаряжали оружие. Если на пищали это проделать было относительно быстро, за минуту, либо немногим больше, то пушки требовали значительного времени. Для начала прочистить ствол банником от тлеющих остатков несгоревших пороховых зёрен или пыжей, засыпать шуфлой мерку пороха, прибить банником, затем забить пыжи, потом снаряд – ядро или дроб, ещё один пыж. На полку казённого подсыпать затравочного пороха, и только тогда пушка готова к выстрелу. Так ещё и навести на цель надо, раскалённый запальник поднести к пороху на полке. В общем, хлопотно, суетно и небыстро.

Все защитники ждали, что воины Острожского снова пойдут в атаку. Горели жаровни у пушек, грели запальники, тлели фитили на пищалях, но войско противника в этот день атаку не повторило. Видимо, потери были столь чувствительные, что надо было время для перегруппировки. А только подмоги не было.

На ночь на стенах остались усиленные караулы. Шуйский опасался ночной вылазки, но ночь прошла спокойно, как и последующий день.

Бросать всадников на крепостные стены бессмысленно, а пехота, понеся потери, геройствовать больше не желала.

Атака повторилась через несколько дней, прошла по такому же сценарию. Сначала обстрел города из пушек, ответная стрельба по польско-литовским батареям, причём довольно действенная. Затем атака пехоты, как и в предыдущий раз неудачная. Потеряв до половины численности, пехота отступила. Острожский, воевода опытный, ещё после первого неудачного штурма понял, что город имеющимися у него силами не взять. Но и уйти сразу после первой неудачи – значит навлечь на себя гнев короля. После победы над русскими под Оршей Острожский и так чувствовал себя победителем, надеясь на награды от Сигизмунда.

Через несколько дней лазутчики доложили воеводе Шуйскому, что обозы противника уходят. Вслед за обозами ушла пехота, последними снялась из-под Смоленска конница.

Посланные дозоры доложили воеводе, что Острожский ушёл. Да и куда было деваться гетману, когда начала портиться погода, со дня на день пойдут затяжные дожди и похолодает. Кроме того, большая рать израсходовала почти всю провизию.

Шуйский тут же отрядил в Москву гонца известить Великого князя, что выстоял Смоленск осаду и урон немалый войску Сигизмунда нанёс.

Сигизмунд же после победы под Оршей написал императору Священной Римской империи о полном разгроме войск московского государя, значительно преувеличив число убитых и пленённых русских. Победа Сигизмунда была тактической, но не стратегической, Василий Иванович сохранил основное войско, но письмо Сигизмунда сыграло роль, Максимилиан не стал подписывать с Москвой союзного договора, посчитав Москву союзником слабым. Сигизмунд войско по возвращении распустил. Невозможно держать армию в постоянной готовности, это требует больших денег.

А в 1515 году собрать её не смог, чем воспользовался Великий князь. Василий Иванович вновь послал войска на Литву. Уже 28 января 1515 года псковский наместник отбил Рославль. К Мстиславлю ходил отряд Б. И.

Горбатого и С. Ф. Курбского, к Белой и Витебску – отряд В. Д. Годунова, к Дорогобужу – Д. Щени. В феврале Василий Шуйский, сняв часть гарнизона из крепости, с отрядом лёгкой кавалерии прошёлся по литовской земле огнём и мечом, взял трофеи и пленных и без потерь вернулся в Смоленск. Вскоре его перевели в Великий Новгород. А полк Фёдора вернулся в Москву.

Между Литвой и Москвой в 1515 году происходили набеги, малочисленные, тактические.

Вернувшись домой после годового отсутствия, Фёдор увидел возмужавшего сына и постаревшую жену. Ему показалось, что времени прошло не так много, и был удивлён, хотя пытался не подать вида. Но когда сам, сходя в баню и одевшись в чистое исподнее, посмотрел на себя в зеркало в супружеской спальне, был неприятно поражён. В последний раз он видел себя в зеркале ещё перед смоленским походом. В боевой обстановке не до зеркал, нет их в армии. В зеркале отражался пожилой мужчина и вовсе не бравого вида. Выходит – лучшие годы позади? Видел он в армии мужей и постарше, но в основном это были воеводы, командующие полками. Среди рядовых ратников пожилые были в обозе, а ещё при пушках. Пожилой ратник в сабельном бою не сдюжит против молодого и сильного противника. Вздохнул Фёдор. Служба для него была всем, смыслом в жизни, а похоже – скоро придётся уйти на покой.

С утра, не завтракав, отправился в церковь, помолился святому Пантелеймону за удачное возвращение. Другим не так повезло, кто ранен, а кто и в плену. А плен – самое худшее, что может с ратником произойти.

После возвращения стрельцам выдали жалованье, полк приводил себя в порядок. Год стрельцы не покидали столицу. В 1516 году между Литвой и Москвой крупных стычек не было, отбивались от крымчаков.

Презрев все договорённости союзнические, Крым сначала отвернулся от Москвы, а затем и от Литвы. Татары крымские небольшими отрядами нападали на южные приграничные земли Московского и Литовского княжеств. Нападения типично татарские. Налетели, похватали трофеи и пленных и сразу назад, чтобы рать русская или литовская не догнала. Такие налёты сильно досаждали, оба государства теряли людей – убитыми и пленными, на этих землях некому было собирать урожай. Земли обезлюдели. Хуже того, приходилось отвлекать армию, дробить её на отряды, чтобы прикрыть опасные направления. Действия с обеих сторон стремительные, поэтому русские и литовцы не могли воспользоваться пушками, которые могли бы дать преимущество. Однажды летом рать под командованием Л. В. Горбатого подступила к Витебску. Осаждали недолго,

получив отпор от сильного гарнизона, ушли.

Предыдущий год, как и нынешний, случился неурожайным. То ливни и ветры, то засуха. Цены на хлеб взлетели в несколько раз. А за ними, как водится, поднялись цены на мясо и соль.

В один из дней сын вернулся домой в растроенных чувствах. Фёдор поинтересовался, что случилось.

– Строгановы открыли большие солеварные промыслы, скупили под Соль-Вычегодском почти все солеварни, цену диктуют.

Сын Пётр и так посылал подводы за хлебом в дальние края – в Вятку. Цена доставки получалась немалой, а ещё долго, поскольку далеко.

Осень и зиму стрелецкий полк провёл в столице, чему Фёдор и его семья были рады. Не каждый год такое случалось. Но уже по весне Великому князю лазутчики и торговые люди стали доносить, что татары крымские собираются идти большим войском на Московию. Царь распорядился воеводам Одоевскому и Воротынскому с ратями выступить на тульскую засечную черту. Самый прославленный из воевод Даниил Щеня по возрасту и болезням ушёл на заслуженный покой. Ратники в войсках сильно сожалели. Даниил был воеводой опытным и мудрым, зря не рисковал и выиграл в своей жизни много битв.

Огромные усилия, деньги и людские ресурсы потребовались Московскому государству, чтобы создать на своих южных рубежах крепкую оборону. Засечная черта объединилась в единую систему крепостей, застав, укрепленных городов, сооружений в виде валов, рвов, частоколов. Засечная линия тянулась на шестьсот вёрст в длину и до ста вёрст в глубину. Далеко в степь высылались передовые дозоры, чтобы вовремя предупредить о приближении врага. А по берегу Оки, на главном рубеже обороны, постоянно приходилось держать войска. Но укрепления тогда неприступны, когда на них есть достаточная сила ратников. Поскольку сил не хватало, приходилось маневрировать ратями, прикрывая в первую очередь опасные места – мосты, броды. Татары, идя в набег, всегда имели проводников, хорошо знающих местность. Крымские татары шли набегом по трём шляхам – Изюмскому, Муравскому и Кальмиусскому, а ещё двумя дорогами – Савинской и Ногайской. Все они шли к Оке, к Серпухову и Коломне. В этих городах московские государи держали сильные гарнизоны и войска для манёвра. Набеги татарские причиняли большой ущерб. Только в первой половине 16 века в плен было угнано 150–200 тысяч человек, а ещё угоняли скот – лошадей, коров, овец. Стариков убивали, а трудоспособных продавали на рынках Кафы. Русские невольники трудились во многих странах – Турции, Греции, Армении, Сирии, да где их

только не было. Поскольку Крымское ханство стало вассалом турецким, русские мужики были гребцами на галерах, служили янычарами, а женщины, которые красивы были, ублажали турок в гаремах. Другие же использовались на тяжёлых работах, и жизнь их в плену была незавидной и недолгой.

Полк Фёдора подчинялся воеводе Ивану Михайловичу Воротынскому. Род его происходил из князей Черниговских, поскольку владели городом Воротынском, от него получили фамилию. Один из первых «верховских» князей перешёл на службу московскому государю и уже с 1500 года участвовал в боях. Муж честный и храбрый, в 1521 году попал в опалу, якобы не выступил на помощь Бельскому во время похода татар на Москву. Освободился от обвинений только четыре года спустя. В период правления Елены Глинской и её фаворита Телепнёва-Оболенского к королю Сигизмунду бежали на службу князь С. Ф. Бельский и окольныйничий Лецкой. Воротынского вновь схватили как соумышленника, без суда сослали на Белоозеро, в Кириллов монастырь, где князь и умер в заточении через год. Данные ему на кормление и за заслуги обширные земли в Нижегородской губернии отошли к Великому князю.

Иван Михайлович, как воевода, сам указал Фёдору позиции полка немного южнее Тулы.

– Стой твёрдо, а как татары подойдут, шли гонца, моя ставка в Туле будет, – наущал князь.

Поскольку войско было велико, полку Фёдора достался относительно небольшой – в три версты – участок обороны. Причём и строить ничего не пришлось, как было на Малиновой засеке в своё время. Подправили только, где необходимость была.

Дозоры в степи впереди засек высылали еже-дневно. С восхода солнца и до полудня они скакали на юг, делали круг и к вечеру возвращались. Полтора месяца противника видно не было, потом сразу несколько дозоров из разных полков донесли воеводе, что видели дозоры крымчаков и облако пыли на горизонте. Конечно, если шли большим числом, всегда поднималась пыль. На Русь шёл двадцатитысячный отряд крымчаков. Казанских татар с ними не было. В 1516 году тяжело заболел и в походы не ходил и 8 декабря умер Мухаммед-Эмин. Казанцы стали просить Василия Ивановича отпустить хана Абдул-Латифа, находившегося в Московском государстве в заложниках по мирному договору.

Москва дала Абдул-Латифу на кормление Каширу. Пока Василий Иванович и боярская дума раздумывали, 19 ноября 1517 года Абдул-Латиф внезапно умер. Были подозрения, что его отравили сторонники крымского

хана, желавшего поставить на Казань своего ставленника.

Фёдор, как и положено было, направил в Тулу к Воротынскому гонца с известием о приближении крымчаков. Иван Михайлович в помощь прислал несколько тюфяков с обслугой. Князь и сам не знал, на каком участке засечной черты татары нанесут удар и попытаются прорваться. В войске Воротынского преобладала конница, но и она не смогла бы за день пройти семьдесят-сто вёрст, если бы татары надумали прорваться там, подальше от основной рати. Да и не могли ратники, измотанные долгим переходом, на взмыленных конях, сразу вступить в бой, отдых небольшой требовался и людям, и коням.

Обычно татары, ещё со времён Батыея, применяли излюбленную тактику: пускали вперёд небольшой отряд – сотню, две, три. Они завязывали бой, осыпая противника стрелами, нанося урон ещё до сабельной сечи. Когда враг кидался в атаку, отступали, противник кидался преследовать и попадал в ловушку. С двух сторон его зажимала основная рать и громила.

В этот раз тактика изменилась явно под влиянием османов. Татары решили пустить вперёд отряд, завязать бой, дать русским втянуться, получить подкрепление, а основной ратью ударить в стороне и прорваться. Своего рода отвлекающий манёвр. Мало того, применили хитрость. Для того чтобы малый, отвлекающий отряд приняли за основное войско, на запасных коней посадили соломенные чучела, набив соломой одежду. За каждым татаринком в походе, на привязи, шли две-три запасные лошади. Таким образом, зрительно со стороны одна сотня превращалась в три. Вот такая сотня налетела на позицию стрельцов. У Фёдора сначала заныло в животе, как увидел конницу. Но он стрелецкий голова и должен для стрельцов являть пример, а не показывать растерянность. Стрельцы до приказа прятались за турами. Это плетённые из хвороста прямоугольные фигуры, засыпанные землёй. За ними стрелы лучников обороняющимся не страшны. Татары с визгами и криками всё ближе. Сто шагов осталось крымчакам до позиции, лица татар отлично видны. Фёдор закричал:

– Целься! Пли!

Грянул мощный залп из множества пищалей. Передние татары упали, но конная лава продолжала накатываться. Что за диво? Пули должны были поразить не меньше половины степняков. Пищали разряжены, а времени перезарядить нет.

– Пищали отставить, сабли наголо! – скомандовал Фёдор.

И сам саблю выхватил. Подскакал татарин, да удивительно – без шлема, щита. Фёдор рубанул, а сабля легко перерубила тело, а из одежды

солома торчит. Обманка! Уцелевшие под огнём татары, коих немного осталось после зал-па, стали разворачивать коней. Свистом особым подозвали запасных коней с чучелами. Несколько минут, и татары исчезли, оставляя за собой въедливую пыль. Фёдор растерян был, как и другие стрельцы. Невиданное дело! Однако сразу приказал зарядить пищали. Вдруг татары вернутся, да уже не с чучелами в сёдлах, как тогда? Крымчаки сюда не вернулись, а атаковали ополчение пятью верстами правее. Успеха атака им не принесла, нарвались на пушки. Сразу же потеряли много всадников, а русская конница контратаковала. Сеча пошла упорная. Татары за трофеем пришли, за полоном, а русские защищали свои земли, свой народ, потому бились ожесточённо, не жалея живота своего. Полдня длилась битва, и много воинов полегло с обеих сторон. Мурзы татарские поняли, что, если бой продолжать будут, в Крым не вернётся никто. Сначала пятиться, отступать стали, а потом наутёк пустились. Русское войско князя Одоевского Василия Семёновича стало преследовать. Кони русские отдохнувшие, а татары с марша, оторваться не могли. Весь путь бегства татарского трупам степняков усеян. А кабы и не вечер, всех побили бы. Убрались татары, на обратном пути по рязанской земле прошли, сёла и деревни пожгли, людей в полон взяли, скот увели. Далеко гнали их русские, но уже рязанская земля пошла, над нею Василий Иванович не властен.

Утром сбор всех полковых начальников и воевод у Воротынского. Каждый докладывал о набеге – что видел, что предпринял. Фёдору скрывать нечего, всё обсказал, как было – про соломенные чучела. Засмеялись воеводы, подначивать стали, дескать – с огромными пугалами воевал, порох зря потратил. Воротынский смех и шуточки в адрес Фёдора прервал:

– Тихо! А до самих доведись? Или побежали бы, увидев рать большую? Я так думаю – на испуг брали, а основной отряд в другом месте прорывался. Прощу на будущее учесть.

А всё же прозвище обидное к Фёдору приклеилось – «соломенный боец». Впрочем, его довольно быстро забыли. Войско простояло до осени, в преддверии зимы ушло, кто в Серпухов, кто в Москву. А степняки в ноябре ещё один поход учинили, меньшими силами на Путивль напали. Отбил старинный город, татары по окрестностям прошли, разорили и ушли. Но под Сулой их настиг воевода Василий Шемячич и разбил.

Вскоре в Крыму начались междоусобицы и резня, следующие три года прошли без вторжения крымчаков.

Но военные действия на других рубежах русских продолжались. В

сентябре польско-литовская армия в десять тысяч воинов выступила из Полоцка. Во главе – заклятый враг Московии – Константин Острожский, литовцами командовал юный Радзивилл, а поляками Ян Сверчковский. Подступили к Опочке и 20 сентября начали осаду. Наместник города успел выслать гонцов в Великие Луки и Псков. Войско Сигизмунда 6 октября начало штурм города с пушечного обстрела, потом наёмная польская пехота на приступ пошла, с трудом отбилась гарнизон. На подмогу Опочке прискакали два отряда. Боярин Фёдор Телепнёв-Оболенский сразу напал с тыла на польско-литовскую рать, отбил обоз и пушки, отряд Ивана Лещего перекрыл пути отхода и завязал бой с идущими к Опочке литовскими подкреплениями. Разгром войска Острожского был полным. Бросив всё, литовско-польские остатки отступили в Полоцк. Крайне неудачный поход истощил и без того скромные людские и денежные ресурсы Литвы, они послали к Василию Ивановичу послов договариваться о перемирии. Единственным условием Литвы было возвращение захваченного Смоленска. Великий князь отказал, посольство литовское вернулось.

Московский государь хорошо понимал ситуацию. Литва уже не в состоянии вести большую войну, способна только на мелкие набеги. Между тем государство Московское обладало силами и ресурсами для войны.

Великие князья московские всегда с вождением смотрели на земли рязанские, богатые, плодородные, обильные лесом и зверьём. А более всего прельщало, что взяв Рязанское княжество, южные границы Московии отодвинутся от Москвы на многие сотни вёрст.

Первой попала под руку Москвы Коломна, город старый, основанный ещё в 1177 году. Собственно, и название Коломна происходило от рязанского «коломень» – граница, порубежье. В 1301 году Коломну захватил Московский князь Даниил Александрович. Город недалеко от Москвы стоял у слияния Москвы-реки и Оки, фактически перекрывая выход московскому княжеству к Оке и Волге. Это была первая территория из соседних, присоединённая к Москве. В 1385 году рязанский князь Олег Коломну отбил, но при посредничестве Сергия Радонежского город Москве вернули через несколько лет.

Следующую территорию – Муромское княжество присоединили к Москве в 1393 году. С тех пор граница проходила между Рязанью и Москвой по Оке и на востоке – Цне, правому притоку Оки.

Князь Великий Василий Иванович давно задумал распространить свою власть на Рязань. В Рязанском княжестве правила вдовствующая княгиня Агриппина именем своего малолетнего сына, была регентом. Василий Иванович оставлял в покое слабую княгиню и младенца,

поскольку войско его было занято войною то с Литвой, то с Ливонией, то с Казанью. Но сын Агриппины, Иван Иванович, вырос, вошёл во власть, захотел властвовать единолично, как его предки. И не нашёл ничего лучшего, как вступить в связь с ханом Крымским, желая жениться на дочери Менгли-Гирея, чтобы связать союз узами брака и получить военную помощь от Крыма. Василий Иванович узнал через дворовых людей рязанских о попытках Ивана, стал приглашать Ивана в Москву, для этого подкупили советника князя, знатного боярина Семёна Крубина. Иван Иванович поверил и вместе с матерью выехал в Москву. Не думал молодой князь рязанский, что Василий Иванович столь коварен и жесток. Великий князь обвинил Ивана в неблагодарности, в дружбе с злодеями крымскими и бросил в темницу, а мать его Агриппину сослал в монастырь. Случилось это в 1517 году, сразу после набега крымчаков на Московию. В 1521 году, когда татары снова напали на Московское государство, подошли к Москве, Ивану Ивановичу, пользуясь паникой в столице, удалось бежать в Литву, где он был обласкан и принят Сигизмундом. На кормление ему отдали местечко Стоклишки в Ковенском повете, где рязанский князь скончался в 1534 году.

Править Рязанью и княжеством стали московские наместники, а указ о вхождении рязанских земель в Московское государство Василий Иванович подписал в 1521 году. Но со знатными жителями рязанскими произошло ровно то, что и с новгородцами и псковичами. Жители славились воинским духом и суровостью. Чтобы мирно, без мятежей править, Великий князь многих переселил в другие области – под Устюг и Великий Новгород.

Великий князь был жесток и коварен не только с правителями сопредельных государств, но и к родным братьям. Опасаясь за престол, он запретил им жениться, дабы наследники не могли претендовать на московский трон, ведь брак Василия и Соломонии Сабуровой был бесплодным. При Иване III, отце Василия, Калуга отошла к Москве. В завещании Иван Васильевич отдал Василию 66 городов, а всем остальным сыновьям 30. Калуга, Бежецкий Верх и Козельск отписаны Семёну Ивановичу как удельное княжество, где он и правил с 1505 года. В 1518 году Василий Иванович пригласил братьев Семёна и Андрея на охоту, под Волок Ламский. Охота продлилась несколько дней, а сразу после возвращения Семён, прежде здоровый и молодой князь, внезапно умер. Бояре калужские прямо подозревали Великого князя в отравлении, но доказательств не было. Умер Семён, прожив 31 год, и упокоен в Архангельском соборе Кремля. Поскольку детей у Семёна не было, вымороченное княжество Василий Иванович присоединил к Московскому.

Сразу после смерти Семёна на Русь обрушились сильные ливни, шедшие без перерыва пять недель. Реки вышли из берегов, поля затопило, дороги стали непроезжими, и прервалось всякое сообщение между городами.

Полк Фёдора стоял в Москве весь этот и следующий год. Благо Москва стояла на холмах и во время непрерывных дождей вода стекала в реки и ручьи, но уровень воды в Москве-реке угрожающе поднялся. Фёдор с тревогой посматривал на воду. Его владение находилось недалеко от берега, в одном квартале, и он опасался, что вода подойдёт. Но Бог миловал, дожди прекратились, и уровень воды в реках пришёл к обычному уровню. Хуже было другое. Великий князь прекратил платить жалованье, ссылаясь на большие расходы и пустую казну. Собственно, ополчению он никогда не платил. Князья и бояре содержали свои рати сами. Но велико-княжеские полки жалованье получали прежде. Перерывы в выплатах были и при Иване Васильевиче, Фёдор это помнил. Но тогда он был молод, не обременён семьёй. Сейчас выручил сын, владевший лавками. Фёдор благодарил Господа и провидение за то, что Пётр стал купцом, а не воином. Впрочем, сын открыл дело на деньги Фёдора. За несколько лет деньги с лихвой отбились.

Непрерывные дожди дали и пользу, в Москве, большей частью деревянной, прекратились ежегодные пожары, которые были настоящим бичом столицы. Деревянные строения – дома, амбары, бани, конюшни настолько пропитались влагой, что Фёдор не припомнил за это лето ни одного пожара.

Несколько лет Фёдор провёл в тепле и уюте домашнего очага. Государство Московское, пока не было больших войн, окрепло, оживилась торговля с соседними странами. Меж тем враги Москвы не дремали. Когда ханом казанским стал Саип-Гирей, он заключил союз с братом своим, ханом крымским Магмет-Гиреем о выступлении на Москву. У Великого князя в Азове были свои доброжелатели и лазутчики, известившие его о намерениях братьев и получивших за это хорошие дары. А уже 10 мая Василий Иванович получил через гонца известие о выступлении крымского хана. То ли с гонцом припоздали осведомители, то ли специально сделали, но к тому времени крымчаки уже подходили к засечной черте рядом с Окой. Из Казани выступил с ратьёю Саип-Гирей, огнём и мечом прошёлся по нижегородской и владимирской землям. Князь московский не мог ничего противопоставить двадцатитысячному войску крымчаков и союзников, его войска находились в литовской земле, на порубежье. Вместе с крымчаками шли донские и днепровские казаки под началом атамана

Евстафия Дашковича и ногаи.

Великий князь выдвинул навстречу басурманам все силы, что находились в Москве, а сам трусливо бежал в Волок Ламский, бросив москвичей на произвол судьбы. Позже Василий Иванович оправдывался перед боярской думой – дескать, удалился, подобно Дмитрию Донскому во времена нашествия Тохтамыша.

Из Москвы вышли малочисленные отряды с воеводами Дмитрием Бельским и братом Василия Андреем Ивановичем. Бельский был человеком нерешительным, полководческими талантами не обладал. Да и долго не мог устоять четырёхтысячный отряд впятеро превосходящему врагу!

Полк Фёдора тоже выдвинулся. Конница была под рукой Андрея Ивановича, у Бельского – пешцы. Едва успели построиться на виду у татар, как басурмане кинулись в атаку. У русских ни пушек, ни заграждений, ни естественных преград вроде рек или оврагов. Стрельцы Фёдора успели сделать один залп и тут же были смяты, большей частью порублены. Конница русская дралась отчаянно, но быстро потеряла большую часть всадников и отступила. Против обыкновения, татары не преследовали и не попытались ворваться в близкую столицу, а кинулись брать пленных, и угонять скот, и грабить избы. Хан Магмет-Гирей остановился станом на реке Северке, а отряды его опустошили сёла Остров, Воробьёво, Угрешский монастырь и подходили к окраинам города, даже заходя в посады. Бой состоялся 29 июля. Смятение в Москве было ужасное, со всех близлежащих сёл собрались в столице жители, от Коломны и до Александровой слободы. От страшной тесноты в Кремле и Белом городе начали свирепствовать эпидемии. Жара, нехватка провизии и чистой воды, скопление людей способствовали этому.

Оставленный в Москве начальствовать крещёный татарский царевич Пётр и бояре обследовали военные запасы. Пушек, а главное – пороха оказалось столь мало, что о сопротивлении татарам думать было бесполезно. В таких обстоятельствах царевич решил вступить с Магмет-Гиреем в переговоры. В ставку крымского хана поехал Пётр в сопровождении бояр. Магмет-Гирей неожиданно легко согласился увести своё войско, если ему дадут письменное обязательство о выплате дани Великим князем, как раньше платили в Большую Орду. Хан был извещён дозорами, что из Великого Новгорода и Пскова вышла в сторону Москвы большая рать. Боя в поле с превосходящими силами он принимать не собирался. Письменное обязательство хану было дано, и он увёл войско. На обратном пути осадил Рязань, но город взять не смог. Тем не менее последствия нашествия были страшные, около полумиллиона человек были

угнаны татарами в полон. В течение трёх лет торговали русскими людьми на рынках невольников в Крыму, Армении, Турции. В 1480 году в Московском княжестве насчитывалось 2,1 млн податных душ, после присоединения Иваном Васильевичем и Василием Ивановичем – четыре миллиона. Удар для Московской Руси страшный в своей опустошительности. Многие лишились родни, семей, знакомых. На этом фоне отношение к Великому князю резко изменилось. Возглавь он сам войско и потерпи поражение, жители относились бы лучше – мол, звёзды так легли. А бегства забыть не могли долго, особенно бояре и знатные люди.

Когда в Москву вступила рать из западных земель во главе с Великим князем, восторгов не было. Люди старались при приближении Василия Ивановича уйти с улиц. Никогда ещё на памяти людской – при Иване III Васильевиче татары не подходили к Москве так близко.

Великий князь решил отомстить казанцам за унижение, стал готовить поход. Однако воевод подобрал неважных, трусоватых и нерешительных, того же Бельского. А у того после поражения панический страх перед татарами.

От бойни с татарами Фёдор сбежал в последний момент, когда почти весь его полк полёг, бестолково поставленный в первых рядах войска Бельского. Из стрельцов спаслись три десятка, да из них ранена половина. А пищали утрачены почти все. У кого пищали сохранились, практически к бою негодны. Стрельцы под сабельные удары подставляли пищали, ибо щитов стрельцы не имели. А в результате погнутые стволы, разрубленные ложи. Если ложу ещё можно заменить, то погнутый ствол – негодное для боя и ремонта оружие.

Пополнение набиралось с трудом, селения подмосковные, владимирские и прочие обезлюдели. Все новики сплошь парни молодые, деревенские, да и прибыло их немного – полторы сотни всего. Учить пришлось всему, для начала – где левая сторона, где правая, иначе перестроения делать невозможно. Пищали получили трофейные, из тех, что были захвачены в Смоленске, хранившиеся в арсенале. Фёдор сам лично принимал каждую пищаль и нашёл их пригодными. По качеству выделки они были даже лучше отечественных – изящнее, легче, с хорошим боем. Маршировали, выполняли ружейные приёмы – правильно зарядить, прицелиться. Сама стрельба началась значительно позже, когда привезли порох из Ярославля с пороховых мельниц. Первоначально парни выстрелов пугались, но попривыкли.

Плохо было с едой – урожай убирать на полях было некому. Татары

разграбили многие амбары, куда смогли добраться в посадах. Купеческие амбары для хранения запасов обычно ставились на окраинах города, в посадах, где земля подешевле, а ещё на берегах Оки и Яузы, чтобы с кораблей выгружать сразу в амбары. Тем не менее при всех стараниях Фёдора полк был укомплектован на четверть от списочной численности. В других великокняжеских полках ситуация была не лучше.

В августе в Москву приехали послы литовские – полоцкий воевода Пётр Станиславович и подскарбий Богуш Боговитинович и заключили с Василием Ивановичем перемирие на пять лет, без отпуска пленных.

Смоленск служил препятствием для заключения мира. Король Сигизмунд не хотел уступать город Москве, а Великий князь не соглашался отказаться от своей вотчины, возвращение которой составляло славу его княжения. Но перемирие с Литвой давало возможность князю перебросить войска на восток. А ещё и в Крыму произошли важные события. Магмет-Гирей, изрядно попугавший Москву, посадивший на ханский трон в Казани своего брата Саип-Гирея, поспешил исполнить своё давнее желание – захватить Астраханское ханство, самое маленькое. Хан её Усейн вёл переговоры через послов с Москвой о союзничестве, опасаясь сильных соседей. Магмет-Гирей, соединившись с ногайским мурзой Мамаем, напал на ханство Астраханское и овладел им. Но радость крымского хана была недолгой. Союзники его, ногайские мурзы, поняли, что им от усиления Магмет-Гирея грозит большая опасность и разгром Астраханского ханства тому наглядный пример. Ногайские мурзы Агиш и Мамай напали на крымский стан, убили Магмет-Гирея, перерезали множество крымчаков, не ожидавших коварного нападения. Сыновья Магмет-Гирея успели спастись, помчались в Крым. Ногаи стали их преследовать, вторглись в Крым и опустошили его, взяв богатые трофеи и пленных. Пользуясь удобным моментом, в Крым ворвался другой бывший союзник Магмет-Гирея, атаман Евстафий Дашкович со своими казаками и довершил опустошение. На место убитого Магмет-Гирея заступил брат его, Саадат-Гирей и первым делом послал к Великому князю послов с требованием дани – 60 тысяч алтын, а ещё мира для казанского хана Саип-Гирея, обещав в случае исполнения условий не идти войной на Москву. Василий Иванович, уже оповещённый о разгроме Крыма, требования отверг. Крым слаб и на несколько лет не опасен. А вот покарать Саип-Гирея Василий Иванович был намерен. Когда Магмет-Гирей покорил Астраханское ханство, Саип-Гирей на радостях велел убить посла русского и купцов московских, попавших в плен при изгнании Шиг-Алея. Послу Бушму Поджогину отрубили голову. Казнить посла равноценно оскорбить государя, его

пославшего. Василий Иванович сам с ратью двинулся к Нижнему, в начале лета 1523 года. Он отпустил прежнего казанского хана Шах-Али, при котором был отряд верных ему татар, повелев пройти по землям казанским до самой столицы – Казани.

Василий III остался в Нижнем Новгороде и выслал к Казани русскую рать. Войско разделилось на две части. Во главе судовой рати воеводами были князь Василий Васильевич Немой-Шуйский и боярин Михаил Юрьевич Захарьин-Юрьев. Пушки, иначе говоря «наряд», тоже плыли на судах, и командовали ими Григорий и Степан Собакины, Якуб Шашников, Михаил Зверь, Исаак Шенгурский. По берегу шла конница. Во главе Большого полка конной рати воеводами были князья Иван Иванович Горбатый и Иван Васильевич Телепнёв-Оболенский, а в Передовом полку – боярин Фёдор Юрьевич Щука-Кутузов и окольный Иван Васильевич Ляцкой, полком Правой руки командовал князь Александр Иванович Стрига-Оболенский, полкомлевой руки – князь Пётр Иванович Репнин-Оболенский, во главе Сторожевого полка стояли князь Василий Андреевич Шереметев и Иван Михайлович Шамин-Ярославский. В сентябре русские войска перешли реку Суру, правый приток Волги. В устье реки, в двухстах верстах от Казани осталась часть пещей, начавших строить деревянную крепость, названную Васильсурском. После постройки войско осталось при крепости гарнизоном при пушках.

Рать Шах-Али разорила земли черемисов, союзников казанских, дошла до предместий Казани, разорила их и повернула назад, сыграв роль раздражителя. Хан Саип-Гирей собрал войско и выступил навстречу подходившим русским ратям, дошедшим до реки Свияга, чьё устье было почти напротив Казани, через Волгу. Здесь, на Итяковом поле, состоялась битва. Поле ровное. Со всех сторон ограничено природными препятствиями. С востока сама река Свияга, с севера и запада холмы, а на юге озеро Травное.

Русская рать прошла между холмами, в центре поставили пушки, рядом расположился неукомплектованный полк Фёдора. По флангам конная рать. Татары много войска выставить не могли, всё население Казанского ханства составляло пятьсот тысяч человек. И сильно было в набегах, когда не надо было прикрывать свои аулы и города да биться с безоружным населением опустошённых земель. А здесь татарам деваться некуда. За спиной Свияга, потом небольшой, в несколько вёрст клочок земли, за ним Волга, или, как татары реку величают, – Итиль. А за Волгой уже Казань видна. Татары первыми в атаку пошли, и грянул залп пушек, следом залп пищалей. Смешалось войско казанское, раненые и убитые

лошади и люди темп сбили. Следом же другой пушечный залп, потом конница русская в атаку пошла. Сабельная битва началась. Однако русские силы превосходили казанские, пятиться татары начали, а которые и через Свиягу бросились спасаться. Многие утонули, шлем да броня на дно не хуже камня тянут. Бой завершился, русские радоваться стали, а воеводы совет держать зачали. Назад возвращаться, ибо припасы невелики, а осень на носу, и дороги развезёт, либо на Казань идти. На Казань, как ни рядили, не получалось. Судов мало для переправы всего войска, а если малой частью переправиться, так город не взять. Войско после битвы отдыхало, хоронили своих павших, раненых в обоз сносили к лечцам да трофейное оружие собирали. Татары тем временем силы собирали и напали через день. Благо дозоры вовремя упредили. Успели русские полки изготавиться, пушки да пищали зарядить. И вновь казанцев встретили сначала ядра и дроб свинцовый из тюфяков, следом пули из пищалей. А как доскакали они до конницы нашей, так едва половина осталась. И этих посекали за несколько часов. Воеводы потом Господу хвалу возносили, что не тронулись маршем и не перехватили их татары, ибо тогда пушки применить невозможно было и потери бы русских возросли. А так получалось – Казань не взяли, но воинства татарского побили много.

Русское войско ушло, обозлённый разгромом Саип-Гирей собрал небольшой отряд и с ним напал 17 октября на Галич и Унжу. Вместе с казанцами шли в набег луговые черемисы.

Воспользовавшись отсутствием в Казани хана и войска, на казанские земли напали ногайцы. Город взять не смогли, но окрестности на левом берегу Итиля сильно разорили. Хан казанский был в смятении. Бороться с двумя сильными противниками – Москвой и ногайцами ему было не по силам. А то, что война с русскими продолжится, сомнений не было, не для того москвитяне поставили в устье Суры крепость с гарнизоном как форпост и плацдарм для будущих войн. Саип-Гирей тут же послал в Крым посольство с просьбой о помощи к брату Саадат-Гирею. Просил пушки для Казани, янычар. Занятый борьбой за власть против своего племянника, Ислам-Гирея, Саадат-Гирей казанскому хану отказал. Казанский хан сразу же после получения ответа от Саадат-Гирея направил посольство в Турцию, к султану с просьбой принять Казанское ханство в вассалы Турции, надеясь на защиту. Не помогло. Уже ранней весной татарские дозоры доложили хану о выдвигении из Москвы сильной рати.

У Василия Ивановича были развязаны руки. С Литвой перемирие, а на Крым началось наступление 80-тысячной армии польско-литовской, причём они довольно быстро захватили Очаков и подступили к Перекопу.

Саип-Гирей поскакал в Крым, полагая просить помощи турецкого султана, но был братом Саадат-Гиреем арестован и смещён с казанского престола. Ханом в Казань Саадат-Гирей назначил 13-летнего племянника Сафа-Гирея.

Войско назад добиралось через земли черемисов. За помощь татарам встречные селения разоряли, а мужчин угоняли в плен, на чёрные работы. При Василии Ивановиче каменные работы в Кремле продолжались, вырос Архангельский собор, куда из прежней усыпальницы перенесли прах предков Василия. Потребны были рабочие в подмосковные каменоломни и на строительство дорог из камня в столице. Хоть и кратчайшим путём шли, минуя Нижний Новгород и Владимир, срезав крюк, а пришли уже по холодам, в летней одежке, спасаясь на ночных биваках у костров.

Зима снежная выдалась, войска на зимних квартирах находились, воеводы с Василием Ивановичем обдумывали план захвата Казани да поставление на казанское ханство Шах-Али.

Жена Фёдора Авдотья отговаривала мужа идти в поход.

– О себе подумай, седой уже, а в поход собрался! Пусть молодые идут, ты уже своё отвоевал.

Фёдор не соглашался:

– У меня в полку почти все новики, ими командовать надо. Откажусь я, кого дадут? Молодого боярина, кто пороху не нюхал? Людей покалечит почём зря!

Весна ранняя вышла, снег стаял быстро, по рекам сошли вешние воды. После молебна из Москвы 8 мая отправилась судовая рать. Много судов двинулось по Москве-реке вниз по течению до Оки. Все пешцы на кораблях, пушечный наряд с припасами огненными, провизия. Вместе с пушкарями плыли стрельцы «огненного боя», заняв аж шесть лодей, в середине каравана.

Всем войском командовал князь Бельский, который с пехотой плыл на судне. Конницей командовал рязанский наместник Иван Васильевич Хабар-Симский, пушечным нарядом, плывший вслед за пехотой, – князь Палицкий.

Суда с пехотой, с Бельским прошли перекаты волжские. Ввиду жары и отсутствия дождей Волга обмелела. Черемисы, лазутчики которых увидели русскую судовую рать, движимые жаждой мести за прошлогоднее разорение земель черемисских русскими войсками, учинили преграду. Между островами с лодок завалили камнями узости. Когда караван с пушечным нарядом и стрельцами огненного боя подошёл, первые суда сели на камни, пробив дно. Поскольку суда шли плотно, они стали биться друг о

друга, получая пробоины. Мало того, с высоких волжских утёсов черемисы, коих собралось множество, стали метать стрелы из луков. Укрыться на речной лодье некуда, в отличие от большой морской, трюмов они не имели. Черемисы луговые жили скотоводством и охотой, потому луком владели отлично, не хуже татар. Ратники русские превратились в лёгкую мишень. А черемисы сбрасывали с утёсов камни и брёвна. Множество пушкарей погибло от стрел и камней, утонуло. Князь Палицкий потерял до девяноста судов и сумел пробиться только малым числом. После прохода русских черемисы достали из воды пушки, личное оружие утонувших. Но радовались добыче недолго. Следуя уже от Казани, русское войско прошло через селения, причём широкой полосой, не одной дорогой. Вернули практически все пушки и оружие. Жаль лишь погибших людей и пушки, большая часть которых в осаде Казани участвовать не смогла.

Полк Фёдора плыл с пушкарями, кормчий Пантелей опытный, не раз ходивший в эти места. Но и он предвидеть не смог надвигающейся катастрофы. Как село на мель первое судно, ни кормчий, ни Фёдор не видели, далеко было. Немного позже, когда приблизились к перекату, заваленному камнями, стало видно, как бились друг о друга суда, получая пробоины, набирали воду, наклонялись и шли ко дну, только мачты торчали, если судно ложилось на киль. Пантелей сразу дал приказ команде:

– Спустить парус, вёслами табань!

Помогло мало, скорость снизилась, но течение волжское всё равно сносило корабль к месту крушения. Кормчий стал кричать другим судам, шедшим следом:

– Паруса опускайте, причаливайте к берегу!

И своей команде:

– Бросить якорь!

Якорем на корабле был тяжёлый камень на носу, перевязанный канатом. Двое гребцов, поднатужившись, сбросили груз в воду. Корабль стал замедляться, потом его стало разворачивать течением, и он замер, покачиваясь на волнах. Фёдор сразу увидел на вершине утёса лучников, числом более двух сотен. Черемисы появлялись на недолгое время, пускали стрелы и скрывались.

Пушки противостоят им не могли. Даже если установить пушки на станины, угол возвышения очень велик, станина не приспособлена для такого огня. Но как-то черемисам ответить надо. Фёдор приказал стрельцам:

– Заряжай!

На судне, на корме, всё время тлел очаг, на котором готовили пищу

прямо на ходу. На листе железа сложен небольшой каменный очаг. От него стрелыцы зажгли фитили.

– Целься и стреляй по готовности! – закричал Фёдор.

Дальность для стрельбы из пищалей предельная, да ещё палуба под ногами качается, попасть сложно. При Фёдоре на лодье три десятка, дали первый залп. Видно было, как пули выбивали пыль при попадании в утёс. Но кто-то попал, один черемис с криком полетел вниз и упал у подножия утёса. Велик и могуч утёс, в высоту верных тридцать саженей. Фёдор побежал на нос судна, которое развернуло, и нос оказался против течения. Стал кричать, показывать на утёс. Но после начала стрельбы стрелыцы его полка, плывшие на других кораблях, сами поняли, что от них требуется. С других кораблей тоже начали стрелять. Потеряв несколько человек, черемисы отступили. А команды судов стали спасать тех, кто держался на воде. Таких оказалось немного, им протягивали весло, ратник цеплялся, и весло вместе с бедствующим втягивали на судно. Фёдор окинул взглядом оставшиеся корабли и ужаснулся. Армия почти лишилась самого главного для осады – пушек. А уж сколько ратников утонуло, посчитать удастся после похода. Настроение ратников и команд судовых сразу упало. Ещё не высадившись, не приступив к осаде, армия понесла потери, причём болезненные, значимые.

Кормчий подошёл к Фёдору:

– Видишь водные бурунчики у правого берега?

– Вижу, и что из этого?

– Там глубоко, проход должен быть.

– Так иди.

Пантелей был осторожен. В небольшую лодку, что привязана была верёвкой к корме, сели двое гребцов из команды, подплыли к предполагаемому проходу, опустив весло вертикально, попробовали определить глубину. Весло до дна не доставало, о чём и доложили Пантелею.

– Команде на вёсла! – приказал он.

Якорь с трудом подняли, кормчий прошёл на корму, к рулевому веслу. Приложив ладони ко рту, крикнул, обратясь в сторону других судов:

– Следуй за мной и делай, как я!

Кормчие с других судов следили за лодьёй Пантелея. Судно, управляемое опытной рукой кормчего, прошло узость успешно. За ним двинулись на вёслах другие корабли.

Бельский с пешцами о катастрофе, постигшей пушкарский наряд, не подозревал, прошёл в числе первого каравана судов и высадился в виду

Казани. Бездействовал у Гостиного острова 20 дней, поджидая прибытия конницы. Сторонники промосковской партии изнутри подожгли деревянные стены города. Снаружи они были обмазаны местами глиной от поджогов, где глины не было, горожане каждую ночь поливали стены водой. Изнутри же брёвна были сухие и вспыхнули сразу, пламя поднималось выше стены. У казанцев близко к стене водоёмов или рек не было, и потушить стену не представлялось возможным.

Уже воеводы пеших полков строили планы, как после пожара прорваться в город через прореху, но Бельский медлил. Даже в последующие дни он не предпринял попыток воспрепятствовать татарам восстановить стену. Казанцы же, невзирая на отсутствие хана Саип-Гирея, надежду отбиться не теряли. Из ворот города ежедневно выносились отряды всадников, нападали на русские войска. У войска русского ощущалась нехватка пороха, провизии. Остро не хватало пушек. Армия ежедневно несла потери, пусть и малые, от набегов татарской конницы. Воеводы полков открыто упрекали Бельского в бездействии. Но Бельский отдал приказ перейти армии на другое место, и 28 июля армия перешла к реке Казанке, но и здесь бездействовала до 15 августа, когда прибыла конница Хабар-Симского. Только тогда Бельский решил осадить город. Вылазки татарской конницы после прибытия Симского прекратились. Вокруг города, у всех его ворот, располагались и пешцы, и конница, а также немногочисленные пушки. Начался обстрел. Первыми же выстрелами пушкарей Палицкого был убит единственный в Казани бомбардир. Более никто из татар не знал, как пользоваться несколькими трофейными захваченными под Владимиром пушками. Казанцы стали держать совет, в городе оставалось значительное количество мурз и других знатных людей, муфтиев.

Фёдор со стрельцами стоял, спрятавшись за турами. Периодически казанцы постреливали со стены из луков, являя воинственный нрав. В один из дней лучников появилось много, десятка два. Фёдору это надоело. Доколе татары не будут получать ответ?

– Зажечь фитили! Целься! Пли!

Залп полутора сотен пищалей был мощным. От испуга в воздух взмыли птицы. Но попадания были, Фёдор сам видел. Обстрелы русских лучниками со стен прекратились.

Через несколько дней к русским войскам вышли переговорщики от городской знати, просили мира. В город переговорщики вернулись в сопровождении воевод, которые взяли с казанцев присягу не сумятить Великому князю, а также приняли обязательство от мурз послать в Москву

послов с челобитной.

Заключённое перемирие не принесло Москве никаких выгод. Василий Иванович запретил русским купцам вести торговлю на казанской ярмарке, образовав под Нижним Новгородом макарьевскую ярмарку, ставшую впоследствии самой крупной на Руси.

Потеряв тридцать тысяч воинов, в основном при крушении судовой рати каравана Палецкого, армия уходила через земли черемисов. Шли несколькими путями и за враждебность, проявленную на волжских перекатах, безжалостно жгли селения, уводили мужчин в плен. В селениях, особенно прибрежных луговых черемисов, были найдены пушки, пищали, сабли, поднятые черемисами с затонувших кораблей. Всё оружие аборигены собирались продать татарам. Почти половину пушек таким путём удалось вернуть.

Армия вернулась глубокой осенью, пробыв в походе больше полугода. Великий князь обставил возвращение войск торжественно, с колокольным звоном, чтобы видел народ – усмирена непокорная Казань. Вот только победы не было. Казань не была разрушена, знать осталась на своих местах, а войско сохранено за малыми потерями. При Василии Ивановиче были ещё походы на Казанское ханство, не принесшие успехов, но реально Казань была покорена сыном Василия, Иваном IV, спустя полвека.

Казань на время была усмирена, но Крым не давал покоя. К крымскому хану постоянно посылали послов, Василий Иванович толковал о союзе, но степняки стенали, что мало поминок (даров) присылается из Москвы. Сигизмунд присылал в Крым ежегодно дань в 7500 золотых монет и на такую же сумму тканей, однако хан крымский Саип-Гирей был недоволен, писал Сигизмунду: «Ты не хочешь со мной вечного мира, если бы хотел, то высылал 15 000 червонных монет, как прежде брату моему, Магмет-Гирею».

Василий денег посылать даром не хотел, не потакал жадности ханской, переменял учтиво формы обращения в грамотах. Вместо челобитья стал писать известное татарское выражение «много-много поклон». И с гонцами ханскими стали обращаться не так почтительно. Хан писал Великому князю: «Наши гонцы сказывают, что их по старому обычаю не чтишь, и ты бы их чтил. Кто господина захочет почтить, тот и собаке его кость бросит».

Фёдор, вернувшись домой, узнал, что у сына его появилась избранница, тоже из семьи купеческой, Варвара именем. Сын ждал возвращения отца из похода, чтобы заручиться благословением родительским. Да и пора бы, а то несолидно. У сына несколько лавок, на ноги твёрдо встал, а всё холост, когда его сверстники женаты, а у некоторых

детишки появились. Фёдор, ни разу невесту не видевший, согласие дал. Сын его человек разумный и легкомысленного выбора не сделает. Заслали сватов, да, видно, молодые уже сговорились, а родители невесты не против. Пётр в делах торговых удачлив и разумен, а отец его – Фёдор, так и вовсе стрелецкий голова и боярский сын, родителям невесты лестно. Нечасто бывает, чтобы купцы имели в родстве дворянина, пусть и низкого чина.

Не откладывая в долгий ящик, молодые обвенчались, сыграли свадьбу. Приданым Митрофан, отец Варвары, молодым избу подарил на Сретенке. Приданое щедрое, даже по московским меркам.

По весне полк начал пополняться новиками. А ещё Фёдору прислали товарища, как назывался тогда заместитель. Товарищ стрелецкого головы, боярский сын Онуфрий Колода, ранее служил в пушечном наряде. Видимо, в Разрядном приказе посчитали – пожилому Фёдору надо искать замену. Пока Фёдор ещё полон сил, Онуфрий войдёт в курс дела. А ещё сочли, что пушки и пищали – это почти одно и то же, порох, огненный бой, хотя тактика применения совсем разная. Фёдор разбил новиков на сотни, поставил сотниками и десятниками старослужащих из числа толковых и имевших боевой опыт. Фёдор справедливо считал, что командовать даже небольшой боевой единицей может лишь человек, сам побывавший в бою, не струсивший и действовавший правильно. Кроме того, его полк был на хорошем счету, ни разу не бежал из боя, не ослушался приказа воевод.

Да только Фёдор, не раз участвовавший в боевых походах, считал, что Великий князь воеводами не всегда ставит людей способных. Он хорошо помнил Даниила Щеню. А нынешние – что Дмитрий Жилка, брат Василия, что нерешительный и осторожный до трусости Бельский, Щене в подмётки не годятся. Великий князь возвышал людей, лично ему преданных, а не по способностям их ратным.

Товарища Фёдор усердно вводил в курс дела, показывал перестроения, тактику огненного боя. Зато у самого прибавилось свободного времени, которое он с удовольствием проводил в кругу семьи. Сожалел, что раньше не было времени, но он мужчина, воин и государство должен оборонять от недругов.

Глава 10

Государь

Летом, уже ближе к осени Фёдор стал дедом, у Петра родился сын, которого нарекли Даниилом. Уж как Фёдор рад был! После крещения закатил пир, пригласив родню и сослуживцев, милых сердцу.

А Великий князь был в печали, шли годы, а Соломония Сабурова, великая княгиня, была бесплодна, тщетно употребляя все снадобья, предписываемые знахарками. Беременности не было, исчезала любовь мужа. Василий задумывался. Неуж придётся престол завещать брату Юрию?

Однажды, проезжая на позолочённой колеснице, Великий князь увидел на дереве птичье гнездо, заплакал и сказал: «Птицы счастливее меня, у них есть дети!»

После жаловался боярам:

– Кто будет моим и государства наследником? Братья ли, которые не умеют править и своими уездами?

Бояре отвечали:

– Государь! Неплодную смоковницу посекают, на её месте сажают иную!

Бояре меньше заботились о государстве, а думали больше о себе, привыкшие к порядку вещей, установленному при Василии. Они надеялись сохранить своё привилегированное положение при наследнике Василия. Они боялись злой участи, взойди на престол Юрий, брат Василия, дабы он приведёт своих придворных. Следуя их советам и желая иметь своего сына, государь решился на дело – отвергнуть от своего ложа добродетельную супругу, которая двадцать лет жила единственно для счастья Василия. Митрополит Даниил, более внимательный к миру, нежели к духу, намерения Василия одобрил против устава церковного.

Разрешив узы брака, Василий не мог вторично сочетаться браком. Чья жена с согласия мужа постригается в схиму, тот должен сам отказаться от мирской жизни.

Василий предложил Соломонии добровольно «уйти» от мира, она отказалась. Тогда устроили насилие. Иван Шигона, боярин, действуя именем Василия и угрожая побоями, вывез её из дворца кремлёвского и отвёз в рождественский Девиный монастырь, где её постригли в монахини под именем Софии и свезли в суздальский Покровский монастырь, от глаз

подальше. Случилось это в ноябре 1525 года, вызвав в народе неодобрение. За царя стояли только приближённые бояре. Государя осуждали, Соломонию жалели.

Василий Иванович, презрев разговоры, получил от митрополита согласие на новый брак и через два месяца после развода, в январе 1526 года, венчался с Еленой Глинской, дочерью умершего князя Василия Львовича Глинского, родной племянницей Михаила, известного своими предательствами. Бояре московские были немало изумлены. Елена была красива, но воспитана в немецких традициях, к которым тяготел её дядя. Россиянки же наущаемы были родителями целомудрию, кротости и добродетели. Василий поддался чарам Елены, его не любившей, желая выглядеть моложе, обрил бороду, аки католик. Более трёх лет Елена не могла забеременеть, ходила пешком в святые обители, раздавала милостыню юродивым и пустынноикам, моля о чадородии. Многие злорадствовали, осуждали брак Василия и Елены, предсказывали, что Бог никогда не даст ребёнка. Но через год Елена забеременела и 25 августа 1530 года родила сына Ивана, а через год с небольшим ещё одного сына, слабого умом – Георгия.

Вся Русь была в полном восторге от появления наследника. Через десять дней Великий князь отвёз младенца в Троицкую лавру, где игумен Иоасаф Скрипицын вместе с благочестивыми иноками Кассианом Босым и Даниилом Переславским окрестили мальчика. Обливаясь слезами умиления, родитель принял первенца, положил на раку Святого Сергия, моля угодника быть наставником и защитником. На радостях Василий щедро сыпал золото в казну церковную, велел отворить все темницы и выпустить узников, снял опалу со многих знатных людей – князей Фёдора Мстиславского, Щенятева, Суздальского-Горбатого, Плещеева, Морозова, Ляцкого и многих других.

После рождения второго сына, Георгия, государь позволил меньшему брату Андрею жениться на княгине Хованской, Ефросинье.

В год рождения первенца Василий Иванович вновь отправил армию на Казань. Судовой ратью командовал князь Бельский, а конной – князь Михаил Глинский, освобождённый из темницы хлопотами племянницы. Фёдор, как узнал, кто воеводы, схватился за голову и от участия в походе отказался, ссылаясь на немощь и болезни. Уж он-то знал цену обоим. Его худшие предположения оправдались.

Опрокидывая мелкие отряды казанцев, конница Глинского переправилась через Волгу, со-единилась с судовой ратью и 10 июля осадила город. Пользуясь небрежным несением караулов татарами, охочие

люди Передового полка подобрались к городской стене и подожгли её. Пожар занялся знатный. Когда брёвна прогорели, пещцы бросились на приступ и заняли острог, который являлся предместьем Казани. Защитники острога бежали к городским воротам, которые для них открыли.

У Казани Бельский и Глинский начали спорить, кому первому подлежит вступить в город, кому достанется слава и благосклонность государя. Три часа городские ворота были распахнуты и никем не охранялись.

Русские пушкарки подтащили и установили напротив ворот пушки. К несчастью для русских, пошёл сильный дождь, и порох намок, погасли жаровни для запальных трутов. Очнувшиеся казанцы послали конницу, пушкарки разбежались, а татары захватили пушки и уволокли их в город. А в тылу русских войск черемисы почти без боя заняли оставшийся с малой охраной стан, захватили трофеями семьдесят пищалей и почти все припасы провизии. Армия попала в трудное положение. Пушек почти не осталось, большинство их в руках врага, провизия на исходе. Но казанцы, видя большую рать, числом равную жителям Казани, устрашились, запросили мира. Бельский, как главный воевода, согласился и осаду снял. И вновь Василий III от похода ничего не выиграл.

Когда, вернувшись из похода, товарищ Фёдора, возглавлявший в походе стрелецкий полк, рассказал в подробностях о ходе боевых действий, Фёдор то плакал по ходу повествования, то смеялся. Более нелепых действий Бельского и придумать было невозможно. Имея такую большую армию, да при пушках и припасах, можно было разгромить не только Казань, но и примучить всё Казанское ханство. Фёдор, старый и опытный вояка, чувствовавший некоторые угрызения совести, когда стрельцы его полка ушли в поход, почувствовал облегчение. Не пристало подчиняться бездарям, хоть и княжеского рода.

Два года после казанского похода войн не было, Русь трудилась и отдыхала. А лето 1533 года выдалось засушливым. С 29 июня и до сентября не упало ни одной дождевой капли, болота и ключи иссохли, леса горели. Солнце едва пробивалось через дым и было тусклым, багровым. Люди и звери задыхались от дымного смрада. Великий князь торжественными молебнами старался умиловить небо. Двор и народ постились. От засухи зачали частые пожары в сёлах и городах. А после в августе 24 числа по небу пролетела яркая комета! Многие восприняли её как предвестницу беды. По улицам стали бродить юродивые, выкрикивая ужасные предсказания, наиболее частые – о смерти государя.

До Василия через челядь слухи доходили, но он лишь посмеивался.

Ему всего 54 года от рождения, он бодр духом и здоров телом. Единственное, чего побаивался, так это отравления. Яды в те времена употребляли часто. Мышьяк, корень мандрагоры, а то и более коварные яды для устрашения неугодных пришли на Русь из Европы. Наши монархи новшество тут же переняли. Великие князья, а потом и цари всегда имели при себе специального человека, который пробовал со стола великокняжеского все кушанья и напитки. Зачастую и это не спасало.

После появления кометы в южные области Московского княжества снова нагрянули отряды крымцев. Были немногочисленны каждый, но было их несколько. Дальше Большой засечной черты не прошли, но рязанские, низовские и калужские земли успели пограбить. Войско русское отреагировало быстро. Часть захватчиков перебила, за другими пустились следом, отбили пленных и скот, и немногие из крымчаков добрались до Перекопа.

Радуюсь изгнанию неприятеля, Великий князь с супругой и детьми отправился большим обозом в Троице-Сергиеву лавру 25 сентября. Отслужили молебен. Обоз с супругой и детьми отправился в столицу, а Великий князь к Волоку Ламскому, на любимое развлечение – охоту. Туда же из Москвы прибыл главный псарь со стаей охотничьих собак. Василий Иванович был первым из государей, кто завёл псовую охоту, до того собаки считались животными нечистыми, кто их держал дома, обращались худо, кормили отбросами. Василий Иванович перенял моду на псовую охоту от европейских государей. Сам он в Европу не выезжал, но послы иноземные о подобном развлечении сказывали.

В селе Озерецком Василий Иванович заболел, на левом бедре образовался гнойник. Вначале он не показался сколь-нибудь опасным, размером с булавочную иголку. Великий князь вернулся в Волок Ламский, где был на пиру у дворецкого, Ивана Юрьевича Шигоны. На другой день с приближёнными боярами сходил в баню по русскому обычаю попариться. Глядишь – с потом вся хворь выйдет. Затем отобедал с боярами. По обычаю ели обильно и пили вина много.

Для охоты время самое подходящее, осень сухая, тёплая. Государь со свитой и псами выехал потешить душу и развлечься. Ехал верхом, вскоре нога сильно заболела, и охоту пришлось прервать, возвратиться с полей, в селе Колп лёг в постель. В Москву помчался гонец за Михаилом Глинским и лекарями, кои прибыли через день – русский Николай Луев и немец Феофил. К чирью стали прикладывать муку с мёдом и печёным луком, а потом и горшки – оттянуть гной. Сначала случилось облегчение, чирей вскрылся, гной пошёл обильно, целыми площадками, да запах ужасающий.

Василий Иванович почувствовал себя немного лучше, пролежав две недели в Колпи, приказал доставить его в Волок Ламский, в дом Шигоны. Государь стал чувствовать тяжесть в груди, пропал аппетит. Лекари назначили ему горечи и слабительное.

Государь послал в Москву стряпчего Мансурова и дьяка Путятину за духовными грамотами своих деда и отца, не велел сказывать ничего о своём недуге ни Великой княгине, ни боярам, ни митрополиту, ни послам. Государь хотел скрыть болезнь, надеясь выздороветь. Для него недуг был испытанием, поскольку раньше он не болел, хотел сохранить недомогание в тайне. Кроме брата Андрея, в Волоке были Глинский Михаил, князя Бельский, Шуйский и Курбский. Другой брат, Юрий, поспешил к Василию из Дмитрова. Василий Иванович пообщался с ним недолго и отпустил с утешениями о скором выздоровлении. Великий князь приказал везти себя в Москву на сани, шагом. Везти медленно, укрыв медвежьей шкурой. По пути заехали в Иосифову обитель, где дьякон счёл молитву о здравии государя. Сам государь лежал в церкви на одре. Бояре и игумен при чтении молитвы упали на колени и плакали.

Василий не желал, чтобы его видели немощным, велел въехать в Москву скрытно. Добрались до Воробьёва, где Василий принял митрополита, епископов, бояр, воевод. С третьего часа и до седьмого наказывал им о устройении государства, о сыне, когда приглашённые уходили, остались трое – Михаил Юрьев, Михаил Глинский и Иван Шигона. Пробыли они при Великом князе до ночи. Им наказывал о Великой княгине Елене, как ей без него быть, как без него царству строиться.

Тем временем холопы под руководством бояр проломили тонкий лёд на реке, построили мост деревянный. Едва сани с государем въехали на мост, он обломился, лошади упали в воду. Но боярские дети, обрубив гужи, удержали сани на руках. Великий князь запретил наказывать строителей. Василия Ивановича внесли в постельные хоромы.

Следующим днём прибыли братья Юрий и Андрей, стали принуждать Василия покушать. Но он только прикоснулся к ложке с миндальной кашей.

После велел призвать бояр и князей Ивана и Василия Шуйских, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семёновича Воронцова, Михаила Глинского, Тучкова, казначея Головина, дворецкого Шигону. При них велел дьякам писать новую духовную грамоту, объявив трёхлетнего сына Иоанна наследником государства, под опекой матери и избранных бояр по достижении пятнадцати лет, назначил удел меньшому сыну Георгию. Братья и князья настояли, чтобы Василий призвал Елену и сына. Князь

Андрей Иванович и Михаил Глинский пошли за нею, а брат Елены, князь Иван Глинский, принёс старшего сына. Брат Елены поспел первым, за ним шла мамка Аграфена Васильевна. Великий князь благословил сына и обратился к мамке:

– Смотри, Аграфена, от сына моего Ивана не отступай ни на пядь!

Когда мальчика унесли, ввели Великую княгиню. Брат Василия Андрей и боярыня Челядина вели Елену под руки. Она страшно билась и стонала в отчаянии. Великий князь утешал её, говоря:

– Мне уже лучше, не чувствую боли.

Елена приободрилась и спросила:

– Кому поручаешь супругу и детей своих?

Василий ответил:

– Иоанн будет государем, а тебе, следуя обыкновению наших отцов, я назначил в своей духовной грамоте особенное достояние.

Супруга его стала сильно кричать, Василий поцеловал её в уста в последний раз и велел насильно вывести. Василий велел принести и меньшего сына Георгия, также благословил его крестом Святого Петра и сказал, что и он не забыт в духовной.

Ещё находясь в Волоке, Василий говорил духовнику своему, протоиерею Алексию и любимому старцу Мисаилу:

– Не предайте меня земле в белой одежде! Не останусь в мире, даже если выздоровлю!

Отпустив Елену, государь велел принести Мисаилу монашескую рясу, послали за Иоасафом Троицким, за образами Владимирской Богоматери и Святого Николая Гостунского. Духовник Алексей пришёл с дарами, чтобы передать их Василию в последнюю минуту. Великий князь рёк:

– Будь передо мной и не пропусти сего мгновения!

Подле духовника стоял стряпчий государев, Фёдор Кучецкой, бывший свидетелем смерти Ивана III, отца Василия. Читали канон на исход души. Василий сказал брату Юрию:

– Помнишь ли преставление нашего родителя? Я так же умираю!

И потребовал пострижения, одобряемого митрополитом и некоторыми боярами. Но князь Андрей Иванович, Иван Шигона и Воронцов не одобряли, говорили, что Дмитрий Донской умер мирянином, как и князь Владимир, а назван равноапостольным. Шумели и спорили. Василий меж тем крестился и читал молитвы. Уже язык его заплетался, взор меркнул, рука безвольно упала. Великий князь ждал обряда. Митрополит Даниил взял чёрную рясу и подал её игумену Иоасафу. Князь Андрей хотел вырвать её из рук игумена. Тогда митрополит огневался: «Не благословляю вас ни в

сей век, ни в будущий! Никто не отнимет у меня души его!»

Василий отходил, спешили закончить обряд. Митрополит сам постриг умирающего, дав новое имя – Варлаам. На грудь новообращённого монаха положили Евангелие. На несколько минут воцарилась тишина. Шигона, стоя возле смертного одра, по другую сторону от митрополита и игумена, наклонился к телу, прислушался, дыхания не услышал и воскликнул:

– Государь скончался!

Произошло это со среды на четверг, в двенадцатый час ночи, 3 декабря 1533 года. Все зарыдали. От тела государя исходил несносный запах от гноящейся болячки в бедре. Митрополит омыл тело и обтёр исконою. И о диво! Комната наполнилась благоуханием.

Рыдания и плач наполнили комнату. Митрополит унимал людей, но голоса его было не слышать. Митрополит отвёл братьев Юрия и Андрея в переднюю избу, взял с них присягу служить Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери, Великой княгине Елене, жить в своих уделах, стоять в правде, на чём они целовали крест Василию, а государство под Великим князем Иваном не хотеть и людей от него не отказывать и стоять противу недругов и басурманства сообща. Такая же присяга была взята с ближних бояр, бывших в покоях государевых.

Митрополит с удельными князьями и боярами отправились к Великой княгине утешить её. Елена, только увидев их, упала без чувств и лежала так два часа.

Пробыв на престоле 27 лет, Василий Иванович был упокоен в Архангельском соборе подле могилы отца своего. Не обладая талантами отца, но последовательно и твёрдо проводя его линию на объединение земель, Василий Иванович увеличил территории государства Московского в несколько раз, даже и более, чем отец. Замирался с соседями западными – Литвой, Ливонией и Швецией, оставив сыну Ивану беспокойными соседями только Казань и Крым.

Поскольку младенец Иван был ещё не способен к управлению, от его лица правила Елена, опираясь не столько на боярскую думу, сколько на двух бояр – дядю Михаила Глинского и конюшего боярина, сердечного друга Ивана Фёдоровича Овчину-Телепнёва-Оболенского.

Первым действием нового правления было торжественное собрание духовенства, князей и бояр и простого люда в Успенском соборе, где митрополит благословил державного младенца властвовать над Россией. Знать поднесла Ивану дары. Во все концы государства были посланы гонцы известить княжества о наличии государя и присягнуть на верность Ивану.

А через неделю столица была поражена судьбой князя Юрия Ивановича, брата Василия. Князь Андрей Шуйский оклеветал Юрия, которого схватили, бросили в темницу, где он и умер от голода 26 августа 1536 года. Его брат Андрей был в ужасе, бежал из столицы с женой и сыном. Рассылая грамоты, решил собрать войско и идти в Новгород. Князь Иван Телепнёв поспешил за Андреем, уговорил его сдаться, пообещав, что Елена ему не будет вредить. Но регентша Елена заковала его в железо и бросила в темницу. Многих бояр Андрея пытали до смерти, а детей боярских числом тридцать повесили.

Михаил Глинский, видя, что Елена забросила воспитание сыновей и предалась похоти с женатым Телепнёвым-Оболенским, начал осуждать Елену, всё же племянница бросала тень на древний род. Елена и его бросила в темницу, где он умер. В том же месяце августе князь Семён Бельский и Иван Ляцкой бежали в Литву, видя худое отношение к боярам. Были схвачены и брошены в темницу князь Иван Бельский, Иван Воротынский, Воронцов. Телепнёв-Оболенский расчищал круг подле Елены, надеясь через неё править государством. В это же время умирает в темнице Андрей, брат Василия. За короткое время Елена умертвила обоих братьев покойного мужа, дядю. Обесчестила множество знатных родов – Андреева, Пронского, Хованского, Палецкого.

Елену не любил народ и ненавидела знать. Единственное, что сделала для государства, – ввела единые по стране деньги – серебряную денгу весом в 0,34 грамма. Елена умерла внезапно, в возрасте тридцати лет, четвёртого апреля 1538 года, управляя огромным государством четыре года. Смерть наступила от отравления. Поговаривали, князья Шуйские виновны, но доказательств не было, да их никто не искал, смерти Елены были рады почти все бояре. Похоронили её в Кремле, в Вознесенском женском монастыре. Впоследствии он был разрушен большевиками.

Первая жена Василия, Соломония Сабурова, тоже была ненавистна Елене. После смерти Василия Елена повелела держать её на хлебе и воде. Послабление случилось лишь после смерти Елены. Прожила Соломония, в схиме инокиня София долго, умерла 18 декабря 1542 года и похоронена в Суздале, в Покровском монастыре. Поговаривали, что вскоре после развода с Василием родила она сына, прятала от всех, который впоследствии стал известным разбойником Кудеяром. Повзрослев, государь Иван IV Васильевич собирал все сведения о Кудеяре, повелев изловить, но без успеха.

Полюбовник вдовствующей Великой княгини, Иван Фёдорович Овчина-Телепнёв-Оболенский тоже, как и Глинские, был выходцем из

Литвы. Поговаривали, что сын Василия был плодом связи Елены с красавцем Телепнёвым. После смерти Елены Иван Фёдорович был схвачен на седьмой день. Слишком многим он был ненавистен из бояр. Власть в свои руки до совершеннолетия малолетнего Ивана Васильевича решил взять многоопытный князь Василий Шуйский. Ивана Телепнёва бросили в заключение, где он через год умер от голода. Вместе с Иваном была схвачена его сестра, Аграфена Челядина, бывшая при маленьком Иване мамкой. Аграфена была насильно пострижена в монахини и сослана в Каргопольский монастырь.

Фёдор Сухарев пережил государя на несколько лет и скончался в окружении близких.